

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

ЧЕЛОВЕК ОБЩЕСТВО ИНКЛЮЗИЯ

№ 2 (42) 2020

ISSN 2412-8139

VESTNIK.MGGEU.RU

**Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации**

Московский государственный
гуманитарно-экономический университет

Научный журнал

•————•
Издается с 2009 года

Человек. Общество. Инклюзия

**№ 2(42)
2020**

Человек. Общество. Инклюзия

Выпускается ежеквартально

Главный редактор — Вагиф Дейрушевич Байрамов

доктор социологических наук, профессор,
ректор Московского государственного гуманитарно-экономического университета

Международный редакционный совет:

Ариф Асалы оглу	Стамбул, Турция	генеральный директор Международного института развития научного сотрудничества
Бучко Ладислав	Братислава, Словацкая Республика	заведующий кафедрой в Университете медицины и социальной работы Св. Елизаветы в Братиславе
Волков Ю.Г.	Ростов-на-Дону, Россия	доктор философских наук, профессор, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, директор Южно-российского филиала Института социологии РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации
Володарская Е.А.	Москва, Россия	доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник Центра науковедения Института истории естествознания и техники РАН им. С.И. Вавилова, член редакционного совета журналов «Вестник Российской академии наук», «Человеческий капитал», «Ученые записки Российского государственного социального университета»
Горшков М.К.	Москва, Россия	доктор философских наук, академик РАН, директор Института социологии РАН, действительный член Российской академии наук, академик Академии политической науки, вице-президент Российского общества социологов при РАН
Грызунова Н.В.	Москва, Россия	доктор экономических наук, профессор кафедры финансового менеджмента Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова
Кандыбович С.Л.	Москва, Россия	доктор психологических наук, профессор, председатель Федеральной национально-культурной автономии белорусов России, член-корреспондент Российской Академии Образования, заслуженный деятель науки РФ, член редколлегии журнала «Человеческий капитал»
Коч К.	Мугла, Турция	доктор филологических наук, доцент факультета литературы Университета Мугла Сыткы Кочмана
Кубякин Е.О.	Краснодар, Россия	доктор социологических наук, доцент, начальник кафедры философии и социологии ФГКОУ ВО «Краснодарский университет МВД Российской Федерации», член редакционных коллегий научных журналов: «Общество и право», «Вестник Краснодарского университета МВД Российской Федерации», «Общество и право»
Магомедов К.О.	Москва, Россия	доктор социологических наук, профессор, руководитель социологической лаборатории РАНХиГС при Президенте РФ, член редколлегии научных журналов «Социально-гуманитарные технологии», «Среднерусский вестник общественных наук»

Матулик Йозеф	Братислава, Словацкая Республика	профессор Университета медицины и социальной работы Св. Елизаветы в Братиславе
Маршак А.Л.	Москва, Россия	доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН, первый вице-президент Фонда социальной защиты от последствий ядерных и природно-техногенных катастроф (Фонд «Спасение»), академик Академии социальных наук, Академии политической науки, действительный член Российской академии предпринимательства, почетный работник высшего профессионального образования, заместитель главного редактора научно-политического журнала «Власть», член редколлегии журналов «Социологическое образование», «Общество и право», «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки»
Миронов А.В.	Москва, Россия	доктор социологических наук, профессор Московского педагогического государственного университета, главный редактор научного журнала «Социально-гуманитарные знания», член редакционной коллегии научного журнала «ПОИСК»
Мурадов А.Д.	Баку, Азербайджан	доктор экономических наук, ректор Азербайджанского государственного экономического университета (UNEC)
Ницевич В.Ф.	Москва, Россия	доктор политических наук, профессор, и.о. ректора ФГБОУ ВО «Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ)»
Плотников В.В.	Краснодар, Россия	доктор социологических наук, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии ФГКОУ ВО «Краснодарский университет МВД Российской Федерации», член редколлегии научного журнала «Общество и право»
Смолин О.Н.	Москва, Россия	доктор философских наук, член-корреспондент РАО, депутат Государственной Думы ФС РФ, заместитель председателя Комитета по образованию и науке, первый вице-президент Паралимпийского комитета РФ, академик РАО, президент Ассоциации издателей и пользователей учебной литературы «Российский учебник», председатель Общероссийского общественного движения «Образование — для всех»

Человек. Общество. Инклюзия

№ 2(42) 2020

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	доктор социологических наук, профессор	В.Д. Байрамов
Заместитель главного редактора	доктор педагогических наук, профессор	Е.Н. Пузанкова
Адаптивная физическая культура 13.00.04	кандидат социологических наук, доцент	Е.В. Морозова
Математика 01.01.00	доктор физико-математических наук, профессор	В.А. Кадымов
Политология 23.00.00	доктор социологических наук, профессор	В.Д. Байрамов
	доктор политических наук, доцент	О.А. Судоргин
Педагогические науки 13.00.00	доктор педагогических наук, профессор	Е.Н. Пузанкова
	кандидат педагогических наук, доцент	И.Л. Руденко
Психологические науки 19.00.00	доктор психологических наук, профессор	С.Н. Толстикова
	кандидат психологических наук, доцент	Л.Ю. Беленкова
Социологические науки 22.00.00	доктор социологических наук, профессор	Э.К. Наберушкина
Филологические науки 10.00.00	доктор филологических наук, доцент	Л.Г. Тюрина
	доктор филологических наук, профессор	Б.А. Ланин
	кандидат филологических наук, доцент	В.С. Джабраилова
Философские науки 09.00.00	доктор философских наук, профессор	А.В. Герасимов
	кандидат философских наук, доцент	Е.А. Воронцов
Экономические науки 08.00.00	доктор экономических наук, профессор	Ю.Н. Нестеренко
	кандидат экономических наук, доцент	И.Л. Литвиненко
Юридические науки 12.00.00	доктор юридических наук, профессор	В.А. Никифоров
	доктор юридических наук, профессор	А.Н. Никитин
	кандидат юридических наук, доцент	Г.В. Мартыанова

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

107150 г. Москва, ул. Лосиноостровская, д.49
Редакция журнала «Человек. Общество. Инклюзия»
Телефоны: (499) 160-92-00, доб. 1091
Факс: (499) 160-22-05
E-mail: bobko@mggeu.ru

Номер свидетельства о регистрации средства
массовой информации
ПИ №ФС 77-61989 от 02.06.2015 ISSN 2412-8139
Интернет: <http://mggeu.ru>; <http://vestnik.mggeu.ru>

Human. Society. Inclusion

Issued quarterly

Editor-in-chief: Vagif Deirushevich Bairamov

Doctor of Sociology, Professor,
Rector of the Moscow State University of Humanities and Economics

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL:

Arif Asaly oğlu Istanbul, Turkey — Ph.D in history, International Institute of Scientific Cooperation Development

Buchko Ladislav Bratislava, Slovak Republic — Ph.D in Sociology, Head of the Department of St. Elizabeth University of Health and Social Sciences

Volkov Y.G. Rostov-on-Don, Russia — Ph.D in Philosophy, Professor, Scientific Director of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University, Director of the Southern-Russian Branch of the Sociology Institute (RAS), Honored Scientist of the Russian Federation

Volodarskaya E.A. Moscow, Russia — Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, The Institute of history of science and technology S.I. Vavilov of the Russian Academy of Science

Gorshkov M.K. Moscow, Russia — Ph.D in Philosophy, Academician of the Russian Academy of Sciences (RAS), Director of the Institute of Sociology of the RAS, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Academy of Political Sciences, Vice President of the Russian Sociological Society at the Russian Academy of Sciences

Gryzunova N.V. Moscow, Russia — Doctor of Economics, Professor of the Department “Financial Management” in Plekhanov Russian Economic University

Kandybovich S.L. Moscow, Russia — Doctor of Psychological Sciences, Professor, Corresponding Member of Russian Academy of Education, Honored Scientist of the Russian Federation, Member of the Editorial Board of the Journal “Human Capital”

Koç K. Muğla, Turkey — Doctor of Philological Sciences, Associate Professor of Muğla Sıtkı Koçman Üniversitesi

Kubyakin E.O. Krasnodar, Russia — Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Chief of Department of Philosophy and Sociology of Krasnodar University of the Ministry of Inner Affairs

Magomedov K.O. Moscow, Russia — Doctor of Social Sciences, Professor of Department of Personnel Management of the Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Head of the Sociological Group

Matulnik Josef Bratislava, Slovak Republic — Professor of St. Elizabeth University of Medicine and Social Sciences

Marshak A.L. Moscow, Russia — Doctor of Philosophy, Professor, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Chief Research Associate, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Academician of Academy of Social Sciences, Academy of Political Sciences, Deputy Chief Editor of the National Scientific and Political Journal “Vlast’ (The Authority)”

Mironov A.V. Moscow, Russia — Doctor of Sociological Sciences, Professor of Moscow State Pedagogical University, Editor-in-Chief of Scientific Journal “Social and Humanities Knowledge”, Member of the Editorial Board of the Scientific Journal “POISK”

Muradov A.D. Baku, Azerbaijan — Doctor of Economic Sciences, Professor, Rector of Azerbaijan State University of Economics (UNEC)

Narykov N.V. Krasnodar, Russia — Doctor of Philosophy, Professor of a Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of Inner Affairs, Member of the Editorial Board of the Scientific Journal “Society and Law”

Nitsevich V.F. Moscow, Russia — Ph.D in Political Science, Professor, Acting Rector of FSBEI «Moscow State Automobile and Road Technical University (MADI)»

Plotnikov V.V. Krasnodar, Russia — Doctor of Sociological Sciences, Assistant Professor, Lecturer of the Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of Inner Affairs, Member of the Editorial Board of the Scientific Journal “Society and Law”

Smolin O.N. Moscow, Russia — Ph.D in Philosophy, Corresponding Member of Russian Academy of Education, Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, Vice-Chairman of the Education Committee, Academician RAO, President of The Association for the Publishers and Users of the Educational Literature “The Russian Textbook”, Chairman of the all-Russian public movement «Education — for all»

Human. Society. Inclusion

Issue 2(42) 2020

EDITORIAL BOARD

Bayramov V.D. Editor-in-Chief, Doctor of Sociology, Professor
Puzankova E.N. Deputy Editor-in-Chief, Doctor of Pedagogics, Professor

Scientific Research Areas:

13.00.04 Adaptive Physical Education	Morozova E.V.	Candidate of Sociology, Associate Professor
01.01.00 Mathematics	Kadymov V.A.	Doctor of Physical and Mathematics Science, Professor
23.00.00 Political Science	Bayramov V.D. Sudorgin O.A.	Doctor of Sociology, Professor Doctor of Political, Associate Professor
13.00.00 Pedagogy	Puzankova E.N. Rudenko I.L.	Doctor of Pedagogics, Professor Candidate of Pedagogics, Associate Professor
19.00.00 Psychology	Tolstikova S.N. Belenkova L.Y.	Doctor of Psychology, Professor Candidate of Psychology, Associate Professor
22.00.00 Sociology	Naberushkina E.K.	Doctor of Sociology, Associate Professor
10.00.00 Philology	Tyurina L.G. Lanin B.A. Dzhabrailova V.S.	Doctor of Philology, Associate Professor Doctor of Philology, Professor Candidate of Philology, Associate Professor
09.00.00 Philosophy	Gerasimov A.V. Vorontsov E.A.	Doctor of Philosophy, Professor Candidate of Philosophy, Associate Professor
08.00.00 Economics	Nesterenko Y.N. Litvinenko I.L.	Doctor of Economics, Professor Candidate of Economics, Associate Professor
12.00.00 Legal Science	Nikiforov V.A. Nikitin A.N. Martyanova G.V.	Doctor of Legal Science, Professor Doctor of Legal Science, Professor Candidate of Legal Science, Associate Professor

---

Editors Address:

49, Losinoostrovskaya Street, Moscow, Russia, 107150

Tel.: (499) 160-92-00 * 1091

Registered by the Ministry of press, tele- and radiocasting and mass media

Mass media registration certificate

PE № FS 77-61989 от 02.06.2015 ISSN 2412-8139

Internet: <http://mggeu.ru>; <http://vestnik.mggeu.ru>; e-mail: bobko@mggeu.ru

Содержание

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

О.А. Волкова

Инновационный потенциал некоммерческих организаций инвалидов
в условиях социального риска: социологический анализ 12

Л.В. Рожкова, А.Ш. Дубина, С.А. Влазнева, О.В. Сальникова

Патриотизм и эмиграционные установки молодежи в современных
условиях 17

В.С. Дунин, Е.А. Клеймёнов, Е.В. Чепиков

Обучение в образовательной организации МВД России с использованием
дистанционных технологий в условиях распространения новой
коронавирусной инфекции (COVID-19) 28

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Н.В. Левичев, Ю.Н. Нестеренко

Доступность банковских услуг для людей с инвалидностью
как инструмент формирования финансовой инклюзии в обществе 41

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

З.С. Воронова, В.В. Андрианова

Финансово-правовые механизмы поддержки лиц с инвалидностью 49

С.А. Деханов

Опыт становления института вещных прав в Европе
(на примере Германии) и его влияние на Россию 53

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Н.В. Белозерцева

Обеспечение доступности правовой информации для лиц
с интеллектуальными нарушениями как филологическая проблема 59

Е.А. Стародубцева

Трансформационные способы достижения адекватности при переводе
информационно-аналитических статей 65

Э. Гениш, И.А. Батанова, А.А. Утеева

Сравнительно-сопоставительный анализ обращений в турецкой
и русской лингвокультурах 73

В.С. Джабраилова, М.А. Чуркина

Адекватность и эквивалентность как основной критерий качества
перевода лексики инклюзивного профиля (на материале
официально-делового дискурса) 82

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Д.А. Абдурасулов, А.Н. Нестерова

Технология преодоления агрессии во взаимоотношениях подростков 90

МАТЕМАТИКА

О.В. Головина

История математики как средство достижения целей математического образования	98

ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Ю.С. Артемова

Профессиональные взаимодействия работников организаций социального обслуживания в условиях кризиса	105

К сведению авторов	114

Contents

SOCIAL SCIENCE

Volkova O.A.

Innovative potential of non-profit organizations of disabled people
in conditions of social risk: a sociological analysis 12

Rozhkova L.V., Dubina A.S., Vlazneva S.A., Salnikova O.V.

Patriotism and emigration attitudes of youth in modern conditions 17

Dunin V.S., Kleymenov Y.A., Chepikov Y.V.

Training in the educational organization of the MIA of Russia
with the use of remote technologies in the conditions of the distribution
of new coronavirus infection (COVID-19) 28

ECONOMICS

Levichev N.V., Nesterenko J.N.

Availability of banking services for persons with disabilities
as a tool for forming a financial inclusion in society 41

LEGAL SCIENCE

Voronova Z.S., Andrianova V.V.

Financial-legal means of support for persons with disabilities 49

Dekhanov S.A.

Experience in the formation an institute of real law in Europe
(on the example of Germany) and its influence on Russia 53

PHILOLOGY

Belozertseva N.V.

Ensuring the availability of legal information for persons with intellectual
disabilities as a philological problem 59

Starodubtseva E.A.

Transformation methods of achieving adequacy in translating information
and analytical articles 65

Batanova I.A., Genis E., Uteeva A.A.

Comparative analysis of cases in the Turkish and Russian linguistic cultures 73

Dzhabrailova V.S., Churkina M.A.

Adequacy and equivalence as the main criteria of inclusive lexis translation
quality (evidence of official documents discourse) 82

PSYCHOLOGY

Abdurasulov D.A., Nesterova A.N.

Technology for overcoming aggression in teenagers' relationships 90

MATHEMATICS

Golovina O.V.

History of mathematics as a means to achieve the goals of mathematical
education 98

STUDIES OF YOUNG SCIENTISTS

Artyomova Y.S.

Professional interaction of employees of social service
organizations in a crisis 105

For the Attention of Authors 114

О.А. Волкова

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ИНВАЛИДОВ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОГО РИСКА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

INNOVATIVE POTENTIAL OF NON-PROFIT ORGANIZATIONS OF DISABLED PEOPLE IN CONDITIONS OF SOCIAL RISK: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

ВОЛКОВА Ольга Александровна — заведующий кафедрой социологии и философии МГГЭУ (e-mail: volkovaoa@rambler.ru)

VOLKOVA Olga Alexandrovna — Head of the Department of Sociology and Philosophy, MGGEU (e-mail: volkovaoa@rambler.ru)

Аннотация. Проблема разработки и реализации инноваций некоммерческими организациями инвалидов в современных условиях социального риска является актуальной. Цель работы — рассмотреть инновации некоммерческих организаций инвалидов, появляющиеся в условиях социального риска. В статье дается анализ новых организационных траекторий развития социальных инноваций и их влияние на национальные и региональные некоммерческие организации инвалидов. Используемые методы: качественный компаративный анализ; метод качественного контент-анализа. Исследование продемонстрировало, что результаты социологической диагностики позволяют создать базу для реализации потенциала некоммерческих организаций, а также экстраполяции инновационного опыта в практику российских некоммерческих организаций инвалидов.

Ключевые слова: социальные инновации, некоммерческие организации, инвалиды, социальный риск.

Abstract. The problem of development and implementation of innovations by non-profit organizations of disabled people in modern conditions of social risk is relevant. The purpose of the work is to consider innovations of non-profit organizations of disabled people that appear in conditions of social risk. The article analyzes new organizational trajectories of social innovation development and their impact on national and regional non-profit organizations of disabled people. Methods used: qualitative comparative analysis; qualitative content analysis method. The study has shown that the results of diagnostics can create a basis for extrapolation and implication of foreign innovative experience in the practice of Russian non-profit organizations of disabled people.

Keywords: social innovations, non-profit organizations, disabled people, social risk.

В настоящее время некоммерческие организации инвалидов находятся в рискогенной ситуации, связанной с невозможностью применения лишь тех методов и технологий, которые они использовали до распространения новой корона-

вирусной инфекции. Поэтому они вынуждены в быстром темпе разрабатывать и апробировать инновации, которые приемлемы для функционирования в условиях социального риска, характеризующегося угрозой редуцирования видов деятельности и структуры НКО.

В социологической литературе появляются новые разработки, в которых поднимается данная тематика. Например, научная статья Р. Тейлора, Н. Торугсы, А. Арунделя «Организационные траектории развития социальных инноваций и их воздействие на некоммерческие организации инвалидов» [11, с. 995–1012] подготовлена на тему, актуальную для теории социологии (социологии инвалидности, социологии организаций, социологии инноваций) и социальной практики. В данном контексте Е. Пол и С. Вилле отмечают явную популярность и существующий высокий потенциал «концепции социальных инноваций» [9, с. 879], которая вполне применима к исследованиям в проблематике НКО. И, согласно Н. Айобу, С. Тисдейлу, К. Фагану, научные исследования в рамках данной тематики «все еще находятся на предтеоретической стадии развития» [2, с. 637]. И в этом контексте работа, проделанная Р. Тейлором, Н. Торугсой, А. Арунделем, вносит свой вклад в социологию организации и социологию инвалидности (в особенности непосредственно некоммерческих структур, оказывающих помощь людям с ограниченными возможностями здоровья).

Появляются оригинальные эмпирические исследования, раскрывающие способы трансформации деятельности некоммерческих организаций, вынужденных адаптироваться к условиям пандемии и разрабатывать инновации. К примеру, научная статья Р. Тейлора, Н. Торугсы, А. Арунделя содержит результаты полевого исследования, проведенного на выборке руководителей 301 австралийской некоммерческой организации инвалидов. Вопросы осуществленного интервью были направлены на рассмотрение ответных реакций некоммерческих организаций на вызовы социальных рисков в обстоятельствах распространения коронавирусной инфекции.

Сама пандемия и последовавший за ней экономический коллапс представляют собой «экзистенциальный риск» (так характеризует современную ситуацию А. Кантор) [3]. Один из руководителей австралийской некоммерческой организации подтверждает, что «нет абсолютно никакой гарантии того, что клиенты получат наши услуги сейчас или в будущем, а также того, что сотрудники нашей организации сохранят свои рабочие места» [3]. В данной цитате из интервью мы видим репрезентацию рискогенной среды и ее влияние на некоммерческие организации, которые в данных условиях вынуждены создавать социальные инновации.

Р. Тейлор, Н. Торугса и А. Арундель по результатам проведения своего социологического исследования отмечают, что ситуация риска, как это ни странно, «способствует более широкой инклюзии людей с ограниченными возможностями здоровья в общественную жизнь, а это формирует потенциал для достижения системных социальных (а не только внутренних организационных) изменений» [11, с. 1009]. Такое понимание происходящих процессов демонстрирует специфику выполнения злостного социального заказа на диверсификацию социальных услуг, оказываемых населению со стороны некоммерческих организаций. Л. Галлахан подтверждает, что «разработка и внедрение новых социальных услуг для клиентов с ограниченными возможностями здоровья требуют от сотрудников способностей действовать целостно, применяя теоретические знания во благо всего общества или общины» [7, с. 10]. Здесь актуализируется

задача повышения эффективности и результативности деятельности некоммерческой организации.

Один из руководителей португальской НКО с сожалением сообщил, что возглавляемая им некоммерческая организация «была вынуждена уволить большинство своих сотрудников, и, кроме того, организация обязана была полностью покрыть взносы сотрудников по медицинскому страхованию во время пандемии» (цитата из интервью руководителя НКО) [3]. Так, данная общественная организация претерпела структурные и финансовые потери. Судя по величине выборки, представленной в данной работе, подобное явление можно экстраполировать на достаточно широкий диапазон структур общественного сектора.

Идеи, изложенные в статье «Организационные траектории развития социальных инноваций и их воздействие на некоммерческие организации инвалидов», имеют важное значение и для российских НКО, стоящих перед «внешними социальными вызовами и собственным нераскрытым потенциалом» [11, с. 1010]. И здесь важным является то, что конфигурации деятельности зависят от территориального контекста, значительно различаясь для крупных и малых НКО, которые базируются в столичных и региональных населенных пунктах.

И здесь необходимо проанализировать, как некоммерческие организации «борются со сложными внешними условиями, разрабатывая инновации, которые конкурентно удовлетворяют потребности всех заинтересованных сторон, с учетом изменений в финансировании» [5, с. 23]. На данном комплексном аспекте в своем исследовании ставит акцент Дж. Коннеллан.

В современных условиях необходимо производить «выявление возможных комбинаций возможностей организации», что, в свою очередь, приводит к созданию «некоммерческих социальных инноваций (НСИ), то есть, к новой услуге или процессу, способствующим социальной интеграции людей с ограниченными возможностями» [11, с. 999]. И это является условием для достижения высоких социальных результатов в контексте функционирования НКО инвалидов. В условиях пандемии речь идет об интеграции не столько в объективно реальном мире, сколько в виртуальном пространстве.

В рискогенных условиях пандемии «люди действительно только что осознали реальность скорой смерти, поэтому многие пересматривают свои завещания, в некоторых случаях оформляя их на благотворительные организации» [3]. Это новая тенденция, которая также обусловлена рискогенностью социальной среды, оказывающей влияние на индивидуальные жизненные траектории.

Большое значение придается взаимоотношениям между органами государственной власти и некоммерческими организациями. А успешность такого взаимодействия зависит «от уровня интеграции, установленного по принципу центральной роли государственного сектора и концентрации некоммерческих организаций на конкретной подведомственной территории» [10, с. 939]. На местном уровне новое социологическое знание вносит вклад в понимание сложных причинно-следственных связей, «обуславливающих развитие некоммерческих социальных инноваций (НСО)» [6, с. 51]. При этом в структурах общественного сектора учитывается, что деятельность НКО происходит в различных географических контекстах, а поэтому имеют различные способы решений внутренних проблем организации.

Исследование, представленное в статье «Организационные траектории развития социальных инноваций и их воздействие на некоммерческие организации инвалидов», содержит также приращение нового научного знания в области со-

циологии управления. Р. Тейлор, Н. Торугса и А. Арундель выявили ключевые способности сотрудников НКО, которые дают возможность разрабатывать социальные инновации в условиях пандемии. Классификация способностей людей включает в себя две группы «субспособностей»: «внешне ориентированные и внутренне ориентированные» [11, с. 1008]. И к тем, и к другим относятся: трансформационная эмпатия; клиенто-ориентированные интеракции; многообразие обучения; парадоксальная разработка изменений; трудоемкость и сложность лидерства [11, с. 1009]. Такой подход акцентирует проблематику формального и неформального лидерства, хотя в социальном секторе обе формы обычно сочетаются в одном человеке.

Если анализировать содержание средства массовой информации (СМИ) и средства массовой коммуникации (СМК), то в них «деятельность третьего сектора, особенно связанная с социальными инновациями, игнорируется» [8, с. 961]. Как отмечают Г. Крлев и А. Лунд, «третий сектор становится более информативным, лишь когда речь идет о взаимодействии некоммерческих организаций с государственными и бизнес субъектами» [8, с. 964]. То есть, речь идет о положительных эффектах социального партнерства.

При разработке и внедрении социальных инноваций в реальные процессы управления важно учитывать используемые в организации модели (модель человеческих отношений, модель внутреннего процесса, модель открытой системы, модель рациональной цели) и мотивирующие стили лидерства (автономно-поддерживающий или структурирующий) [4]. Безусловно, для участников и лидеров-добровольцев НКО крайне важно внедрять именно мотивирующие стили.

Российские исследователи, такие как А.В. Барков, Г.Ф. Ручкина, М.В. Демченко, научно обосновали эффективность частичного государственного и муниципального финансирования социально ориентированных некоммерческих организаций путем стимулирования государственно-частного партнерства, добровольчества, благотворительности [1]. Здесь объединяются ресурсы государственного, бизнес- и общественного секторов, тем самым обогащая друг друга.

Таким образом, в целях развития собственного инновационного потенциала некоммерческие организации нуждаются, во-первых, в глубокой комплексной диагностике ресурсов общественных структур, во-вторых, в создании базы исследовательских данных для их возможной компаративной рефлексии, а, в-третьих, в импликации и экстраполяции передового опыта в практику российских некоммерческих организаций инвалидов.

Список литературы

1. Государственное регулирование деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций: монография / А.В. Барков, Г.Ф. Ручкина, М.В. Демченко [и др.]. — ИНФРА-М, 2019. — 181 с.
2. Ayob, N., Teasdale, S., & Fagan, K. How social innovation 'came to be': Tracing the evolution of a contested concept. *Journal of Social Policy*. — 2016. — Vol. 45. — Pp.: 635–653.
3. Cantor A. Nonprofit Fundraising in the Age of Coronavirus // *Harvard business review*. — 2020. — URL: <https://hbr.org/2020/04/nonprofit-fundraising-in-the-age-of-coronavirus>.
4. Clerck T., Aelterman N., Haerens L., Willem A. Enhancing volunteers capacity in all-volunteer nonprofit organizations: The role of volunteer leaders' reliance on ef-

fective management processes and (de)motivating leadership // *Nonprofit Management & Leadership*. — 2020. Published: 23 September. — URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/journal/15427854?tabActivePane=>.

5. Connellan J. Big disruptive and here to stay: The impact of the National Disability Insurance Scheme on not for profit housing and homelessness agencies. *Parity // Harvard Business Review*. — 2014. — Vol. 27. — Pp: 23–24.

6. Eppel E., Matheson A., & Walton M. Applying complexity theory to New Zealand public policy: Principles for practice // *Policy Quarterly*. — 2011. — Vol. 1. — Iss. 7. — Pp.: 48–55.

7. Hallahan L. In all its unfitnes: The public's framing of the NDIS. *International Journal of Innovation, Creativity and Change*. — 2013. — Vol. 1. — Pp.: 1–13.

8. Krlev G., Lund A. Social Innovation Ignored: Framing Nonprofit Activities in European News Media // *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. — 2020. — Vol. 31. — Pp.: 949–965. — URL: <https://doi.org/10.1007/s11266-020-00224-7>.

9. Pol E., & Ville S. Social innovation: Buzz word or enduring term? *The Journal of Socio-Economics*. — 2009. — Vol. 38. — Pp.: 878–885.

10. Puyvelde S., Raeymaeckers P. The Governance of Public-Nonprofit Service Networks: Four Propositions // *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. — 2020. — Vol. 49. — Iss. 5. — Pp.: 931–950. — URL: <https://doi.org/10.1177/0899764020913113>.

11. Taylor R., Torugsa N. & Arundel A. Organizational Pathways for Social Innovation and Societal Impacts in Disability Nonprofits // *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. — 2020. — Vol. 31. — Pp.: 995–1012. — URL: <https://doi.org/10.1007/s11266-019-00113-8>.

ПАТРИОТИЗМ И ЭМИГРАЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ МОЛОДЕЖИ
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ¹

PATRIOTISM AND EMIGRATION ATTITUDES OF YOUTH
IN MODERN CONDITIONS

РОЖКОВА Лилия Валерьевна — доктор социологических наук, заведующий кафедрой экономической теории и международных отношений Пензенского государственного университета (e-mail: tataeva_lv@mail.ru)

ДУБИНА Альбина Шагидулловна — кандидат социологических наук, доцент кафедры экономической теории и международных отношений Пензенского государственного университета (e-mail: misurin@bk.ru)

ВЛАЗНЕВА Светлана Алексеевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры экономической теории и международных отношений Пензенского государственного университета (e-mail: vlaznevas@mail.ru)

САЛЬНИКОВА Ольга Владимировна — старший преподаватель кафедры экономической теории и международных отношений Пензенского государственного университета (e-mail: sova_newm@mail.ru)

ROZHKOVA Liliya Valerevna — Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Economic Theory and International Relations of Penza State University (e-mail: mamaeva_lv@mail.ru)

DUBINA Albina Shagidullova — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Economic Theory and International Relations of Penza State University (e-mail: misurin@bk.ru)

VLAZNEVA Svetlana Alekseevna — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Economic Theory and International Relations of Penza State University (e-mail: vlaznevas@mail.ru)

SALNIKOVA Olga Vladimirovna — Senior Lecturer of the Department of Economic Theory and International Relations of Penza State University (e-mail: Sova_newm@mail.ru)

Аннотация. Актуальность изучения проблемы патриотизма и его взаимосвязи с миграционными установками молодежи обусловлена рядом факторов. Во-первых, патриотизм современной молодежи в силу снижения межпоколенческой трансляции ценностей в период кардинальных постсоветских реформ не был сформирован или же сформировался со значительными противоречиями. Во-вторых, процессы миграции молодежи проходят активными темпами, молодые люди составляют значительную часть эмигрантов, что часто обусловлено, с одной стороны, экономическими — поиск лучших условий жизни, с другой стороны, социокультурными причинами — невысокий уровень патриотизма. Многие из молодых людей мечтают уехать за границу по причине кризисной политической и социально-экономической ситуации в России. Поэтому исследование уровня, компонентов патриотизма молодежи, выявление его взаимосвязи с эмиграционными установками позволяет наметить основные пути снижения миграционных настроений молодых россиян с целью их закрепления

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31024.

в российских регионах. Цель исследования состоит в анализе патриотических ориентаций и эмиграционных установок современной молодежи. В статье рассматривается патриотическая самоидентификация, компоненты, составляющие патриотический ценностный комплекс молодежи, раскрываются особенности эмиграционных установок молодых россиян, выявляется взаимосвязь патриотизма и эмиграции молодежи, дается оценка современной социально-политической и социально-экономической ситуации в стране, анализируется их взаимосвязь с патриотизмом и миграцией молодежи.

Ключевые слова: ценности, патриотизм, эмиграционные установки, молодежь.

Abstract. *The relevance of studying patriotism and its relationship with migration attitudes of youth is due to a number of factors. Firstly, patriotism of modern youth, due to decline in intergenerational translation of values during the period of cardinal post-Soviet reforms, was not formed or was formed with significant contradictions. Secondly, migration processes of modern youth are taking place at active pace; young people are significant part of emigrants, which is often due, on the one hand, to economic reasons — search for better living condition; on the other hand, to socio-cultural reasons — low level of patriotism. Many of young people dream of going abroad due to crisis political and socio-economic situation in Russia. Therefore, a study of level, components of youth patriotism, identification of its relationship with emigration attitudes allows us to outline the main ways to reduce migration sentiment of young Russians in order to consolidate them in Russian regions. The purpose of the study is to analyze patriotic orientations and emigration attitudes of modern youth. The article considers patriotic self-identification, components that make up patriotic value complex of youth; reveals features of emigration attitudes of young Russians; reveals relationship between patriotism and youth emigration; assesses modern socio-political and socio-economic situation in the country; analyzes their relationship with patriotism and youth migration.*

Keywords: *values, patriotism, emigration attitudes, youth.*

Социально-экономические и политические преобразования в стране оказали глубокое влияние на состояние всего российского общества. Они отразились на системе ценностей россиян, в том числе на формирующихся ценностях молодежи. Вследствие разрыва процесса межпоколенческой трансляции базовых духовных ценностей формирование системы ценностей молодежи носит противоречивый характер, что также негативно сказывается на патриотической ориентации молодежи.

Тема патриотизма традиционно и постоянно находится в поле внимания ученых разных научных направлений. В социологическом подходе патриотизм рассматривается как ценностная ориентация индивида, оценочные суждения, знания, социальные установки, обеспечивающие саморегуляцию отношения индивида к Родине [9].

Существуют разные подходы к анализу концепций патриотизма. В «этатистской» теории государство выступает в качестве основного объекта патриотизма, который направлен на достижение интересов и целей государства в противовес интересам личности и общества. Социокультурный подход рассматривается как наиболее перспективный. В его рамках патриотизм определяется с позиции базовых культурных ценностей и соответствующих им ценностных ориентаций [9]. В структуре патриотического ценностно-ориентационного ком-

плекса исследователи выделяют оценочные суждения и другие средства выбора в определенной ситуации, которые оптимизируют поведение личности на основе разделяемой им ценности Родины [9].

В рамках авторского подхода рассматриваются социокультурные компоненты патриотического потенциала молодежи — совокупность ценностных ориентаций и поведенческих стратегий молодежи а аспекте ценности Родины. Системный подход предполагает исследование категории патриотического потенциала как сложного структурного образования. Структурно-функциональный подход позволяет комплексно изучить социокультурные компоненты патриотического потенциала молодежи. Деятельностный подход является наиболее перспективным для выявления и анализа патриотического поведения молодежи.

Молодежь представляет собой социальную группу, в которой идут процессы формирования ценностного отношения к стране представлений о Родине, чувств идентичности с ней, патриотизма, и соответствующих практик поведения [6, с. 512].

В основе патриотизма молодежи заложена любовь, привязанность к Родине, преданность ей и готовность к жертвам и подвигам ради нее [5, с. 164]. Патриотизм проявляется, как на когнитивном, так и на ценностном и деятельностном уровнях. Ценностные ориентации играют ключевую регулятивную роль в процессе формирования и реализации патриотического потенциала молодежи.

Патриотические ценности рассматриваются как положительно значимые представления о Родине, которые выражаются в эмоциональном отношении к Отчизне, культуре родной земли, проявляются в любви, преданности, привязанности, гордости, ответственности [7, с. 16]. Патриотическое поведение индивида можно рассматривать как целенаправленную деятельность на пользу Родине, например, защита ее интересов, выполнение государственного и воинского долга, труд на благо Отечества, общественно-полезная деятельность и др. Прагматический тип патриотизма выгоден коммерчески или статусно и не согласуется с чувством любви к своей Родине, установками на ее защиту [9].

Можно любить Родину, чувствовать привязанность к ней, уважать культуру, традиции народа, гордиться ею. Можно защищать ее интересы и работать на ее благо, проявлять активную гражданскую позицию. А можно просто любить Родину на расстоянии, жить в другой стране, но помогать своему народу. Все это разные проявления патриотизма. В реальной жизни «Родина у всех одна, но у каждого она разная» [6, с. 512].

Исследовательский интерес к проблеме патриотизма определяется практической задачей эффективного использования потенциала гражданской активности, а также активного включения в общественно-политическую жизнь страны. Невысокий уровень патриотизма может способствовать таким негативным явлениям, как рост националистических настроений, формирование индифферентного отношения к истории и дальнейшей судьбе своей страны, а также привести «в действие» миграционные установки молодежи.

Проблема миграции молодежи, как и проблема ее патриотизма, стоит сегодня достаточно остро. Исследования ВЦИОМ 2015 г. показали, что в молодежной среде преобладают эмиграционные настроения. Чаще всего, как считают россияне, покидают страну молодые люди (74%), люди с образованием (73%), высоким материальным положением (68%), из больших городов (65%) [13].

Прослеживая динамику миграции за последние годы, исследователи Левада-Центра отмечают, что эмиграционные настроения изменяются незначительно.

Наибольший уровень миграционных установок наблюдался в 2013 г., наименьший — в 2017. По данным опросов Левада-Центра, начиная с 2014 г. они постепенный растут среди молодежи 18-24 лет. В 2019 г. по данным указанного исследователя около половины молодых людей (53%) 18-24 лет хотели бы уехать за границу на ПМЖ (в 2013 г. эта доля была 45%) [14]. По опросам ВЦИОМ 2020 г. подобные тенденции наблюдаются среди 16% россиян, в том числе 38% молодежи в возрасте от 18 до 24 лет [13].

По данным Федеральной службы государственной статистики на 05.06.2020 в России проживает 146,7 млн. человек. В категорию «молодежь» включены молодые люди в возрасте от 14 до 30 лет. В 2020 г. в России проживают 7161 тыс. чел. в возрасте 15–19 лет, 6889 тыс. чел. — 20–24 года, 9427 тыс. чел. — 25–29 лет [3]. По прогнозным данным Росстата до 2024 г. будет наблюдаться сокращение численности молодежи от 17 до 30 лет (рис. 1), а далее (до 2036 г.) — устойчивый рост. Исследования подтверждают максимальную мобильность в возрастной группе 17–21 год. Н.К. Габдрахманов, Н.Ю. Никифорова, О.В. Лешуков по анализу диаграммы Лексиса для молодежи 1990–1998 г.р. делают вывод об идентичности паттернов миграции в возрасте от 17 до 21 лет [1, с. 13].

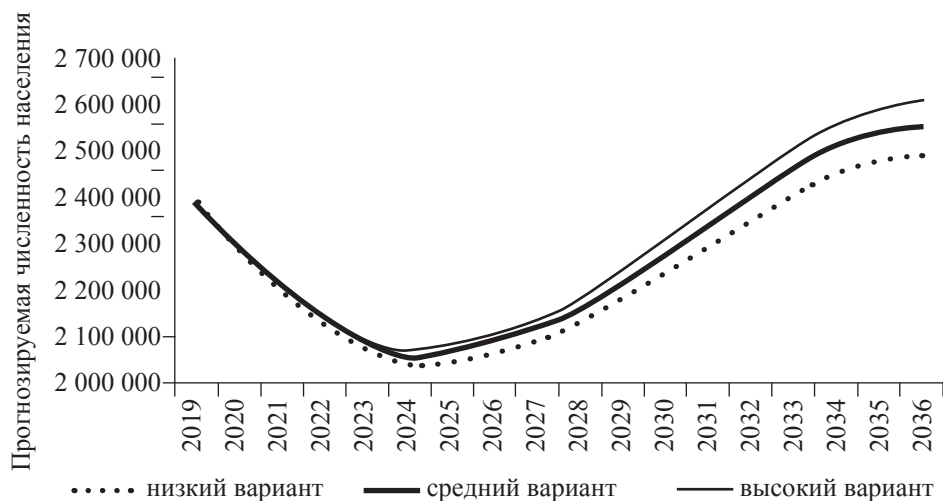

Рис. 1. Динамика численности возрастной группы 17–30 лет, чел.
(по данным Росстата) [1, с. 8]

В рамках реализации Гранта РФФИ и ЭИСИ в 2020 г. было проведено авторское исследование с целью изучения социокультурных особенностей гражданско-патриотического потенциала современной молодежи — опрос молодежи Пензенской области методом анкетирования. Анкета включала в себя вопросы, связанные с патриотической самоидентификацией молодежи, представлениями о сущности патриотизма, миграционными установками молодых россиян, оценкой современной социально-политической и социально-экономической ситуации в стране.

В опросе приняли участие молодые люди Пензенской области в возрасте 14–30 лет ($n = 660$, выборка квотная: пол, возраст). Было опрошено 328 юношей и 332 девушки, 127 респондентов в возрасте от 14 до 17 лет, 236 — от 18 до 24 лет и 297 — от 25 до 30 лет, проживающих в разных типах поселений: крупный город (363 респондента), малый город (178), поселок, село (119). Для достижения

валидности результатов использовалось авторское социологическое программное обеспечение «Sociology», которое позволяет полностью автоматизировать процесс создания анкет и анализа данных [14]. В исследовании использовались статистические методы обработки результатов опроса: одномерный, двухмерный и корреляционный анализ.

Результаты показывают, что патриотами считают себя около 60% молодых людей, чаще в возрасте от 14 до 17 лет, юноши, проживающие в сельской местности (табл. 1).

Таблица 1

Самоидентификация себя как патриота (в %)

Вы считаете себя патриотом России?	В целом по выборке, $n = 660$	Возраст			Пол		Тип поселения проживания		
		14 до 17 лет ($n = 127$)	18 до 24 лет ($n = 236$)	25 до 30 лет ($n = 297$)	мужской ($n = 328$)	женский ($n = 332$)	крупный город ($n = 363$)	малый город ($n = 178$)	поселок, село ($n = 119$)
Безусловно, да	30,45%	39,37%	17,80%	36,70%	32,93%	28,01%	27,55%	30,34%	39,50%
Скорее да	31,21%	35,43%	36,86%	24,92%	27,44%	34,94%	30,85%	38,76%	21,01%
Скорее нет	14,39%	7,87%	20,34%	12,46%	15,55%	13,25%	15,43%	12,36%	14,29%
Безусловно, нет	8,18%	6,30%	7,63%	9,43%	7,93%	8,43%	8,26%	7,30%	9,24%
Затрудняюсь ответить	15,76%	11,02%	17,37%	16,50%	16,16%	15,36%	17,91%	11,24%	15,97%
ИТОГО	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%

Авторское исследование согласуется с другими. Так, по данным исследования 2017 г. (ГУУ, г. Москва; респонденты 16-24 года) молодые люди чаще считают себя патриотами в той или иной степени (33,3% «безусловно, да» и 41,4% «скорее да») [11, с. 55]. Интересно, что по исследованиям 2017 г. среди белорусской молодежи получены похожие данные (40,6% «безусловно, да» и 47,3% «скорее да») [6, с. 513].

Анализируя данные, С.В. Чуев, А.Н. Тимохович, С.А. Гришаева отмечают: «...Степень патриотичности, по всей вероятности, зависит от социального слоя, к которому принадлежит молодой человек. ... по мере взросления молодые люди корректируют свою гражданскую позицию и степень патриотизма, постепенно включаясь в общественную жизнь, осмысливая свое место в социуме...» [11, с. 55].

По данным авторского исследования чувство патриотизма молодежи прямо коррелирует с оценкой социально-экономических и политических условий

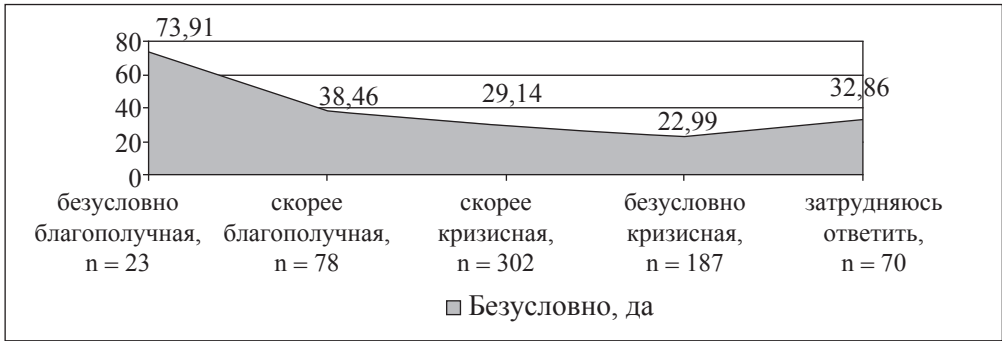

Рис. 2. Самоидентификация себя как патриота (вариант ответа «да, безусловно») и оценка современной социально-экономической ситуации в России, %

в стране: чем больше молодые люди характеризуют их как кризисные, тем меньше среди них патриотов (рис. 2).

По данным авторского исследования для молодежи «быть патриотом», означает любовь к своей стране (50,61%), знание и ценность культур народов России (32,27%), гордость за свою страну и ее прошлое (31,21%) (табл. 2). Следует подчеркнуть, что в представлениях о патриотизме молодежи присутствуют как ценностные, так и деятельностные компоненты, но доминируют первые. Корреляционный анализ обнаруживает слабую зависимость между переменными: «Вы считаете себя патриотом России?» и «Настоящий патриот России уверен, что каждый своим трудом должен способствовать процветанию России»; коэффициент корреляции составляет $r_{\text{cor}} = 0.249$.

Таблица 2

Представления о сущности патриотизма (в %, многовариантные ответы)

Что, на Ваш взгляд, значит «быть патриотом»?	В целом по выборке, n = 660
Любовь к своей стране	50,61%
Любовь к своему народу	25,61%
Любовь к своему городу, деревне	14,09%
Любовь к своей семье, близким, забота о них	16,97%
Знание и ценность культуры народов России	32,27%
Сохранением русского языка и культурных традиций	26,67%
Гордость за свою страну, ее прошлое и настоящее	31,21%
Наличие определенных моральных и нравственных ценностей	14,09%
Соблюдение закона	10,91%
Защита интересов страны	12,27%
Работа для блага и процветания страны	20,76%
Стремление к изменению положения дел в стране	14,24%
Приоритет общественных и государственных интересов над личными	3,79%
Не покидать родной город или Россию	1,82%
Затруднились ответить	2,73%

По мнению С. Львова: «Эволюция патриотизма — это движение от дежурного чувства причастности к осознанному и активному участию в жизни стра-

ны...» [9]. Сегодня недостаточно просто любить родину, необходимо действовать для ее блага и процветания [10].

В отношении связи патриотизма и миграции исследователи С.В. Чуев, А.Н. Тимохович, С.А. Гришаева отмечают, что высокий уровень миграционных установок молодежи объясняется, возможно, отсутствием у них патриотических ценностей [11, с. 55].

По данным многочисленных российских исследований основная причина эмиграции молодых людей — «лучшие условия жизни за рубежом», «больше возможностей и перспектив для самореализации», «нестабильная экономическая обстановка в России», «отсутствие порядка и безопасности в России». Молодые предприниматели бегут от произвола чиновников, коррупции. А некоторым из молодых людей просто нравится другая страна. Изучая мотивы эмиграции молодежи, Р.Х. Симонян подчеркивает: «... часто складывается впечатление, что молодые люди не столько хотят попасть «туда», сколько уехать «отсюда» [8, с. 317].

По данным авторского исследования 2020 г. пятая часть молодежи (20,15% респондентов) хотели бы уехать за границу на ПМЖ (табл. 3), чаще это молодежь в возрасте от 18 до 24 лет.

Таблица 3

Миграционные установки молодежи (%)

Хотели бы Вы уехать за границу на ПМЖ?	В целом по выборке, n = 660	Возраст		
		14 до 17 лет (n = 127)	18 до 24 лет (n = 236)	25 до 30 лет (n = 297)
Да	20,15%	24,41%	31,78%	9,09%
Скорее да	26,52%	25,20%	30,93%	23,57%
Скорее нет	21,97%	20,47%	13,14%	29,63%
Нет	19,09%	18,11%	10,17%	26,60%
Затруднились ответить	12,27%	11,81%	13,98%	11,11%

Материалы авторского опроса показывают, что многие из молодых людей (59,55% респондентов) хотели бы уехать за границу по трудовым мотивам (рис. 3).

Среди белорусской молодежи по данным исследований также доминирует условно называемый «рационально-прагматический» тип: 50,8% молодежи готовы к трудоустройству за рубежом при более благоприятных условиях работы, чем в своей стране. Условно называемый тип «патриоты» составляет 15,5% (по авторскому исследованию их доля составляет 20%). Это молодые люди, которые не хотят покидать свою страну даже

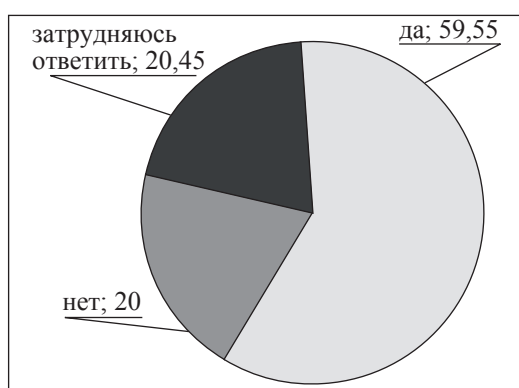

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Если бы Вам предложили выгодный трудовой контракт, который предполагает выезд за границу на ПМЖ, Вы бы согласились?», %, n = 660

в случае более выгодных условий работы за рубежом [4, с. 322–323]. Подобные тенденции фиксируются и среди украинской молодежи по исследованиям 2019 г.: хотели бы выехать за границу на ПМЖ 49,4%, в том числе для обучения — 25,6%, чтобы заработать деньги — 16,9%. Но доля группы «патриоты» составляет среди украинской молодежи лишь 8,1% [2, с. 48].

Основная причина, по которой молодые люди хотят покинуть страну — более высокий уровень жизни, зарплат, пенсий, пособий в других странах (49,85% опрошенных). Именно социально-экономические проблемы являются основной причиной эмиграции молодежи (табл. 4).

Таблица 4

Причины миграции (% ,многовариантные ответы)

Если Вы хотите переехать в другую страну, то по каким основным причинам?	В целом по выборке, n = 660
Отсутствие социально-экономической стабильности в России	28,64%
Отсутствие политической стабильности, возможностей реализовать права	23,03%
Выше уровень жизни, зарплат, пенсий, пособий	49,85%
Выше правовая и социальная защищенность	18,79%
Выше качество медицинских услуг за рубежом	19,55%
Больше возможностей для карьеры и бизнеса	25,30%
Интерес к культуре другой страны	16,97%
Более подходящий климат, экология	12,58%
За границей проживают родственники	4,09%
Переезжать не хочу	18,18%
затрудняюсь ответить	6,82%

Безусловно, нельзя сказать, что эмиграционные установки молодежи ведут к будущей эмиграции. Это мечты молодых людей о благополучии, поскольку от установки до ее реализации большая дистанция и барьеры. Так, среди молодых людей, имеющих эмиграционные установки, есть и не имеющие материальных возможностей для реализации. Только 3% молодежи с установкой на эмиграцию воплощают в жизнь свое намерение [9, с. 318].

По данным авторского исследования у молодых присутствует связь показателей — самоидентификации себя как патриота и желанием уехать за границу на ПМЖ (рис. 4).

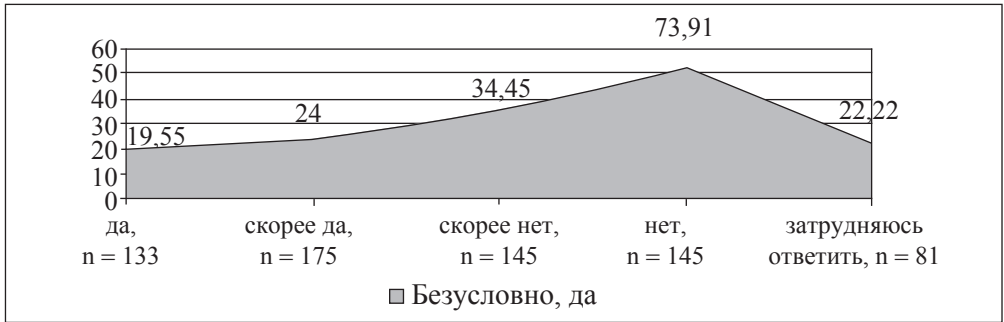

Рис. 4. Самоидентификация себя как патриота (вариант ответа «да, безусловно») и желание молодежи уехать за границу на ПМЖ, %

Установки молодежи на смену ПМЖ не коррелируют с оценкой социально-экономической и политической ситуации в стране. Однако такая зависимость выявляется в отношении трудовых миграционных установок молодежи (рис. 5, 6).

Корреляционный анализ обнаруживает безусловную связь между переменными: «Выезд за границу в случае предложения выгодного трудового контракта» и «Оценка современной социально-экономической ситуации в России» (коэффициент корреляции составляет $r_{cor} = 1$).

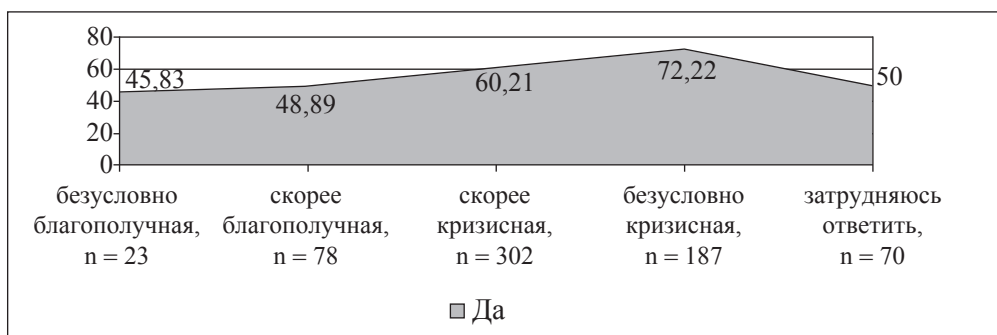

Рис. 5. Желание молодежи уехать за границу в случае предложения выгодного трудового контракта (вариант ответа «да») и оценка современной социально-политической ситуации в России, %

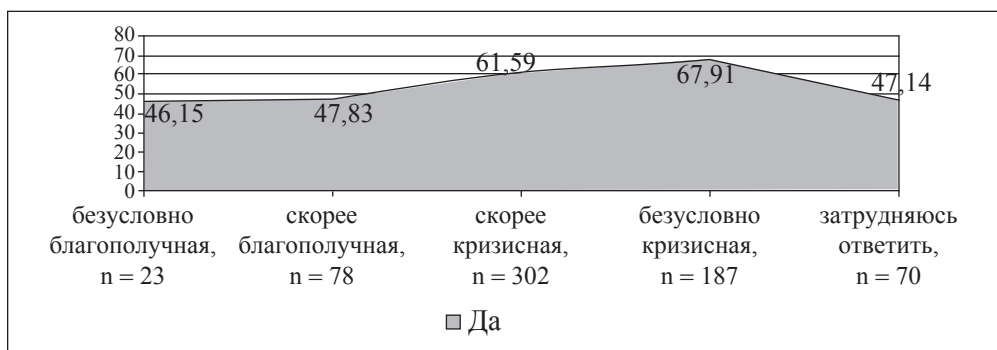

Рис. 6. Желание молодежи уехать за границу в случае предложения выгодного трудового контракта (вариант ответа «да») и оценка современной социально-экономической ситуации в России, %

Подводя итог, отмечаем следующее. Патриотами считают себя около 60% молодых людей, чаще молодые люди в возрасте от 14 до 17 лет, юноши, проживающие в сельской местности. Чувство патриотизма у молодежи взаимосвязано с оценкой социально-экономического и политического развития страны. Для молодежи «быть патриотом», значит проявлять любовь к своей стране, знать и ценить культуру народов России, гордиться страной, прошлым. В представлениях о патриотизме присутствуют как ценностные, так и деятельностные компоненты, но доминируют первые. Пятая часть молодежи хотели бы уехать на постоянное место жительства в другую страну, чаще это молодежь в возрасте от 18 до 24 лет. Около 60% молодых людей хотели бы уехать за границу в случае предложения им выгодного трудового контракта. Основная причина, по которой молодые люди хотят покинуть страну — более высокий уровень

жизни, зарплат, пенсий, пособий в других странах. Данные авторского исследования выявляют взаимосвязи между самоидентификациями себя как патриота и миграционными установками молодежи; трудовыми миграционными установками и оценкой социально-экономической и политической ситуации в России. При этом трудовая миграция, по данным корреляции, безусловно связана с современной социально-экономической ситуацией в стране.

Список литературы

1. «От волги до Енисея...»: образовательная миграция молодежи в России / Н.К. Габдрахманов, Н.Ю. Никифорова, О.В. Лешуков. — М.: НИУ ВШЭ, 2019. — 48 с.
2. Беленок А.А. Киевские старшеклассники в процессе жизненного самоопределения // Патриотизм и патриотическое воспитание в контексте вызовов современности: материалы Международной научно-практической конференции (Минск, 16–17 мая 2019 г.). — Минск: ИПС РБ, 2019. — С. 46–48.
3. Демография // Федеральная служба государственной статистики. — Текст: электронный. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения 3.11.2020).
4. Денисов А.Ю., Белов А.А., Котленок Н.Ф. Миграционные установки студентов-выпускников очной формы обучения на примере БГУ // Социологический альманах. Научное издание / Национальная академия наук Беларуси, Институт социологии. — 2013. — Вып. 4. — С. 317–325.
5. Иванов В.Н. Патриотизм // Социологическая энциклопедия: в 2 т.; рук. научн. проекта Г.Ю. Семигин. Т. 2. — М.: Мысль, 2003. — С. 164.
6. Лихачева С.Н. Гражданские и патриотические установки белорусской молодежи (на материалах социологического исследования, проведенного в Могилевской области) // XXI Уральские социологические чтения. Социальное пространство и время региона: проблемы устойчивого развития: материалы Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 15–16 марта 2018 г.). — Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2018. — С. 512–516.
7. Палаткина Г.В., Шаронов А.А., Джангазиева А.С. Сущность и структура патриотических ценностей подростков // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2019. — № 64. — С. 14–19.
8. Симонян Р.Х. Миграционные настроения российской молодежи: региональный аспект // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. — 2017. — № 6. — С. 313–326.
9. Селиверстова Н.А., Курганская М.Я. Патриотизм // Социология молодежи. Электронная энциклопедия; под ред. Вал. А. Лукова: [сайт]. — URL: <http://soc-mol.ru/encyclopaedia/youth/374-patriotizm.html> (дата обращения 2.11.2020).
10. Что значит быть патриотом? Опрос ВЦИОМ. 9.06.2018. Пресс-выпуск № 3685. — Текст: электронный. — URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9156> (дата обращения 3.11.2020).
11. Чуев С.В., Тимохович А.Н., Гришаева С.А. Политические ценности российской молодежи: материалы исследования // Власть. — 2017. — № 11. — С. 54–60.
12. Эмигранты из России: сколько их? Кто они? Опрос ВЦИОМ. 14.08.2015 Пресс-выпуск №2902. — Текст: электронный. — URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115348> (дата обращения 3.11.2020).

13. Эмиграционные настроения — 2020: где родился, там и пригодился. Опрос ВЦИОМ. 07.09.2020. Пресс-выпуск №4325. — Текст: электронный. — URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10431> (дата обращения 3.11.2020).

14. Эмиграционные настроения. Опрос Левада-Центра. 26.11.2019. — Текст: электронный. — URL: <https://www.levada.ru/2019/11/26/emigratsionnye-nastroyeniya-4/> (дата обращения 3.11.2020).

15. *Rozhkova L., Vlazneva S., Salnikova O., Belashov Vl., Mkrttchian V.* About Technology - Based «Sociology» software for Knowledge Development: From questionnaire creation to data processing // *International Journal of Sociotechnology and Knowledge Development (IJSKD)*. — 2020. — Vol. 12. — Issue. 4. — p. 24–40.

**ОБУЧЕНИЕ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МВД РОССИИ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ДИСТАНЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УСЛОВИЯХ
РАСПРОСТРАНЕНИЯ НОВОЙ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ (COVID-19)**

**TRAINING IN THE EDUCATIONAL ORGANIZATION OF THE MIA OF RUSSIA
WITH THE USE OF REMOTE TECHNOLOGIES IN THE CONDITIONS
OF THE DISTRIBUTION OF NEW CORONAVIRUS INFECTION (COVID-19)**

ДУНИН Вадим Сергеевич — кандидат технических наук, заместитель начальника кафедры информационного и технического обеспечения органов внутренних дел Дальневосточного юридического института МВД России (e-mail: dvs@mail.ru)

КЛЕЙМЁНОВ Евгений Алексеевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России (e-mail: yevgeni-k1@yandex.ru)

ЧЕПИКОВ Евгений Валерьевич — кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России (e-mail: chepikov_ev@mail.ru)

DUNIN Vadim Sergeevich — Candidate of Technics, Deputy Head of the chair of information and technical support of the bodies of internal affairs of the Far-Eastern law institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (e-mail: dvs_82@mail.ru)

KLEYMENOV Yevgeniy Alekseevich — Candidate of Sociology, Associate Professor of the chair of social and humanitarian and economic disciplines of the Far-Eastern law institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (e-mail: yevgeni-k1@yandex.ru)

CHEPIKOV Yevgeniy Valerievich — Candidate of Philosophy, Associate Professor of the chair of social and humanitarian and economic disciplines of the Far-Eastern law institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (e-mail: chepikov_ev@mail.ru)

Аннотация. В условиях распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) в большинстве образовательных организаций нашей страны очная форма обучения была заменена на электронное обучение, обучение с использованием дистанционных образовательных технологий. Столь масштабное перестроение образовательного процесса потребовало своего научного осмысления. Особую актуальность эта задача приобрела для образовательных организаций силовых ведомств, в том числе и МВД России, поскольку обучение в них имеет существенные организационные, правовые, педагогические особенности, носит выраженный практикоориентированный характер. Для решения указанной задачи авторы провели количественные социологические опросы преподавателей, курсантов и слушателей Дальневосточного юридического института МВД России. Исследования позволили охарактеризовать отдельные стороны дистанционного обучения, показать его преимущества и недостатки, а также предложения по его совершенствованию.

Ключевые слова: дистанционное обучение, Дальневосточный юридический институт МВД России, мнения преподавателей и обучающихся.

Abstract. In the context of the spread of the new coronavirus infection (COVID-19), in most educational institutions of our country, full-time education has been replaced

by e-learning, learning using distance learning technologies. Such a large-scale restructuring of the educational process required its own scientific understanding. This task has acquired particular relevance for educational organizations of law enforcement agencies, including the Ministry of Internal Affairs of Russia, since training in them has significant organizational, legal, pedagogical features, has a pronounced practice-oriented nature. With the help of play institutes language institutes teaching languages, trainers and listeners. The research made it possible to characterize certain aspects of distance learning, to show its advantages and disadvantages, as well as proposals for its improvement.

Keywords: *distance learning, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, opinions of teachers and students.*

Образовательный процесс в 2019/2020 учебном году для образовательных организаций высшего образования России приобрел новую реальность: распространение новой коронавирусной инфекции (COVID-19) вынудило большинство из них полностью перейти на обучение исключительно с применением дистанционных образовательных технологий (далее — «СДОТ», «дистанционное обучение», «дистанционное образование»), «обучение в дистанционной форме», «образование в дистанционной форме»). Не стали исключением и образовательные организации системы Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее — «МВД России»). Так, в Дальневосточном юридическом институте МВД России (далее — «ДВЮИ МВД России», «Институт», «институт») образовательный процесс проходил полностью в дистанционной форме по всем образовательным программам с апреля по сентябрь 2020 года. Первый опыт столь масштабного использования дистанционного обучения, сопряженный с переформатированием педагогических методик, изменением психо-эмоционального состояния участников образовательного процесса, а также технических условий его реализации потребовал своего научного и, прежде всего, социологического осмысления. В связи с этим в Институте в 2020 году был проведен ряд количественных опросов, направленных на изучение общественного мнения профессорско-преподавательского состава (далее — «ППС», «преподаватели»), курсантов и слушателей очной формы обучения (далее — «КС», «обучающиеся») об условиях, положительных и отрицательных сторонах, перспективах, направлениях оптимизации полного перехода на обучение с использованием СДОТ¹.

Анализ данных опросов позволил получить ряд результатов, представляющих научно-практический интерес.

¹ Эмпирическую основу настоящей статьи составило исследование «Реализация образовательного процесса в ДВЮИ МВД России с применением дистанционных образовательных технологий в условиях распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19): социологическое измерение», проведенное сотрудниками кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин ДВЮИ МВД России в мае-июне 2020 года (анкетный опрос курсантов и слушателей очной формы, N = 283 (n = 227 (г. Хабаровск), n = 56 (Владивостокский филиал ДВЮИ МВД России, где n — число обучающихся, принявших участие в опросе в соответствующем подразделении Института), выборка квотная многоступенчатая, статистическая погрешность не превышает 5%). Кроме того, авторы использовали результаты социологических опросов профессорско-преподавательского состава Института в 2020 году (n = 189) и в 2019 году (n = 148) (при проведении опросов ППС использовалась выборка основного массива).

Подавляющее большинство сотрудников и работников из числа профессорско-преподавательского состава (далее также — «ППС») (86,8%), курсантов и слушателей (90,2%) (далее — «КС», «обучающиеся») солидарны в том, что институт смог успешно перейти на дистанционную форму обучения.

Вместе с тем, при изучении отдельных, но в значительной мере, общих аспектов такого обучения выяснилось, что ППС и КС воспринимают полный переход на обучение СДОТ в значительной степени по-разному. Так, эффективность дистанционной формы обучения в сравнении с традиционной, очной формой обучения ППС оценивает более критично, нежели курсанты и слушатели. Если среди первых 93% опрошенных полагают, что образование с применением СДОТ уступает традиционной форме обучения, то среди вторых данного мнения придерживаются существенно меньше — 62,5%.

Эффективность дистанционного обучения во многом предопределяются уровнем его организации. Восприятие этого уровня с точки зрения ППС и КС различается. Со стороны ППС уровень организации получает более сдержанные оценки. Если среди последних доля тех, кто в целом удовлетворен организацией дистанционной формы обучения в институте, составила 53,4% (против 39,7% нашедших организацию неудовлетворительной), то среди КС число удовлетворенных организацией дистанционного обучения достигло 80,2% (против 12,7% не удовлетворенных такой организацией)¹.

Курсанты и слушатели более высоко, чем ППС оценивают уровень организации дистанционного обучения в институте при сравнении с организацией такового в других образовательных организациях. Половина опрошенных из числа КС (49,5%) полагают, что такая форма обучения именно в ДВЮИ МВД России более эффективна (6% полагают обратное, 32,5% считают, что уровень организации дистанционного обучения в институте и других вузах примерно одинаков). Среди ППС такого мнения в относительном выражении придерживается вдвое меньше опрошенных — 23,8% (10,4% полагают обратное, 41,3% считают, что уровень организации дистанционного обучения в институте и других вузах примерно одинаков). Среди ППС такого мнения в относительном выражении придерживается вдвое меньше опрошенных: лишь каждый четвертый респондент (23,8%, при 10,4%, полагающих обратное, и 41,3%, считающих, что уровень организации дистанционного обучения в Институте и в других ВУЗах примерно одинаков).

Во многом противоположных позиций придерживаются ППС и КС и по вопросу изменения нагрузки в условиях полного перехода на СДОТ. Так, в среде ППС почти половина опрошенных (48,8%) утверждает, что нагрузка на них увеличилась, тогда как обратную точку зрения имеет только каждый пятый (22,8%), столько же считают, что их нагрузка не изменилась (22,2%).

Рост нагрузки на ППС почувствовали и обучающиеся. Об этом сообщило относительное большинство опрошенных КС: 42% (23,3%, полагают, что на-

¹ Количество удовлетворенных организацией дистанционного обучения в Институте превышает общероссийской показатель удовлетворенности студентов образовательных организаций высшего образования. Так, по материалам исследования ВЦИОМ доля удовлетворенных организацией дистанционного образования студентов учебных заведений высшего образования составила 72%, тогда как доля неудовлетворенных из аналогичной категории опрошенных — 26% (Выпускники школ и студенты высказали мнение о дистанционном образовании: пресс-выпуск ВЦИОМ от 27 мая 2020 г. № 4247 // [Электронный ресурс], Сайт ВЦИОМ, режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10304>).

грузка на ППС сократилась, 20,8%, затруднились с ответом и 13,8%, считают, что не изменилась). Последние данные достаточно тесно коррелируют с результатами исследований общероссийских практик использования дистанционного обучения¹.

Наряду с этим доля КС, полагающих, что их собственная учебная нагрузка выросла, составила лишь 34% опрошенных, столько же сообщили, что такая нагрузка сократилась (33%), а 28% указали на то, что она не изменилась.

Большинство опрошенных из числа ППС (66,2%) констатировало, что **преподавать в дистанционном формате тяжелее**, нежели в традиционной, очной, форме. Противоположную позицию занял лишь каждый пятый (21,2%) респондент из числа ППС. Неудивительно в связи с этим и то, что 69,3% (против 13,2%) опрошенных сотрудников из числа ППС сообщили о том, что дистанционно им преподавать нравится меньше чем в очной, традиционной форме.

Напротив, большинству КС, (59% против 21%) нравится проходить обучение удаленно, дома, что во многом корреспондирует с признанием большинства обучающихся (51% против 21%) в том, что учиться в дистанционной форме легче, чем в традиционной.

Такое восприятие дистанционного обучения не могло не сказаться на психо-эмоциональном состоянии различных категорий опрошенных. Большинство КС прогнозируемо, в силу того, что нагрузка на них сократилась и учиться стало легче, отмечают, что их состояние улучшилось. Мнения же ППС по данному вопросу разделились. Об этом мы можем судить, обратившись к рис. 1, на котором видно, что для относительного большинства ППС психо-эмоциональное состояние не изменилось, каждый четвертый признался в улучшении, а каждый пятый в ухудшении такого состояния.

Рис. 1. Результаты ответов ППС и КС на вопрос: «Как изменилось Ваше психо-эмоциональное состояние в период полного перехода на дистанционное обучение: улучшилось, ухудшилось или не изменилось?» (в % от числа опрошенных соответствующей категории респондентов)

С учетом вышеизложенного закономерно выглядят итоги опросов, иллюстрирующих желания ППС и КС общаться «вживую», непосредственно, во время аудиторных занятий (рис. 2).

Как видим, в большей степени стремится к «живому» традиционному взаимодействию ППС, причем, приоритетно не со своими коллегами, а с обучающимися. Последние также скучают по непосредственному взаимодействию с ППС, (таковых большинство). Вместе с тем, в относительном выражении их значительно меньше, чем преподавателей, желающих общаться с КС «вживую»: 61% КС против 87% ППС.

¹ Там же.

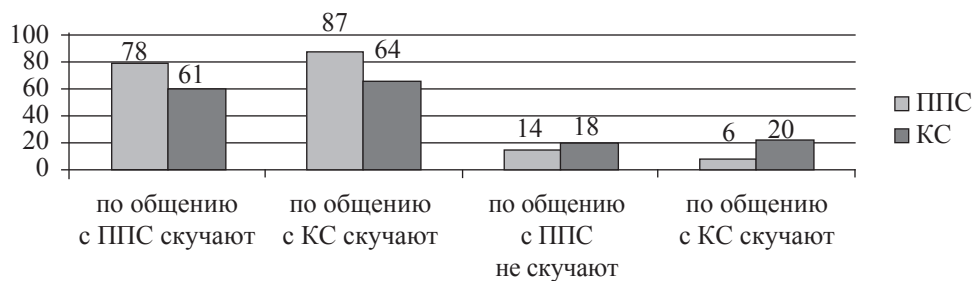

Рис. 2. Результаты ответов ППС на вопросы: «Вы скучаете или не скучаете по «живому» общению с коллегами?» и результаты ответов КС на вопросы: «Вы скучаете или не скучаете по «живому» общению с одногруппниками?», «Вы скучаете или не скучаете по «живому» общению с курсантами и слушателями?», «Вы скучаете или не скучаете по «живому» общению с преподавателями?» (в % от числа опрошенных соответствующей категории)

Несмотря на существенную долю среди КС, скучающих по аудиторному общению с ППС, продолжить обучение в традиционной форме в сентябре 2020/2021 учебного года выразили только 40,6% опрошенных КС, столько же (39,1%) сообщили о желании продолжить обучение удаленно. В среде же ППС только каждый десятый (11,7%) опрошенный желал бы вести преподавательскую деятельность в дистанционной форме, подавляющее же большинство (83%) были солидарны во мнении о том, что педагогический процесс с их участием в предстоящем учебном году должен проходить в очной, традиционной, форме.

Такие монолитные коллективные представления ППС и, в значительной степени, противоречивые установки КС, на наш взгляд, решающим образом, были предопределены теми вышеописанными настроениями по поводу отдельных сторон и показателей дистанционного образования (эффективность дистанционного обучения, изменение уровня нагрузки и другое), сложившимися у соответствующих групп опрошенных в ходе участия в его реализации.

В свою очередь, восприятие данных сторон и показателей дистанционного обучения, очевидно, имеет свои более частные, глубинные основания, и именно они предопределили, на наш взгляд, во многом противоположные оценки ППС и КС таких сторон и показателей.

Действительно, как показало исследование, в оценках данных оснований ППС и КС также расходятся. Так, в среде КС по сравнению с ППС значительно меньше тех, кто видит в дистанционной форме обучения недостатки (табл. 1).

Таблица 1

Недостатки дистанционного обучения в сравнении с традиционной, очной, формой обучения, выделенные ППС, курсантами и слушателями (в % от общего числа респондентов соответствующей категории)

	ППС	КС
1. Дистанционное взаимодействие между людьми по своей природе не может заменить «живого» общения, при котором передаваемая информация передается и воспринимается более понятно	69	45

	ППС	КС
2. При самостоятельном изучении дисциплин (без пояснений, примеров, акцентов преподавателя на главном) учебный материал освоить сложнее	62	50
3. При выполнении заданий в рамках дистанционного обучения снижается необходимость думать самостоятельно — все ответы при желании можно достаточно быстро найти в сети «Интернет», скопировать и отправить преподавателю	59	15
4. При отсутствии непосредственного взаимодействия с преподавателем сложнее оперативно задать уточняющие вопросы и получить на них ответы	51	34
5. Дистанционное обучение не дает практических навыков.	56	30
6. При дистанционном обучении отсутствует коллективное «живое» обсуждение вопросов с другими обучающимися, в ходе которого содержание учебных вопросов становится более понятным	55	27
7. Дистанционное обучение непривычно	12	22
8. Некоторые обучающиеся стали меньше учиться — ответы просят у одногруппников (однокурсников)	38	10
9. Отсутствие непосредственного общения с преподавателем и оперативности в вопросно-ответном взаимодействии с ним препятствует адекватному оцениванию ответов обучающихся: письменная форма не позволяет точно передать необходимые мысли в рамках соответствующего ответа	37	21
10. При дистанционном обучении проводим слишком много времени за компьютером, это сказывается на зрении	25	18

Как видим, и ППС и КС единодушны в том, что главными препятствиями для должной реализации дистанционного образования стало отсутствие «живого» общения, при котором информация передается и воспринимается более понятно, а также затруднительность самостоятельного (без пояснений, примеров, акцентов преподавателя на главном) освоения дисциплин. Наряду с этим наибольшая «развилка» мнений ППС и КС о недостатках дистанционного обучения видна по результатам ответов:

- «при выполнении заданий в рамках дистанционного обучения снижается необходимость думать самостоятельно — все ответы при желании можно достаточно быстро найти в сети «Интернет», скопировать и отправить преподавателю» (59% ППС против 15% КС — разница в долях ответивших двух категорий в относительном выражении составляет 43%);
- «некоторые обучающиеся стали меньше учиться — ответы просят у одногруппников (однокурсников)», «при дистанционном обучении отсутствует коллективное «живое» обсуждение вопросов с другими обучающимися, в ходе которого содержание учебных вопросов становится более понятным», (38% ППС против 10% КС, 55% ППС против 27% КС; разница в долях ответивших двух категорий в относительном выражении составляет 28%).

Вероятно, именно первые два недостатка дистанционного обучения в Институте решающим образом предопределили возникновение следующего парадокса: несмотря на то, что большинство опрошенных ППС и КС признают, что дистанционная форма обучения уступает по качеству форме очной, традиционной, а учиться, по мнению большинства КС, стало легче, каждый третий (36,0%)

опрошенный обучающийся признает рост оценок («среднего балла») в условиях полного перехода на дистанционное обучение. Об указанном росте свидетельствуют и объективные данные: рост «среднего» балла по Институту.

Выявленный дуализм в восприятии дистанционного образования в Институте сохраняется и при характеристике его достоинств ППС и КС. Однако пропорция между ППС и КС, видящими в дистанционном обучении преимущества, обратна соотношению ППС и КС, усматривающих в обучении при помощи СДОТ недостатки. Если в последнем случае большинство составляют, как было показано выше, преподаватели, то в первом случае, ожидаемо, большинство составляют КС (табл. 2).

Таблица 2

Преимущества дистанционного обучения в сравнении с традиционной, очной, формой обучения, выделенные ППС, курсантами и слушателями (в % от общего числа респондентов соответствующей категории)

	ППС	КС
1. Никаких преимуществ в дистанционном обучении в сравнении с очным обучением нет	35	5
2. У преподавателей снизилась психо-эмоциональная нагрузка	15	—
3. У курсантов и слушателей появилось больше свободного времени, которое можно использовать для более углубленного изучения дисциплин	9	66
4. Занятия стали проходить в более комфортных, домашних, условиях.	16	49
5. У курсантов и слушателей снизилась психо-эмоциональная нагрузка	20	39
6. У преподавателей появилось больше свободного времени, которое можно использовать для более качественной подготовки к преподаванию дисциплин	19	17
7. Бóльшая самостоятельность обучающихся при планировании подготовки к занятиям	14	30
8. У ППС появилось больше свободного времени, которое можно использовать для решения задач, не связанных с преподаванием (домашних, хозяйственных и других) (бытового характера)	9	—
9. У КС появилось больше свободного времени, которое можно использовать для решения задач, не связанных с обучением (домашних, хозяйственных и других) (бытового характера)	—	38
10. У ППС появилось больше свободного времени, которое можно использовать для ведения научно-исследовательской деятельности	32	
11. У КС появилось больше свободного времени, которое можно использовать для ведения научно-исследовательской деятельности	—	28

Отрадно, что большинство и преподавателей, и КС воспринимают дистанционное обучение не как каникулы, не как возможность для решения задач, не связанных с преподаванием и обучением (домашних, хозяйственных и других), но, прежде всего, обнаруживают в нем потенциал для соответственно более качественного ведения научно-исследовательской работы и подготовки к учебным занятиям.

Биполярность в оценках дистанционного обучения у КС и ППС проявляется и на ассоциативном уровне. Для ППС ассоциативный ряд по поводу дистанционного обучения представлен, прежде всего, утверждением о снижении

качества обучения (рис. 3). Вместе с тем имеют место и положительные и нейтральные образы. К первым относятся, «новый опыт», «профессиональный рост», «саморазвитие», а также «самостоятельность», «самодисциплина», «ответственность», ко вторым — «компьютер», «технологии», «теория».

Для большинства КС дистанционное обучение, напротив, приоритетно ассоциируется с положительными образами, среди которых чаще всего встречаются комфорт, свобода и самостоятельность в обучении (рис. 4).

Положительные оценки восприятия дистанционного обучения опрошенными обучающимися продиктованы, в том числе, теми методиками и реализованными педагогическими принципами, которые использовали преподаватели, чьи занятия признаны обучающимися наиболее интересными (табл. 3).

Данные о высокой степени включенности ППС в проведение занятий как о главном факторе, влияющем на интерес КС к занятию, тесно коррелируют

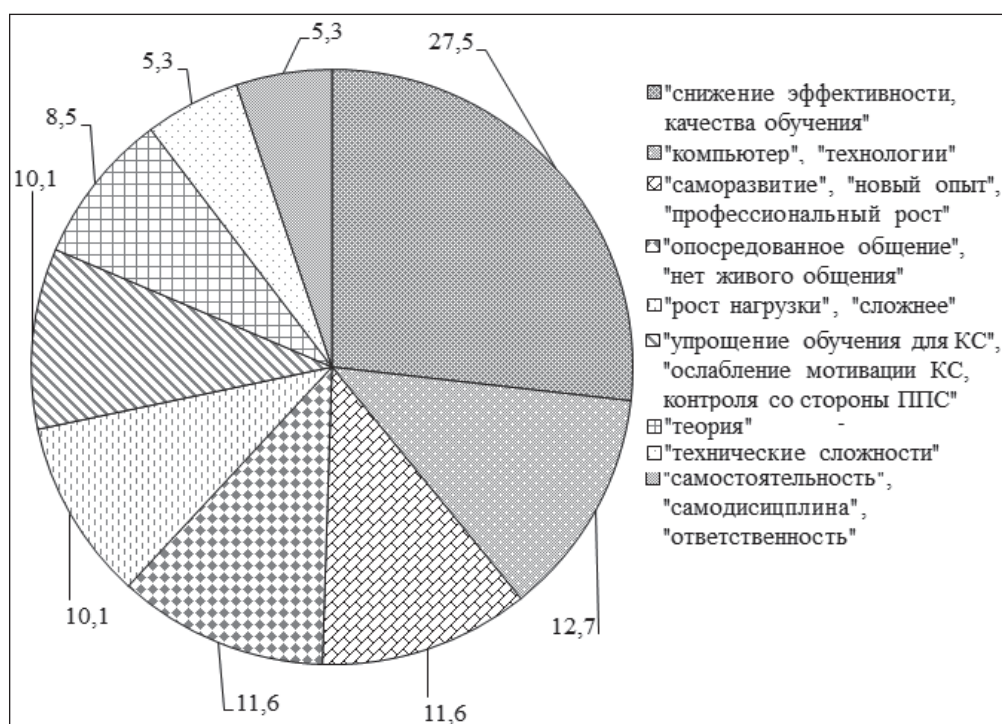

Рис. 3. Наиболее часто встречающиеся ассоциации дистанционного обучения у ППС (в % от общего числа опрошенных)

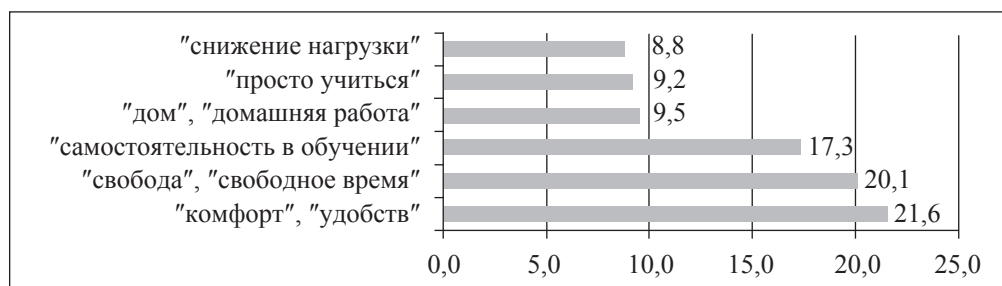

Рис. 4. Наиболее часто встречающиеся ассоциации дистанционного обучения у КС (в % от общего числа опрошенных)

Таблица 3

Результаты ответов КС на открытый вопрос: «Почему занятия именно этого (этих) преподавателей у Вас вызвали наибольший интерес при дистанционной форме обучения?» (в % от общего числа опрошенных)

Обобщенные варианты ответов	%
Значительная «включенность» преподавателей в учебное занятие — комментирование ответов и оценок обучающихся, разъяснение проблемных вопросов, организация дискуссий	18
Качественная подготовка ППС заданий, материалов для семинарских (практических) занятий, а также для работы в часы самостоятельной подготовки	13
Использование видеосвязи, служб мгновенного обмена сообщениями для проведения занятий	3
Применение разнообразных форм преподавания	3
Использование в занятиях проверочных тестов	2
Практическая направленность занятий	1,4
Раскрытие темы занятия при помощи видеоматериалов, презентаций иного наглядного материала	1,4

с результатами ответов курсантов и слушателей на вопрос о том, какие формы организации и проведения семинарских (практических) занятий, по их мнению, следует использовать преподавателям в период полного перехода института на дистанционное обучение, а также с результатами ответов ППС на вопрос о том, какие формы организации и проведения семинарских (практических) занятий преподаватели, как правило, использовали в данный период (см. табл. 4).

Таблица 4

Предпочтительные формы организации и проведения семинарских (практических) занятий с точки зрения КС и ППС (% от числа опрошенных в той и другой группе)

Вариант ответа	КС	ППС
1. Распределение на семинарском/практическом занятии вопросов, заданий и упражнений между обучающимися и последующая проверка представленных посредством электронной-информационно-образовательной среды института ¹ ответов обучающихся	42	42
2. Разъяснение преподавателем темы семинарского занятия, обсуждение с обучающимися заданий и упражнений практического занятия в ЭИОС (в том числе посредством офлайн-форума)	47	59
3. Обсуждение и разъяснение преподавателем темы семинарского занятия, заданий и упражнений практического занятия посредством использования служб мгновенного обмена сообщениями	39	46
4. Обсуждение, в том числе, разъяснение преподавателем учебных вопросов семинарского занятия, заданий и упражнений практического занятия посредством социальной сети	18	6

¹ Далее также — «ЭИОС».

Вариант ответа	КС	ППС
5. Предварительная подготовка заданий и упражнений по семинарскому (практическому) занятию, представленных в практикумах, задачниках, иных учебно-методических материалах по соответствующей дисциплине, их размещение в ЭИОС и последующая проверка	29	62
6. Обсуждение результатов выполнения предварительно подготовленных заданий и упражнений по семинарскому (практическому) занятию, представленных в практикумах, задачниках, иных учебно-методических материалах по соответствующей дисциплине	23	38
7. Размещение и проверка тестов по соответствующей теме	21	62
8. Обсуждение, разъяснение преподавателем семинарского занятия, заданий и упражнений практического занятия посредством видеосвязи с использованием соответствующих компьютерных программ	13	9

В рамках рассмотрения преимуществ и недостатков дистанционного обучения в институте в научно-практическом отношении заслуживает внимания ряд инициативных (полученных в рамках полужакрытых вопросов) мнений преподавателей. Данные оценки хоть и являются единичными, но рассматриваются в настоящем исследовании в качестве экспертных, а потому заслуживающих воспроизводства и анализа.

К таким оценкам относятся положительные высказывания, касающиеся нескольких аспектов дистанционного обучения в институте:

- **программно-технический аспект** («улучшились навыки работы с компьютером», «электронные версии документов сохранены в ЭИОС и систематизированы», «освоены новые технологии и средства коммуникации»);
- **адаптационно-мотивационный** («при наличии мотивации у учащегося появляется индивидуальная траектория обучения», «у курсантов и слушателей развивается самодисциплина и навыки самообразования», «в психологическом плане курсанты более раскрепощены, что позволяет им лучше усвоить материал и заочно познакомиться с преподавателем (если говорить о первом курсе)», «рост мотивации при обучении безусловно присутствует, поскольку курсанты нацелены на самостоятельность в обучении, ответственность за получение знаний персонализирована»);
- **организационно-педагогический** («появилось больше времени на другие виды нагрузки», «при проведении занятий в дистанционной форме, используя метод тестирования, мы смогли охватить всех обучающихся»).

Заслуживают внимания высказывания ППС о недостатках удаленного обучения. Такие недостатки можно разделить на две взаимосвязанные группы. К первой группе относятся **трудности педагогического и методического плана**, вызванные отсутствием непосредственного, живого общения ППС с обучающимися:

- сложность оценивания способностей обучающихся к рассуждению и системному мышлению в рамках дисциплины;
- невозможность подробного объяснения сложных моментов посредством текстового обмена сообщениями;
- отсутствие эмоционального обмена между участниками образовательного процесса;

- усложнение достижения воспитательных целей обучения;
- отсутствие индивидуального подхода в обучении в силу сложности учета особенностей личности обучающихся;
- невозможность дистанционного освоения дисциплин, связанных с формированием двигательного навыка, например, таких как огневая подготовка, физическая подготовка; результат — снижение качества обучения.

Вторую группу недостатков образуют **сложности организационно-технического характера**:

- сложности в идентификации и контроле активности обучающихся;
- отсутствие четких формализованных методик разработки учебного материала, критериев (границ) оценок за тесты;
- списывание, приобретающее массовый характер;
- слабое техническое оснащение и постоянные сбои в работе ЭИОС;
- проверка ответов каждого обучающегося занимает много времени;
- рост временных затрат преподавателя на подготовку и оформление занятий.

Наличие затруднений технического характера, по нашему мнению, обусловлено, с одной стороны, ведомственными ограничениями на использование всего спектра открытых каналов передачи информации, в том числе в рамках образовательного процесса. С другой стороны, такие сложности могли быть вызваны использованием ЭИОС в более полном, расширенном объеме, с одновременным подключением значительного числа пользователей, апробацией, первым опытом применения новых функций и возможностей системы.

Практика обучения в дистанционной форме отложила свой отпечаток на восприятии профессорско-преподавательским составом возможных перспектив осуществления заочного обучения в системе МВД России по социально-гуманитарным и общеюридическим дисциплинам (первые два года обучения) при помощи СДОТ. В целом настороженное отношение ППС к такой практике привело к тому, что сторонников полного перевода заочной формы обучения на дистанционную форму в период пандемии спустя год с момента первого замера общественного мнения ППС, стало меньше (рис. 5).

Ключевые пожелания обучающихся о совершенствовании образовательного процесса с применением СДОТ нашли свое отражение в предложениях КС, высказанных в ходе ответа на вопрос: «Если бы вам еще раз предстояло проходить обучение в условиях полного перехода на дистанционную форму в нашем институте, какие меры вы могли бы предложить для совершенствования, улучшения такого обучения?» (табл. 5).

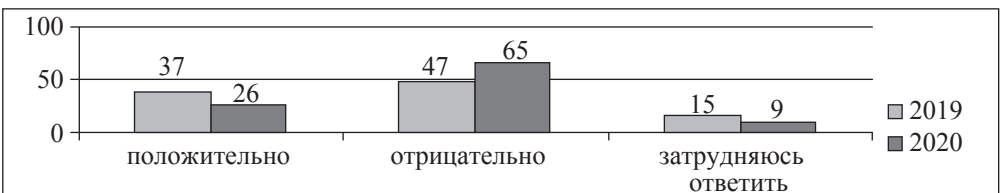

Рис. 5. Результаты ответов ППС в 2019 и 2020 годах на вопрос: «Как вы относитесь к перспективам осуществления заочного обучения в системе МВД России по социально-гуманитарным и общеюридическим дисциплинам (первые два года обучения) при помощи дистанционных образовательных технологий?»

Таблица 5

**Ответы курсантов и слушателей ДВЮИ МВД России на вопрос
о совершенствовании дистанционного обучения**

Вариант ответа	%
1. Преподавателям необходимо больше использовать не текстовый, а презентационно-наглядный, схематический, структурно-логический и графический материал	53
2. Расширить возможности для проведения занятий посредством видеоконференцсвязи для взаимодействия со всеми участниками учебного процесса в формате онлайн	31
3. Больше использовать интерактивные (на основе гиперссылок) учебные материалы с обучающими видео- и аудиороликами, контрольными вопросами, тестами, словарями и т.д.	28
4. Расширить возможности для проведения консультаций преподавателями посредством видеоконференцсвязи	19
5. Преподавателям следует больше ориентироваться на подготовку творческих заданий, рассчитанных на самостоятельное мышление обучающихся, ответы на которые не найдешь в сети «Интернет»	16

Совершенствование программно-технической стороны образовательного процесса с использованием СДОТ в качестве одного из приоритетных направлений его улучшения рассматривает и преподавательский состав института, члены которого отвечали на аналогичный вопрос (табл. 6).

Таблица 6

**Ответы профессорско-преподавательского состава на вопрос
о совершенствовании дистанционного обучения
(% от общего числа опрошенных)**

Обобщенные варианты ответов	%
1. Больше использовать возможности программного и технического обеспечения обучения, реализуемого при помощи СДОТ	29
2. Организовать проведение занятий посредством видеоконференцсвязи	16
3. Обеспечить бесперебойную работу ЭИОС	6
4. Отказаться от дистанционной формы обучения	5
5. Обеспечить возможность преподавания специализированных дисциплин и тем отдельных дисциплин очно, а не в дистанционной форме по причине нецелесообразности или невозможности их проведения в такой форме	4
6. Акцентировать внимание на подготовке методического обеспечения, приспособленного, адаптированного для ведения занятий при помощи СДОТ	3
7. Обеспечить доступ к справочным правовым системам института с удаленных рабочих мест	2
8. Привлекать к учебному процессу сотрудников практических органов по месту жительства курсантов и слушателей	1
9. Другое	7

Таким образом, исследование показало значительную полярность в оценках ППС и КС обучения при помощи СДОТ. Последние в целом значительно более позитивно воспринимают опыт реализации такого процесса.

КС отмечают в качестве положительных граней дистанционного обучения чаще всего появление большего количества свободного времени, которое можно использовать для более углубленного изучения дисциплин, а также проведение занятий в более комфортных, домашних условиях. В то же время относительное большинство опрошенных ППС не видят никаких преимуществ дистанционного обучения в сравнении традиционной, очной формой образовательного процесса. Однако почти столько же указывают на положительную сторону дистанционного обучения, выраженную в том, что у преподавателей появилось больше свободного времени, которое можно использовать для осуществления научно-исследовательской деятельности.

Главные недостатки обучения при помощи СДОТ и ППС, и КС видят в том, что дистанционное взаимодействие между людьми по своей природе не может заменить живого общения, при котором передаваемая информация сообщается и воспринимается более понятно, а также в том, что при самостоятельном изучении дисциплин (без пояснений, примеров, акцентов преподавателя на главном) учебный материал освоить сложнее.

Центральное направление по улучшению дистанционного обучения и ППС, и КС обнаруживают в оптимизации программно-технической стороны образовательного процесса с использованием СДОТ. Последние также обращают внимание на необходимость совершенствования отдельных педагогических практик.

Список литературы

1. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

Н.В. Левичев, Ю.Н. Нестеренко

ДОСТУПНОСТЬ БАНКОВСКИХ УСЛУГ ДЛЯ ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ФИНАНСОВОЙ ИНКЛЮЗИИ В ОБЩЕСТВЕ

AVAILABILITY OF BANKING SERVICES FOR PERSONS WITH DISABILITIES AS A TOOL FOR FORMING A FINANCIAL INCLUSION IN SOCIETY

ЛЕВИЧЕВ Никита Васильевич — магистрант 1 курса факультета экономики МГГЭУ (e-mail: fbr199g@yandex.ru).

Научный руководитель:

НЕСТЕРЕНКО Юлия Николаевна — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой финансов, бухгалтерского учета и налогообложения факультета экономики МГГЭУ (e-mail: julia-nesterenko@mail.ru).

LEVICHEV Nikita Vasilevich — the Undergraduate 1 Courses of Economy Faculty MGGEU (e-mail: fbr199g@yandex.ru)

Research supervisor:

NESTERENKO Julia Nikolaevna — Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Finance, Accounting and Taxation, Faculty of Economics MGGEU (e-mail: julia-nesterenko@mail.ru).

Аннотация. В статье рассматривается проблема доступности банковских услуг в России для разных групп населения, в том числе людей с инвалидностью, на фоне масштабного развития финансового рынка.

Для повышения доступности банковских услуг Банком России определены направления, среди которых развитие дистанционных продуктов с обеспечением доступа в интернет, формирование в офисах финансовых организаций безбарьерной среды, расширение объема онлайн сервисов и мобильных банковских приложений, внедрение дополнительных биометрических модальностей для удаленной идентификации и аутентификации граждан, обоснование возможности использования специальных аналогов собственноручной подписи.

Важнейшими условиями финансовой доступности выступают финансовая грамотность и внедрение новых технологий реабилитации.

В статье показано, что реализация этих мероприятий будет стимулировать системные изменения в экономике, расширит возможности для людей с инвалидностью, создаст новые условия развития бизнеса и формирования финансовой инклюзии в обществе.

Ключевые слова: лица с инвалидностью, финансовые технологии, средства реабилитации, доступная финансовая среда, финансовая инклюзия

Abstract. The article examines the problem of the availability of banking services in Russia for different groups of the population, including people with disabilities,

which is aggravated against the background of the large-scale development of the financial market.

To increase the availability of banking services, the Bank of Russia has identified areas, including the development of remote products and the provision of the necessary Internet access for this, the formation of a barrier-free environment in the offices of financial institutions, the expansion of online services and mobile banking applications, the introduction of additional biometric modalities for remote identification and authentication. citizens, substantiation of the possibility of using special analogs of a handwritten signature.

The most important component of financial inclusion is financial literacy and the introduction of new rehabilitation technologies.

The article substantiates that the implementation of these measures will stimulate systemic changes in the economy, expand opportunities for people with disabilities, create new conditions for business development and the formation of financial inclusion in society.

Key words: *persons with disabilities, financial technologies, rehabilitation tools, affordable financial support*

Одним из важнейших условий развития современной экономики является акцент на использование принципа инклюзии, который подразумевает учет интересов каждого человека, достижение им внутренней гармонии и равновесия с окружающей средой; доступность в информационном обеспечении; создание качественных условий жизни и доступность всех возможных услуг, в том числе финансовых.

Доступность финансовых услуг рассматривается как тренд развития финансового рынка, затрагивающий интересы всех граждан, но в первую очередь лиц с инвалидностью, которых по данным Федеральной службы государственной статистики на 1 января 2020 года в России насчитывалось 11,875 млн чел или 8,1% от общей численности населения страны [9].

Как следует из опубликованного Службой по защите прав потребителей и обеспечению доступности финансовых услуг Банка России Исследования состояния финансовой доступности для лиц с инвалидностью в 2018 г., данной категории населения свойственно очень осторожное поведение на финансовом рынке. Это часто связано с отсутствием возможности принимать взвешенные финансовые решения из-за проблем здоровья, страхом перед незнакомой финансовой средой, большим количеством финансовых продуктов и неумением ориентироваться в их характерных признаках. Следствием является нежелание общаться с сотрудниками финансовых организаций, откладывание оплаты счетов и погашения задолженностей.

По статистике 59% лиц с инвалидностью берут в банках кредиты, которые не могут выплатить, 48% не в состоянии адекватно оценить содержание кредитных продуктов.

Основными проблемами для таких граждан являются сложности условий договора, недостаточный уровень собственного дохода для выхода на финансовый рынок и риски, возникающие при использовании финансовых инструментов.

Согласно данным «Исследования состояния финансовой доступности для лиц с инвалидностью в 2018 году», доля людей с инвалидностью, использующих не менее одного открытого счета физического лица в кредитных организациях с учетом счетов по вкладам, составляет 90% (89,4% в целом по России).

Доля людей с инвалидностью, имеющих платежную карту, равна 82,2% (84,4% по населению в целом). Таким образом, примерно 7,8% людей с инвалидностью имеют и используют банковский счет, но не имеют платежной карты [7].

Доля людей с инвалидностью, имеющих вклады (счета) в кредитных организациях и/или средства, размещенные в форме договора займа в МФО, составляет 36,5%, что практически соответствует показателю для населения России в целом (38,8%).

В 2018 году доля людей с инвалидностью, имеющих непогашенный кредит и/или заем, составила 15,2%. Для населения России в целом данный показатель равен 26,8%. При этом 14% людей с инвалидностью имеют непогашенный кредит в кредитной организации (в целом по России — 25,6%).

Большинство инвалидов привлекают кредит в форме нецелевых заемных средств. Например, на ремонт жилья, отдых или лечение, включая покупку медикаментов.

Проведенное Банком России исследование подтверждает, что в стране доля людей с инвалидностью, пользующихся услугами добровольного и обязательного страхования, сравнительно низкая. Услуги добровольного страхования используют 19,9% населения России в целом и меньше 10% людей с инвалидностью, а услуги обязательного страхования используют 89,1% населения в целом и 97,9% людей с инвалидностью.

Личные посещения финансовых организаций остаются приоритетным способом взаимодействия с финансовыми организациями для людей со всеми формами инвалидности. Доля людей с инвалидностью, хотя бы раз лично посещающих отделения финансовых организаций (коммерческих банков, Почты России и страховых организаций), составляет 87,1%. Несмотря на то, что за последние годы активно развивается адаптационная инфраструктура, удовлетворенность созданными условиями среди инвалидов невысока. Барьером служит также и неудобное территориальное расположение финансовых организаций, их удаленность от мест жительства граждан.

Пользование дистанционным доступом к банковским услугам при помощи интернет-банкинга и/или мобильного банкинга характерно для 36,6% людей с инвалидностью, хотя среди населения России эта цифра достигает 45,1%.

Негативное отношение к использованию онлайн каналов для доступа к финансовым услугам связано с их частичной или полной непригодностью для людей с нарушениями зрения, слуха и опорно-двигательной системы, что выражается в отсутствии адаптивных программ, графических кодов подтверждения, устойчивой интернет-связи в месте проживания граждан. Барьером выступают также сложности с освоением программного обеспечения и высокие риски использования дистанционных каналов доступа.

Исследование, проведенное Банком России, показало, что люди с инвалидностью недостаточно активно используют банкоматы и платежные терминалы. Банкоматы с функцией как приема, так и выдачи наличных использовали 40,1% людей с нарушениями опорно-двигательной системы, 46,8% — с нарушениями слуха и 39% — с нарушениями зрения. И хотя в целом банкоматы стали больше адаптированы под нужды инвалидов (например, реализуется ввод информации в аудиоформате, установлены тактильные метки на клавиатуре), их использование сужается из-за невозможности ограничить присутствие третьих лиц при совершении операций и технических сбоев в работе оборудования.

Основные результаты исследования доступности финансовых услуг и наличия барьеров для их получения людьми с инвалидностью, полученные Банком России, отражены на рис. 1.

Таким образом, на фоне высокого уровня распространения финансовых услуг в России сохраняется проблема их доступности для разных групп населения, в том числе людей с инвалидностью, что, в узком смысле, сдерживает развитие финансового рынка, а в широком — формирование финансовой культуры в обществе.

Рис. 1. Состояние финансовой доступности для лиц с инвалидностью

Источник: составлено авторами на основании данных официального сайта Центрального банка Российской Федерации. — URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/67464/research_persons_disabilities_2018.pdf (дата обращения: 10.11.2019).

С целью решения имеющихся проблем и повышения качества обслуживания разных потребителей Банком России были приняты «Стратегия повышения финансовой доступности в Российской Федерации на период 2018–2020 годов» [3]; План мероприятий («дорожная карта») повышения доступности услуг финансовых организаций для людей с инвалидностью, маломобильных групп населения и пожилого населения на 2017–2019 годы, который в июле 2020 года был пролонгирован еще на два года; разработаны «Методические рекомендации по личному и дистанционному обслуживанию людей с инвалидностью и иных маломобильных групп населения в кредитных организациях и некредитных финансовых организациях» [4].

Мероприятия предусматривают развитие дистанционных финансовых услуг и обеспечение необходимого для этого доступа в интернет, расширение объема мобильных банковских услуг, создание условий для совершения базовых финансовых операций через отделения Почты России и торговые сети, активное внедрение системы быстрых платежей, которая обеспечит мгновенную (в режиме 24/7) возможность осуществлять физическим лицам перевод денежных средств по номеру мобильного телефона, а также организация маркетплейса финансовых услуг — инновационного способа дистанционной розничной дис-

трибуции банковских, страховых, инвестиционных продуктов и регистрации финансовых сделок.

Для людей с инвалидностью предполагается формирование в офисах финансовых организаций безбарьерной среды, расширение объема онлайн сервисов и мобильных банковских приложений с упрощенным интерфейсом и функционалом, расширение объема адаптивных решений (контрастные маркировки, тактильные указатели, звуковая информация), внедрение дополнительных биометрических модальностей для удаленной идентификации и аутентификации граждан, обеспечение возможности использования специальных аналогов собственноручной подписи и пр.

Важнейшей составной частью финансовой доступности выступает финансовая грамотность, которая за счет просветительских мероприятий (обучающие семинары, глоссарий терминов, видеоматериалы) призвана помочь людям, в том числе с инвалидностью разобраться в выборе финансовых продуктов, снизить риски взаимодействия с финансовыми организациями и избежать угроз мошенничества.

Таким образом, запланированные Банком России мероприятия, с одной стороны, направлены на улучшение качества обслуживания людей с инвалидностью и иных маломобильных групп населения при их личном присутствии в подразделениях финансовых организаций, а также при дистанционном использовании финансовых продуктов [3], и призваны устранить различия в финансовой доступности для разных категорий граждан. С другой стороны, реализация этих мероприятий позволит сформировать в обществе новую среду предоставления финансовых услуг и инклюзивную культуру поведения на финансовом рынке, в основе которой должны лежать гуманистические ценности, равные возможности для каждого человека и уважение его личности. То есть поставленные Банком России задачи носят как тактический, учитывающий потребности отдельных организаций и групп граждан, так и стратегический характер, затрагивающий интересы общества в целом.

Флагманом достижения инклюзивных принципов и создания доступной финансовой среды является ПАО «Сбербанк России», которое первым из отечественных компаний стало участником глобального движения The Valuable 500, цель которого — объединить 500 крупных компаний по всему миру, занимающихся вопросами инклюзии и создания равных возможностей для людей с инвалидностью [5].

Учитывая, что более 8 млн клиентов организации — лица с нарушениями зрения, слуха и опорно-двигательной системы (рис. 2), банк активно работает в направлении реализации комплексной политики, которая во-первых, предусматривает создание для них безбарьерной среды во всех офисах, обучение персонала при работе с данной категорией граждан, создание специальных продуктов и специфических тарифов, а во-вторых, направлена на расширение онлайн-услуг и формирование возможностей для инвалидов самостоятельно пользоваться всеми финансовыми продуктами.

В частности, в ПАО «Сбербанк России» реализуется проект «Особенный банк», основная цель которого сделать услуги и сервисы кредитной организации доступными для людей с особыми потребностями. Таким клиентам банк предлагает возможность получить ряд услуг на дому, воспользоваться электронным сурдопереводчиком, получить всю информацию о финансовых продуктах на адаптированном сайте или через мобильное приложение, оформить

Рис. 2. Распределение клиентов с инвалидностью
ПАО «Сбербанк России» за 2019 год

Источник: составлено авторами на основании данных официального сайта ПАО «Сбербанк России». — URL: <https://www.sberbank.ru/ru/person/specialbank> (дата обращения 01.04.2020 г.)

операции с использованием факсимиле, воспользоваться услугами целой сети организаций («Okko», «Delivery Club», «Ситимобил», «СберМаркет», «СберМобайл» и пр.), созданной на единой цифровой платформе [8].

Анализ содержания проекта «Особенный банк» позволил сгруппировать предлагаемые банком сервисы в зависимости от вида нозологии лиц с инвалидностью (табл. 1).

Таблица 1

**Группировка сервисов и продуктов, предлагаемых
в ПАО «Сбербанк России» для разных клиентов-инвалидов**

Вид нозологии клиента-инвалид	Адаптация услуги
Нарушение зрения	1. Голосовое сопровождение в смартфоне 2. Адаптация сайта 3. Помощь менеджеров в офисах банках 4. Контрастные экраны и гнездо для наушников в банкоматах 5. Бесплатный звонок в контактный центр
Нарушения слуха	1. Услуга удаленного сурдоперевода в офисах банка 2. Онлай-чат со специалистами банка
Нарушения опорно-двигательного аппарата	1. Офисы оборудованы для клиентов на коляске. 2. Пользование услугами банка на расстоянии

Источник: составлено авторами

Несмотря на существенные положительные результаты по адаптации банковских услуг для людей с инвалидностью, следует отметить и имеющиеся проблемы. Так, до сих пор не во всех офисах банка есть дополнительные каналы коммуникации, которыми может воспользоваться человек с нарушениями речи или слуха. Не всегда есть возможность решить вопросы клиентов дистанционно и требуется обязательное их личное присутствие в отделении банка. Текст договоров не дублируется шрифтом Брайля, что осложняет понимание юридических документов лицами с нарушениями зрения. Инфраструктура банкоматов не всегда учитывает возможности инвалидов-колясочников, лиц с проблемами опорно-двигательной системы, что требует разработки новых технических средств и их адаптации к обобенностям данной категории клиентов.

Актуальной является и задача активного использования в банке инновационных технологий реабилитации людей с особыми потребностями: бионические протезы, синтезаторы голоса, электронные переводчики жестового языка, экзоскелеты, реабилитационные тренажеры виртуальной реальности и пр. Применение таких средств, к примеру, позволяет:

- слабослышащим с помощью жестового языка совершать те или иные финансовые операции, не привлекая третьих лиц;
- ампутантам верхних конечностей — встроить в бионическую руку протеза мини-бортовой компьютер или экран смартфона и свободно управлять с его помощью банковскими услугами дистанционно;
- парализованным на уровне нейронной сети считывать информацию и осуществлять банковские операции лежа;
- слабовидящим и незрячим посредством встроенного в наручные часы шрифта Брайля подключиться к банкомату, с обеспечением синхронизации смартфона для тактильного получения информации по банковским операциям и платежам.

Таким образом, внедрение новых технологий реабилитации в деятельность финансовых организаций будет способствовать повышению степени доступности финансовых услуг разным категориям граждан, в том числе инвалидам, росту их социального благополучия.

Реализация утвержденных Банком России стратегических мероприятий по повышению доступности финансовых услуг будет стимулировать системные изменения в экономике, расширит возможности для людей с инвалидностью, создаст новые условия развития бизнеса и формирования финансовой инклюзии в обществе.

Список литературы

1. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: Федеральный закон № 181-ФЗ [ред. от 24.04.2020]. — Текст: электронный. — URL: <https://www.consultant.ru>. (Дата обращения 01.05.2020).
2. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Доступная среда»: Постановление Правительства РФ № 362: [29.03.2019 (ред. от 28.12.2019)]. — Текст: электронный. — URL: <https://www.consultant.ru>. (Дата обращения 03.04.2020).
3. Стратегия повышения финансовой доступности в Российской Федерации на период 2018–2020 годов (одобрено Советом директоров Банка России)

26.03.2018). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: <http://www.consultant.ru>. (Дата обращения 01.11.2019).

4. Методические рекомендации по личному и дистанционному обслуживанию людей с инвалидностью и иных маломобильных групп населения в кредитных организациях и некредитных финансовых организациях» № 12-МР от 26.04.2019 г.

5. Годовой отчет ПАО «Сбербанк России» за 2019 год. — Текст: электронный. — URL: <https://2019.report-sberbank.ru/> (дата обращения: 01.04.2020)

6. Романова А.С. Банк России. Международный опыт обслуживания людей с ментальными нарушениями в финансовых организациях, 2019. — Текст: электронный. — URL: <https://cbr.ru/content/document/file/62842/20190214.pdf> (дата обращения 01.12.2019).

7. Исследования состояния финансовой доступности для лиц с инвалидностью в 2018 году. — Текст: электронный // Банк России. [сайт]. — URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/67464/research_persons_disabilities_2018.pdf (дата обращения: 10.11.2019).

8. ПАО «Сбербанк России». Особенный банк. — Текст: электронный [сайт]. — URL: <https://www.sberbank.ru/ru/person/specialbank> (дата обращения: 01.04.2020)

9. Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964> (дата обращения: 02.04.2020).

З.С. Воронова, В.В. Андрианова

ФИНАНСОВО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПОДДЕРЖКИ ЛИЦ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ

FINANCIAL-LEGAL MEANS OF SUPPORT FOR PERSONS WITH DISABILITIES

ВОРОНОВА Зоя Сергеевна — студентка факультета юриспруденции МГГЭУ (e-mail: pavlovaz2000@mail.ru).

АНДРИАНОВА Валерия Валерьевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права МГГЭУ (e-mail: as3@mail.ru).

VORONOVA Zoya Sergeevna — the 2 Year Student of the Law Faculty, MGGEU (e-mail: pavlovaz2000@mail.ru).

ANDRIANOVA Valeria Valeryevna — PhD, Associate Professor of the Department of Finance and Administrative Law, MGGEU (e-mail: as3@mail.ru).

Аннотация. В статье рассматриваются механизмы регулирования поддержки лиц с ограниченными возможностями здоровья. Дан обзор динамики выделения средств фонду социального страхования в 2018–2020 гг. Обращается внимание на нормативные акты, устанавливающие порядок обеспечения техническими средствами реабилитации. Анализируются объемы финансирования ФСС и проблемы распределения денежных средств по видам мер поддержки инвалидов, закрепленных индивидуальной программой реабилитации.

Ключевые слова: финансовые механизмы, государственная поддержка, программа реабилитации, лица с инвалидностью, технические средства реабилитации, социальное страхование.

Abstract. The article discusses the financial mechanisms for regulating support for people with disabilities. Attention is drawn to the normative acts providing for the provision of technical means of rehabilitation. The volume of financing of the social insurance fund is analyzed.

Key words: financial mechanisms, state support, rehabilitation program, persons with disabilities, technical means of rehabilitation, social insurance.

В современном мире процессы, протекающие во всех сферах жизни, характеризуются все более стремительным развитием. Правосознание и правовая культура личности также изменяются, что идет на пользу не только отдельно взятому государству, но и человечеству в целом. Цивилизованное общество принимает и уважает лиц с ограниченными возможностями здоровья, которые нуждаются не только в комфортной среде существования, но и в помощи. Существенный объем обязанностей и ответственности принимает на себя государство, именно такая помощь превалирует в общественных отношениях, субъектами которых являются инвалиды.

Государство имеет механизмы социальной поддержки, среди которых важнейшими являются финансовые. Данное понятие определяется как система форм, методов и средств финансовой политики государства, направленных на достижение конкретных результатов в процессе регулирования финансовых отношений.

Структура финансово-правовых механизмов представляет собой совокупность следующих элементов:

- нормативно-правовой блок;
- информационное обеспечение;
- финансовые рычаги и мотивы.

Нормативный правовой блок состоит из законных и подзаконных актов. Конституция, федеральные конституционные законы и федеральные законы Российской Федерации являются законными актами. Подзаконные акты образуют группу, состоящую из указов Президента, постановлений Правительства, приказов и инструкций министерств и ведомств Российской Федерации. Информационное обеспечение связано с созданием доступной информационной системы.

Финансовые рычаги — это приемы, с помощью которых государство воздействует на экономику. Мотивы стимулируют возникновение определенного вида поведения. Данные инструменты призваны побудить субъектов финансово-правовых отношений к совершению активных действия с целью оптимизации данного вида общественных отношений.

В статье 1 федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (далее – ФЗ о соцзащите инвалидов) раскрыто содержание понятия «инвалид». Это лицо, имеющее ограничения здоровья, связанные со стойким расстройством некоторых функций организма [1]; инвалидность может быть вызвана заболеванием, травмами или дефектами. Лица с ограниченными возможностями здоровья нуждаются в социальной защите и поддержке. В статье 10 закреплено положение, гарантирующее им со стороны государства мероприятий, направленных на реабилитацию, предоставление технических средств и услуг за счет средств, полученных из федерального бюджета.

Распоряжением Правительства РФ от 30.12.2005 № 2347-р [2] установлен широкий перечень технических средств реабилитации. Сюда входят абсорбирующее белье, подгузники, специальная одежда, ортопедическая обувь, противопролежневые матрасы и подушки, протезы ортезы, кресла-коляски с ручным приводом и электроприводом, слуховые аппараты, голосообразующие аппараты. Индивидуальная программа реабилитации или абилитации является основанием обеспечения инвалидов техническими средствами, что установлено статьей 11. Помимо прочего, процесс обеспечения инвалидов техническими средствами финансируется из средств федерального бюджета, которые, в свою очередь, выделяются Фонду социального страхования Российской Федерации.

В 2019 году Фондом социального страхования издан приказ, утвердивший Административный регламент по предоставлению государственных услуг с целью обеспечения инвалидов техническими средствами реабилитации и (или) услугами [3]. Регламент закрепляет не только обновленную процедуру обеспечения инвалидов техническими средствами реабилитации и протезно-ортопедическими изделиями, но и процедуру выплаты компенсации в случае самостоятельного приобретения изделия, а также выплату компенсации, предназначенной для содержания и ветеринарного обслуживания собак-проводников. Непосредственно для гражданина, нуждающегося в средствах реабилита-

ции важно не только закрепление в нормативном акте права на его получение, но и фактическое их наличие в органах ФСС, соцзащиты, чтобы не находиться месяцами в листах ожидания ресурсных центров, а бесперебойно получать предусмотренное ИПР. Вопрос финансирования обеспечения инвалидов техническими средствами реабилитации и услугами неразрывно связан с бюджетом Фонда социального страхования РФ. Основные характеристики бюджета ФСС ежегодно устанавливаются федеральными законами. Приведем результаты анализа нормативных актов данной сферы последних лет.

Согласно статье 1 Федерального закона «О бюджете Фонда социального страхования Российской Федерации на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов» [4] объем средств, полученных из федерального бюджета составил более 46 млрд руб. В соответствии со статьей 1 соответствующего закона на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов» [5] объем указанных средств несколько уменьшился (36 203 265,3 тыс. руб.), а на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов» [6] установлена объем в 48 298 604,0 тыс. рублей.

Прозрачность и доступность являются основными принципами функционирования всей финансовой системы. В целях обеспечения должного контроля со стороны государства и общества, приложениями к данным законам даны направления, в соответствии с которыми происходит распределение бюджета ФСС РФ. В приложениях отражены процессы общегосударственного и международного характера, государственные программы и подпрограммы; конкретизируются вопросы сооружения значимых социальных объектов, расходов на проведение мероприятий, сферу образования, а также профессиональную переподготовку кадров. Без внимания не остается и деятельность государственных учреждений, которая требует затрат. Важно отметить, что из бюджета выделяются средства не только на обеспечения инвалидов техническими средствами, но и на ремонт ТСР. Разносторонность обусловлена требованиями социальной политики, которой следуют передовые страны.

В последнее время наблюдается процесс регионализации экономической и социальной сфер. Функции регулирования все в большей мере переходят от центра к регионам, сфера их самостоятельности расширяется, растет значимость региональных бюджетов, через которые государство активно проводит экономическую политику. Финансирование региональных бюджетов социальной сферы идет на здравоохранение, социальную защиту инвалидов, дорожное строительство в части создания доступной среды, производство ТСР в соответствии с требованиями программ реабилитации инвалидов.

Для правильного и объективного расчета потребности в финансовых ресурсах, исключаящего волюнтаризм вышестоящих органов власти, необходимо разработать и утвердить на федеральном уровне систему государственных минимальных социальных стандартов и экономически обоснованных нормативов финансирования социальной сферы.

На основании изучения сложившейся судебной практики и сформированного законодательства можно сделать вывод о том, что лица с ограниченными возможностями здоровья в Российской Федерации имеют право на получение большого количества технических средств и на самостоятельное приобретение данных средств с последующей выплатой компенсации [7].

Государство проявляет заботу о лицах с инвалидностью, оказывает им материальную поддержку. При этом следует принять во внимание, что размер межбюджетных трансфертов, получаемых из федерального бюджета, зависит

от экономического положения страны в целом. Очевидно, что суммы, направленные в бюджет Фонда социального страхования, являются крупными, что указывает на стремление государства усилить социальную направленность политики, однако недостаточными. Представляется необходимым увеличение бюджетного финансирования на эти цели без увеличения взносов в фонды социального и медицинского страхования.

Важной проблемой является недостаточная прозрачность использования выделенных средств. Малая доступность информации для граждан с ограниченными возможностями здоровья формируют у них негативное отношение к деятельности органов социальной защиты и ФСС. Результаты проверок Счетной палаты, органов прокуратуры высвечивают проблемы функционирования механизма финансовой поддержки лиц с инвалидностью, диктуют необходимость усиления контроля правоохранительных органов за использованием бюджетных средств в данной сфере.

Список литературы

1. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: Федеральный закон № 181-ФЗ: [принят 24.11.1995 (ред. от 24.04.2020 № 147-ФЗ)] // Собрание законодательства Российской Федерации — 1995. № 48 ст. 4563.
2. О федеральном перечне реабилитационных мероприятий, технических средств реабилитации и услуг, предоставляемых инвалиду: Распоряжение Правительства РФ № 2347-р (ред. от 03.04.2020) [принято 30.12.2005] // Российская газета. — 2006 № 1.
3. Об утверждении Административного регламента Фонда социального страхования Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по обеспечению инвалидов техническими средствами реабилитации и (или) услугами и отдельных категорий граждан из числа ветеранов протезами (кроме зубных протезов), протезно-ортопедическими изделиями, а также по выплате компенсации за самостоятельно приобретенные инвалидами технические средства реабилитации (ветеранами протезы (кроме зубных протезов), протезно-ортопедические изделия) и (или) оплаченные услуги и ежегодной денежной компенсации расходов инвалидов на содержание и ветеринарное обслуживание собак-проводников: Приказ ФСС РФ № 256 [принят 16.05.2019]. — Текст: электронный. — URL: www.pravo.gov.ru 8.10.2019 г.
4. О бюджете Фонда социального страхования Российской Федерации на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов: Федеральный закон № 364-ФЗ [принят 05.12.2017] // Российская газета. — 2017 № 279.
5. О бюджете Фонда социального страхования Российской Федерации на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов: Федеральный закон № 431-ФЗ Федеральный закон № 5242-1-ФЗ: [принят 28 ноября 2018 г.]. // Собрание законодательства Российской Федерации от 3.12.2018 г. № 49 (часть I) ст. 7503.
6. О бюджете Фонда социального страхования Российской Федерации на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов: Федеральный закон № 384-ФЗ [принят 02.12.2019] // Собрание законодательства Российской Федерации от 9 декабря 2019 г. № 49 (часть IV) ст. 6943.
7. Байрамов Ф.Д., Каирова А.И., Озов А.Ю., Хакимов Р.М., Мартынова Г.В., Андрианова В.В., Ушакова Е.В., Смылова В.Н. Права инвалидов: правовое регулирование, механизмы защиты и реализации ч.2. — М.: МГГЭУ, 2020. — 134 с.

ОПЫТ СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА ВЕЩНЫХ ПРАВ В ЕВРОПЕ
(НА ПРИМЕРЕ ГЕРМАНИИ) И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА РОССИЮ

EXPERIENCE IN THE FORMATION AN INSTITUTE
OF REAL LAW IN EUROPE (ON THE EXAMPLE OF GERMANY)
AND ITS INFLUENCE ON RUSSIA

ДЕХАНОВ Сергей Александрович — доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса МГТЭУ (e-mail: daad95@mail.ru)

DEKHANOV Sergey Alexandrovich — Doctor of the Juridical Science, Professor of the Civil Law and Procedure, MGGEU (e-mail: daad95@mail.ru)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы становления института вещных прав в Европе; анализируются признаки и принципы вещных прав, институт разделенной собственности и способы закрепления вещных прав в феодальный период, влияние пандектного учения на современную конструкцию права собственности и ограниченных вещных прав.

Ключевые слова: Вещные права, право собственности, римское право, разделенная собственность, пандектистика.

Abstract. The article deals with the issues of the formation of the institution of property rights in Europe; analyzes the signs and principles of property rights, methods of securing property rights in the feudal period and the institution of shared property, the influence of the pandecto doctrine on the modern structure of property rights and limited property rights.

Keywords: Property rights, property rights, Roman law, divided property, pandectics.

В советском социалистическом праве право публичное имело приоритет над правом частным. Идеологической базой этого явления стали слова В.И. Ленина о том, что «Мы ничего «частного» не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное. Мы допускаем капитализм только государственный, а государство, это — мы...» [3; 398]. В противоположность советскому праву одной из отличительных черт континентальной системы права была и остается развитая система вещных прав.

Конструкции вещного права способствовало много различных факторов, включая римское право и существование у германских народов института под названием «Gewere», как вид владения вещью.

Как указывает в своем диссертационном исследовании Л.Ю. Василевская «Die Gewere как вид владения вещью был представлен двумя формами одного и того же содержания — материальной и идеальной. Можно также сказать, что речь шла о проявлениях (материальном и идеальном) одной и той же сущности (die Gewere). Материальная сущность der Gewere, т.е. die Untergewere — материальное владение, заключалась в наличии «корпуса» вещи у ее обладателя, а идеальная сущность der Gewere, т.е. die Obergewere (ideelle Gewere), — в праве ее обладателя на определенные действия в отношении «корпуса» вещи. Дуализм der Gewere, т.е. наличие материального и идеального проявления одной и той же сущности, где die Obergewere (идеальное) как высшее проявление сущ-

ности der Gewere в сравнении с Untergewere — материальным владением, вполне объясним с мировоззренческих позиций» [5;40].

Должно было пройти немало времени для того, чтобы сложилось современное понимание вещных прав с их необходимыми отличительными признаками (исключительности, абсолютности, правом следования) и следующими основными принципами: «закрытого перечня (numerus klausus (Typengebundenheit, Typenfixierung), специальности (определенности) (Spezialitätsgrundsatz (Bestimmtheitgrundsatz)), абсолютности (Absolutheitpgrundsatz), публичности (Publizitätsgrundsatz), абстрактности и разделения (Abstraktionsgrundsatz и Trennungsgrundsatz), а также старшинства (Rangverhältnis)» и специальности (определенности) (Spezialitätsgrundsatz) [7].

Основным институтом вещного права является право собственности.

Право собственности — это протоправо, источник других ограниченных вещных прав, без права собственности других ограниченных вещных прав просто не существует. При этом национальное своеобразие становления тех или иных правовых институтов привело к тому, что право собственности по-разному понимается в разных правовых порядках. Например, согласно § 903 Германского гражданского уложения, «собственник «может распоряжаться вещью по своему усмотрению и отстранять других от всякого воздействия на нее», а в ст. 544 Французского гражданского кодекса закреплено, что «собственность есть право пользоваться и распоряжаться вещами наиболее безусловным образом» [2].

Правовой доктрине и практике достаточно рано стало понятным, что институт права собственности не решает все правовые и экономические вопросы, присущие развитой системе, особенно в части использования земельных участков. Поэтому и потребовалось изобретение конструкции ограниченных вещных прав.

В римском праве понятие ограниченных вещных прав не было сформулировано. Оно было выражено пандектным учением. Излагая дефиницию вещного права, правоведы стремились к достижению двух основных целей: с одной стороны, показать противоположность вещных прав *dominium divisum* (разделенной собственности), а с другой — отграничить их от обязательственных прав.

При феодализме не было права собственности в современном понимании этого слова, аналогом вещно-правовых отношений являлись *личный статус, иерархия, с которыми вещное право совпадает*.

Феодальная или сословная собственность является по К. Марксу «третьей формой собственности (первая — родовая, вторая — общинная). Если древность исходила из города и прилегавшей к нему небольшой области, то средневековье исходило из деревни. Первоначальное, редко рассеянное по обширной площади население, не получившее большого прироста со стороны завоевателей, обусловило эту перемену в исходном пункте. Поэтому, в противоположность Греции и Риму, феодальное развитие начинается на гораздо более обширной почве, подготовленной римскими завоеваниями и связанным первоначально с этим расширением земледелия. Хозяйничанье последних веков гибнущей римской империи и завоевание варварами разрушили массу производительных сил; земледелие деградировало, промышленность, за отсутствием сбыта, захирела, торговля замерла или была насильственно прервана, сельское и городское население убывало. Эти факторы и обусловленный ими способ организации завоевания создали, в связи со структурой германских войск, феодальную собственность. Она, подробно родовой и общинной собственности, тоже покоится на общинно

собственной организации, которой в качестве непосредственно производящего класса, противостоят, однако, не рабы, как в древности, а мелкие крепостные крестьяне. Вместе с полным развитием феодализма появляется и антагонизм городов. Иерархическое расчленение земельной собственности и связанная с этим система вооруженных дружин давали дворянству власть над крепостными. Эта феодальная структура, как и античная общинная собственность, являлась ассоциацией, направленной против поработщенного производящего класса, но форма ассоциации и отношение к непосредственным производителям были иными в зависимости от иных условий производства» [3; 32].

Вот как выглядит феодальная лестница в средневековой Англии в системе управления внутри герцогства (начало XI в.). «Справа от Эда, герцога Бретани сидит духовенство: архиепископ Дольский, епископ Реннский, епископ Нантский, епископ Ваннский, епископ Сен Брие, епископ Леонский, епископ Третье. Слева сидят светские лица: сеньор Авогур, виконт Леон, сеньор Фужер и Пороэ, сеньор Витре, виконт Роган, сеньор Фубриан, сеньор Дюпон. Сеньор Рэ, сеньор Ларош Бернар и Лозак, итого 9 баронов. Некоторые считали, что седьмым бароном должен быть не Люпон, а сеньор Ансени. Следуют подписи: сначала — 24 бретонских высших дворян, затем — 35 бакалавров, затем, без указания количества, простых рыцарей и оруженосцев» [10; 448].

По отношению к своему господину (сеньору) подвластные (вассалы) должны соблюдать совершенно определенные обязательства: «Кто клянется в верности своему сеньору, неизменно должен помнить о следующих шести (обязательствах): невредимость, безопасность, почитание, польза, легкая доступность, прямая возможность. *Невредимость* — это значит не наносить вреда телу сеньору. *Безопасность* — это значит не выдавать его тайн и не вредить безопасности его укреплениям. *Почитание* — это значит не наносить вреда его праву суда и всему другому, что касается его положения и прав. *Польза* — это значит не наносить ущерба его владениям. *Легкая доступность* и *прямая возможность* — это значит не мешать ему достигать тех выгод, которых он легко может достигнуть, а также не делать для него невозможным то, что возможно. Если верный вассал остережется от этого вреда, то ведь того требует справедливость, и еще не заслуживает вассал за это феода, ибо недостаточно воздержаться от зла, если не сотворить блага. Остается поэтому, чтобы при соблюдении упомянутых шести обязательств вассал *давал совет и оказывал помощь своему сеньору без обмана, если он хочет быть достойным награждения феодом*, а также неизменно соблюдал верность, в которой клялся. И сеньор во всем этом должен точно таким же образом поступать в отношении к своему верному вассалу» [9; 228].

Права вассалов, являвшихся, в свою очередь, сеньорами по отношению к подвластным другого уровня, также были полно и детально урегулированы.

В Трактате об управлении вотчиной¹ Закона тэна² (Thegens lagu) указывается на то, чтобы тэн «пользовался своими правами, полученными по грамоте (bocriht) и исполнял три обязанности со своей земли: участие в ополчении, в восстановлении крепостей и в строительстве мостов. Термином bocrih обозначались те привилегии, которые получал тэн в результате пожалования ему королем земли и связанной с ней фискальной и политической власти над живущими

¹ Этот трактат, автор которого неизвестен, записан в конце X или начале XI в. и относится к Уэссексу или Южной Мерсии, т.е. к областям наибольшего развития феодальных отношений в Англии.

² Слой военно-служилой знати в Англии раннего средневековья.

на этой земле людьми. Пожалование бокленда сопровождалось освобождением передаваемой территории от всех повинностей в пользу государства за исключением трех служб, перечисленных выше.

Кроме того, со многих владений (те владения, которые не имеют бокленда) взимаются по королевскому приказу поземельные повинности (*landright*) в большем числе, как например, сооружение загонов для дичи для королевского поместья, снаряжение для военного корабля, охрана морского берега, личная охрана короля, сторожевая служба в ополчении, уплата милостыни и церковной подати и многие другие различные вещи» [9; 630].

Тэн мог реализовать свои права в полной мере только путем возложения обязательств на своих вассалов — свободных общинников и зависимых (крепостных) крестьян, чьи обязанности также были детально расписаны. Круг обязанностей зависимых крестьян также зависел, во-первых, от того, как они были установлены в том или ином феоде (владении), а во-вторых, к какой группе они принадлежали.

Что же происходило в том случае, если вассал нарушал свои обязательства перед сеньором? Одон, граф Блуаский, в своем письме на имя короля Роберта (1025 г.) пишет: «Удивляешь, ты меня очень, государь мой, как столь поспешно, не разобрав дела, присудил ты меня недостойным феода твоего? Ведь, если дело касается условий происхождения, то благодарение богу, родовитость есть у меня. Если дело касается качества феода, который ты мне дал, то известно, что не из твоих он владений, но из того, что мне по милости твоей от предков моих перешло по наследству. Если дело касается исполнения службы, то хорошо тебе ведомо, что, пока я был у тебя в милости, служил тебе и при дворе, и в войске, и на чужбине. Если же потом, когда ты наложил на меня опалу и данный мне феоде решил у меня отобрать, я, обороняя себя и свой феоде, нанес тебе какие-либо обиды, то ведь совершил я это, раздраженный несправедливостью и вынужденный необходимостью. Ибо как же я могу оставить и не оборонять своего феода? Бога и душу ставлю в свидетели, что лучше предпочту умереть на своем феоде, нежели жить без феода. Если же ты откажешься от замысла лишить меня феода, то ничего более на свете я не буду желать, как заслужить твою милость» [9; 228].

Процитированные источники средневекового права свидетельствуют о том, что при разделенной феодальной собственности защита была предоставлена как верховному собственнику (королю), так и подвластным (вассалам), которые, как правило, и являлись непосредственным господином вещи. Первыми на этот факт обратили внимание глоссаторы и приспособили конструкцию вещно-правовой защиты к разделенной феодальной собственности, которая на протяжении столетий была цементирующим звеном всего феодального права.

Феодальное имущественное право было призвано юридически обосновать, как одним и тем же имуществом (преимущественно земельным участком, замком) может владеть государь (верховный собственник), у которого есть *dominium directum*, его феодал, обладающий *dominium utili* (подчиненный собственник) и, как нередко бывало, крепостной (фактический пользователь земельного участка). Таким образом, имеют место три права собственности на одну и ту же вещь.

Подобное положение вещей удовлетворяло правооборот примерно до XV века, пока имущественные отношения находились в неразвитом состоянии. Однако жизнь взяла свое, и новым нарождающимся капиталистическим

производственным отношениям потребовалось иное правовое регулирование, что не могло не привести к слому устоявшихся догм и традиционных представлений. Пальма первенства в этом процессе принадлежит пандектистам.

Пересмотр теории разделенной собственности начинается в середине XVIII века, когда с протестом в отношении данного учения выступил немецкий ученый Г. Будей, а вслед за ним, в начале XIX столетия, с еще более серьезной аргументацией, другой известный немецкий правовед — А.Ф.Ю. Тибо. Последний преподавал в Тюбингенском университете, и, что примечательно, именно учебник Тибо, был первым учебником пандектного права. Заслуга Тибо в том, что он разрушил старое глоссаторское право и подвел теоретическую основу вещного права, утверждающего, что двух одинаковых прав на одну и ту же вещь не бывает.

Пандектисты сыграли выдающаяся роль в правоведении. Им удалось отработать и показать наличие общих понятий, обособить общую и особенные части гражданского законодательства (кодекса), осуществить классификацию договоров (в дигестах этой классификации не было), сконструировать институт права собственности, придать современное звучание институтам вещного права, таким как сервитут, суперфиций, эмфитевзис, и, конечно же, отграничить вещные права от обязательственных прав. Распространение учения в ряде стран континентальной Европы свидетельствует о его высокой ценности.

Существующие в современной Европе системы ограниченных вещных прав можно разделить по содержанию видов вещных прав на две группы: созданные по пандектному (германскому) праву (содержащие, как правило, двух- и трехзвенное деление прав) и французскому праву (состоящие, чаще всего, из одной группы — вещных прав пользования). По образцу пандектного права сформированы вещные права в законодательстве Австрии, Швейцарии, Чехии, Венгрии и др. стран, по французскому образцу — в гражданском праве Италии, Испании, Бельгии.

Исключительное влияние на классификацию ограниченных вещных прав оказала научная деятельность О. Гирке. Благодаря ему и ряду других выдающихся немецких юристов в разработано и принято Германское гражданское уложение, считающееся наиболее близким для отечественного правопорядка.

В отличие от правопорядков европейских стран в России не выработано единой системы ограниченных вещных прав. Перечень вещных прав представлен лишь одной группой вещных прав — вещных прав пользования (хотя необходимо отметить, что система ограниченных вещных права в современной России тяготеет к французской модели), при этом, изложение видов вещных прав представляется в виде перечня, а не системы, основанной на едином классификационном критерии.

В Гражданском кодексе РФ ограниченные вещные права прописаны в ст. 216 «(ГК РФ Статья 216. Вещные права лиц, не являющихся собственниками)

- Вещными правами наряду с правом собственности, в частности, являются:
- право пожизненного наследуемого владения земельным участком (статья 265);
  - право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком (статья 268);
  - сервитуты (статьи 274, 277);
  - право хозяйственного ведения имуществом (статья 294) и право оперативного управления имуществом (статья 296)» [1].

Анализ ст. 216 ГК РФ показывает, что в ней содержатся далеко не все ограниченные вещные права, имеющиеся в российском законодательстве. Например, «за скобками остался легат, ст. 1137 ГК РФ, 274 ГК РФ и ст. 23 Земельного кодекса РФ, ст. 31 ЖК РФ (права членов семьи собственника пользоваться жилым помещением) и ст. 34 ЖК РФ (право гражданина на проживание в жилом помещении по договору пожизненного содержания с иждивением)» [7].

Данное обстоятельство позволяет утверждать, что в российском законодательстве не выдерживается принцип типизации вещных (ограниченных вещных) прав [6;32-39] и предстоит проделать большую работу по созданию собственной системы вещных прав, на которую бы равнялись и другие страны.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) № 51-ФЗ. [принят 30.11.1994 (ред. от 03.08.2018. с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2018)] // Собрание законодательства РФ — 1994, № 32. — ст. 3301.
2. Германское гражданское уложение (ГГУ). — Текст: электронный. — URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Германское_гражданское_уложение (дата обращения 14.04.2020).
3. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. — Издательство политической литературы. — М., 1970.
4. Маркс К. и Энгельс Ф. Об античности. / ГАИМК. — Ленинград, 1932.
5. Василевская Л.Ю. Вещные сделки по германскому праву: методология гражданско-правового регулирования... дис. на соискание степени доктора юрид. наук. — М., 2004.
6. Деханов С.А. Идея вещных прав: от римской юриспруденции и учения пандектистов до системы ограниченных вещных прав в современном российском законодательстве // Евразийская адвокатура. — 2020. — № 4 (47). — С. 32–39.
7. Емелькина И.А. Система ограниченных вещных прав на земельные участки: автореферат дисс. на соискание степени доктора юрид. наук. — Текст: электронный. — URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01004842369#?page=20> (дата обращения 07.03.2020).
8. Маттеи У., Суханов Е.А. Основные положения права собственности. — М.: Юристъ, 1999.
9. Хрестоматия по истории средних веков. Т.1. — М., 1953.
10. Хрестоматия по истории средних веков. Т.1. Раннее средневековье. — СЭЛ, М., 1961.

Н.В. Белозерцева

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОСТУПНОСТИ ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ДЛЯ ЛИЦ С ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМИ НАРУШЕНИЯМИ КАК ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

ENSURING THE AVAILABILITY OF LEGAL INFORMATION FOR PERSONS WITH INTELLECTUAL DISABILITIES AS A PHILOLOGICAL PROBLEM

БЕЛОЗЕРЦЕВА Наталья Васильевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры романо-германских языков МГГЭУ (e-mail: bnv_75@mail.ru)

BELOZERTSEVA Natalia Vasilyevna — Candidate of Pedagogy, Assistant Professor of the Department of Romano-Germanic Languages, MGGEU (e-mail: bnv_75@mail.ru)

Аннотация. Создание доступной среды для лиц с ограниченными возможностями предполагает обеспечение им беспрепятственного доступа к информации. В Российской Федерации доступность информации гарантируется в основном слабовидящим и слабослышащим, но лица с интеллектуальными нарушениями, как правило, не учитываются. Тем не менее, лица с интеллектуальными нарушениями также нуждаются в доступной, адаптированной до их уровня понимания информации, особенно в сфере права. Цель данного исследования — выявить предпосылки в области филологии, на которые можно опираться в процессе адаптации правовой информации для лиц с ОВЗ. В статье анализируется опыт зарубежных стран, осуществляющих адаптацию правовой информации для лиц с интеллектуальными нарушениями, изучается переводческий опыт адаптации художественного произведения для реципиентов с иными интеллектуальными возможностями, который может помочь заложить основы методологии перевода правовой информации на простой язык. Автор приходит к выводу, что для перевода на простой язык можно использовать тактики стратегии переадресации, а для описания уровней упрощения можно использовать уровни владения языком, прописанные в Общеевропейской шкале языковой компетенции.

Ключевые слова: доступность правовой информации, адаптация, ясный язык, простой язык, лица с ОВЗ, лица с интеллектуальными нарушениями, инвалиды.

Abstract. Creating an accessible environment for persons with disabilities means ensuring that they have unhindered access to information. Nevertheless, in the Russian Federation, the availability of information is guaranteed mainly for the visually impaired and the hearing impaired, but persons with intellectual disabilities are usually not counted. However, persons with intellectual disabilities also need accessible information adapted to their level of understanding, especially in the field of law. The aim of this study is to identify the prerequisites in the field of philology, which can

be relied upon in the process of adapting legal information for persons with disabilities. The article analyzes the experience of foreign countries that adapt legal information for persons with intellectual disabilities, studies translators' experience of adapting works of fiction for recipients with different intellectual capabilities, which can help lay the foundations for the methodology for translating legal information into a simple language. The author concludes that strategy of redirection tactics can be used to translate into simple language, and language proficiency levels prescribed in the Common European Framework of Reference for Languages can be used to describe the levels of simplification.

Key words: *availability of legal information, adaptation, easy language, simple language, persons with disabilities, persons with intellectual disabilities, invalid.*

Тема социальной адаптации инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) является актуальной для нашего общества. В 2012 г. Россия ратифицировала «Конвенцию о правах инвалидов» [3], в статье 9 которой декларируется доступность зданий, дорог, транспорта, а также информационных, коммуникационных и других экстренных служб с целью «наделить инвалидов возможностью вести независимый образ жизни и всесторонне участвовать во всех аспектах жизни». Статья 21 названной «Конвенции» декларирует свободу выражения мнения и убеждений, а также доступ к информации. В ней говорится, что государствами должны создаваться условия, «чтобы инвалиды могли пользоваться правом на свободу выражения мнения и убеждений, включая свободу искать, получать и распространять информацию и идеи наравне с другими, пользуясь по своему выбору всеми формами общения» [3]. При этом уточняется, что при предоставлении информации для обеспечения ее доступности нужно учитывать разные формы инвалидности.

В январе 2020 г. вступили в силу изменения и дополнения Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 23.11.1995 № 181-ФЗ, статья 14 которого гарантирует обеспечение беспрепятственного доступа инвалидов к информации [12]. В данной статье, правда, говорится в основном о доступности информации для слабовидящих и слабослышащих и совсем ничего нет о лицах с интеллектуальными нарушениями.

Тем не менее, как показывает практика, лица, имеющие незначительные нарушения интеллектуального развития способны не только обучаться в общеобразовательных учреждениях, но и получать профессию, трудоустраиваться, т.е. быть в значительной степени вовлеченными в различные правовые отношения. Способны ли они, получившие образование в специализированных учебных учреждениях либо в условиях инклюзивного образования, но по адаптивным программам и учебникам, понять правовую информацию, рассчитанную на юридически грамотного и интеллектуально здорового человека? Возможно, им не потребуется понимать все то, что обычно относят к «правовой информации» — «правовые акты, а также всю информацию, которая связана с правом: материалы подготовки законопроектов и других нормативных правовых актов, их обсуждения и принятия, учета и упорядочения, толкования и реализации правовых норм, изучения практики их применения» [11]. Тем не менее, иметь элементарные знания о государственном устройстве, собственных правах и обязанностях, уметь понимать договоры и соглашения, заполнить бланки документов — все это становится насущной необходимостью для лиц с интеллектуальными нарушениями.

Нередко при восприятии и понимании правовой информации затруднения возникают и у людей, не имеющих интеллектуальных нарушений, но неспособных, например, в силу возраста либо уровня образования разобраться в договорах, законах и т.д. Должно ли государство обеспечивать доступность правовой информации и, если должно, то как? Опыт других стран показывает, что эта задача должна решаться на государственном уровне.

Например, в Республике Беларусь с целью обеспечения безбарьерной коммуникативной среды была начата работа по созданию ясного языка. Под последним понимают «язык, который доступен людям, испытывающим трудности в чтении и (или) понимании текста, и который предполагает, как правило, использование упрощенной структуры высказываний, наиболее часто встречающихся общеупотребительных слов без специальной лексики, иностранных заимствований и слов в переносном значении, а также специальных приемов (расположение текста на странице, размер и иные особенности шрифта и др.)» [4].

Данный язык используется в учебной литературе, для адаптации художественных и публицистических текстов, текстов экскурсий, описании маршрутов общественного транспорта, законодательных, юридических, социальных документах и т.д. [10, с. 156–158].

В Германии существуют такие социолингвистические феномены, как “*leichte Sprache*” и “*einfache Sprache*”, Легкий и Простой языки [7, с. 51–53]. Несмотря на терминологическую схожесть, данные термины имеют разное происхождение и используются в немецком обществе с разной целью. При адаптации информации для лиц с ментальными нарушениями используется Легкий язык, который в нормативных документах определяется как «очень легкий для понимания язык. На котором можно говорить и писать. Легкий язык предназначен, прежде всего, для людей с трудностями в обучении. Но и для других людей» [8]. Например, для людей, которые недостаточно хорошо владеют немецким. В отличие от «ясного языка» Легкий язык используется довольно широко в Германии. Так, например, сайт правительства ФРГ имеет версию на Легком языке [13], чтобы обеспечить информационную доступность всем гражданам государства.

Для адаптации текстов на Легкий язык были разработаны четкие правила на уровне лексики (отбора слов и орфографии), синтаксиса, оформления [7, с. 56]. Предложения должны быть простыми, состоящими из трех – восьми слов. Каждое предложение записывается на отдельной строке. Числительные не используются, они должны быть заменены обобщениями «много», «мало», даты обозначаются наречиями, например, «давно», «скоро». Есть также требования к размеру шрифта, цвету, выравниванию текста и т.д. В адаптированных на Легкий язык текстах также используется много картинок-символов для облегчения восприятия и запоминания информации.

Общественное объединение «Белорусская ассоциация помощи детям-инвалидам и молодым инвалидам», основываясь на «Европейских стандартах по созданию информации, доступной для чтения и понимания» [1], разработало собственные стандарты ясного языка, которые должны быть утверждены в ближайшее время. Вот некоторые правила, содержащиеся в стандартах ясного языка:

- «предложения должны быть простыми и короткими;
- в каждом предложении должно содержаться только одно высказывание;
- исключаются слова иностранного происхождения;
- повтор слов приветствуется;

- шрифт должен быть простым, без засечек, например Arial;
- размер шрифта — не менее 14 пунктов» [5].

Беларусские специалисты по адаптации считают, что невозможно применять одни и те же стандарты для лиц с различными степенями и видами отклонений интеллектуального развития. Поэтому, создав текст на ясном языке, они предлагают оценить его нескольким экспертам, лицам с умственными нарушениями. После оценки экспертов вносятся исправления в готовый текст.

В России пока нет стандартов адаптации текстов на простой язык. Тем не менее, данная тема стала предметом обсуждения переводчиками. Например, в рамках I Форума специальных видов перевода «Инклюзивный диалог» [2] в январе 2020 г. была организована сессия «Упрощенная информация и ясный язык для людей с когнитивными нарушениями».

Нельзя сказать, что в России тексты никогда не адаптировались для лиц с нарушениями интеллектуального развития, поскольку осуществлялось обучение в спецшколах по специально разработанным учебникам, в которых информация давалась в значительно упрощенном по сравнению с общеобразовательными школами виде. Кроме того, в отечественной практике перевода были случаи, когда книга, изначально написанная для взрослой аудитории переводилась для детской (например, роман Дж. Свифта «Путешествия Гулливера»), когда реципиент на языке перевода обладал иными интеллектуальными способностями по сравнению с предполагаемым в авторской концепции. Подобная стратегия перевода была названа В.В. Сдобниковым «стратегией переадресации» [9, с. 420–427]. Для ее реализации обычно используются следующие тактики:

- 1) модификации композиционной структуры текста;
- 2) модификации семантической структуры текста;
- 3) модификации синтаксической структуры текста;
- 4) модификации стиля повествования;
- 5) модификации типа повествования;
- 6) передачи основной когнитивной информации.

В.В. Сдобниковым были разработаны детально особенности реализации указанных выше тактик, правда, для межъязыкового перевода. Думается, что эти разработки вполне можно применить и для внутриязыкового перевода.

Рассмотрим выделенные В.В. Сдобниковым тактики подробнее. По его мнению, модификация композиционной структуры текста может быть реализована на практике путем опущения. Семантическая структура текста может быть модифицирована с помощью «опущения коммуникативно-нерелевантной информации», генерализации (в случае, если конкретная информация не имеет значения для понимания), привнесения в текст дополнительной информации, путем резюмирования. Синтаксическая структура текста может быть модифицирована с помощью следующих приемов: упрощение синтаксиса предложений, перенос информации из одного предложения в другое с сохранением логических связей между ними. Модификация стиля текста осуществляется, с одной стороны, посредством упрощения синтаксиса, с другой, путем устранения из текста книжных слов, особенно, если это не затрудняет понимания текста, а также добавлением в перевод разговорных оборотов (например, «таким образом», «так», «одним словом» и других).

Думается, данные тактики можно с успехом использовать и для адаптации правовой информации, инструкций по использованию интернет-сайтов, бытовой техники и т.д. для лиц с интеллектуальными нарушениями.

В рамках Форума «Инклюзивный диалог» коллегами разных стран было высказано предположение, что разные уровни языка, используемые для различных целевых групп лиц с интеллектуальными нарушениями, вполне сопоставимы с Европейской шкалой языковой компетенции GEFR [6]: A1 уровень выживания, A2 предпороговый уровень, B1 пороговый уровень, B2 пороговый продвинутого уровня, C1 уровень профессионального владения, C2 уровень владения в совершенстве. Поэтому при передаче правовой информации на простой язык переводчику, скорее всего, нужно ориентироваться на данные уровни языковых компетенций.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что обеспечение доступности правовой информации для лиц с интеллектуальными нарушениями — тема новая и не до конца разработанная как для переводоведов, так и для исследователей в области права. Тем не менее, именно в данной области активное взаимодействие профессионалов обеих отраслей знания может привести к успешному решению проблемы.

Список литературы

1. Европейские стандарты по созданию информации, доступной для чтения и понимания. — Текст: электронный. — URL: <http://belapdi.org/wp-content/uploads/2018/03/Informatsiya-dlya-vseh.pdf> (дата обращения: 22.04.2020).
2. Инклюзивный диалог. — Текст: электронный. — URL: <https://ic4ci.com/ru/inclusive-interpretation> (дата обращения: 22.04.2020).
3. О правах инвалидов: Конвенция: [Принята резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи от 13 декабря 2006 года]. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (дата обращения: 22.04.2020).
4. Методические рекомендации по определению доступности объектов и адаптации услуг, предоставляемых населению, с учетом особых потребностей инвалидов. — Текст: электронный. — URL: <http://berestovitsa.grodno-region.by/uploads/files/Metodicheskie-rekomendatsii-po-opredeleniju-dostupnosti-objektov.pdf> (дата обращения: 22.04.2020).
5. Морголь Е. «Все подвисли на слове «организация». В Беларуси узаконят ясный язык. — Текст: электронный. — URL: <https://www.kp.by/daily/26858.5/3900871/> (дата обращения: 22.04.2020).
6. Новый словарь методических терминов и понятий. — Текст: электронный. — URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary/language-education/articles/9/obscheevropejskaya-sistema-urovnej.htm> (дата обращения: 22.04.2020).
7. Петрова М.В. “Leichte Sprache” и “Einfache Sprache” как социолингвистические феномены // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. — 2020. — № 13. — С. 51–59.
8. Правила и рекомендации ассоциации «Лёгкий язык». — Текст: электронный. — URL: https://www.leichte-sprache.org/wpcontent/uploads/2017/11/Regeln_Leichte_Sprache.pdf (дата обращения: 22.04.2020).
9. Сдобников В.В. Коммуникативная ситуация как основа выбора стратегии перевода. дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.20 / 18.04.12: утв. 25.10.12 / Сдобников Вадим Витальевич. — Нижний Новгород, 2012. — 220 с. — Библиогр.: с. 420–427.
10. Сороко Е.Н., Юревич Е.М. Создание и адаптация текстовой информации на «ясном языке» как средство повышения качества образовательной и соци-

альной инклюзии детей с интеллектуальными нарушениями // Социально-педагогическая поддержка лиц с ограниченными возможностями здоровья: теория и практика: Сборник статей по материалам III Международной научно-практической конференции, 16–18 мая 2019 года. В 2-х ч. Ч. 2. / под науч. ред. Глuzман Ю.В. — Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. — С. 156–158.

11. Справочная информация: «Понятие и структура правовой информации» — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22473/ (дата обращения: 22.04.2020).

12. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2020): Федеральный закон № 181-ФЗ: [принят 24.11.1995 (ред. от 02.12.2019)]. — Статья 14. Обеспечение беспрепятственного доступа инвалидов к информации. — Текст: электронный — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/1ae5b3cba1387bc6a74be25b53847685861a039d/ (дата обращения: 22.04.2020).

13. Bundesregierung: [сайт]. — URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/leichte-sprache?view=> (дата обращения: 22.04.2020).

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ СПОСОБЫ ДОСТИЖЕНИЯ АДЕКВАТНОСТИ
ПРИ ПЕРЕВОДЕ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИХ СТАТЕЙ

TRANSFORMATION METHODS OF ACHIEVING ADEQUACY
IN TRANSLATING INFORMATION AND ANALYTICAL ARTICLES

СТАРОДУБЦЕВА Елена Алексеевна — кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры романо-германских языков МГГЭУ (e-mail: easma@ya.ru)

STARODUBTSEVA Elena Alekseevna — Candidate of Pedagogical Science,
Assistant Professor of the Department of Romano-Germanic Languages, MGGEU
(e-mail: easma@ya.ru)

Аннотация. Одной из главных задач перевода является наиболее точная передача плана выражения и плана содержания оригинального текста на язык перевода с соблюдением грамматических, лексических и стилистических норм этого языка. Также необходимо, чтобы перевод соответствовал тем ожиданиям, которые возлагают на него участники коммуникации. Такое соответствие является адекватностью перевода. В данной статье будут рассмотрены пути достижения адекватности при переводе английских информационно-аналитических статей на русский язык.

Ключевые слова: трансформационная модель перевода, трансформационно-семантическая модель перевода, адекватность перевода

Abstract. One of the main tasks of the translation is the most accurate transfer of the plan of expression and the plan of the content of the original text into the target language in compliance with the grammatical, lexical and stylistic norms of this language. However, it is also necessary that the translation meets the expectations of the communication participants. So the main of any translation is its adequacy. This article will consider ways to achieve adequacy in the translation of English information and analytical articles into Russian.

Key words: transformational translation model, transformational-semantic translation model, translation adequacy

Процесс перевода всегда имеет два аспекта — язык и культура, они неразделимы, взаимосвязаны. У каждой культуры свои представления об окружающем мире, и эти представления находят свое отражение в структуре любого языка. Поэтому при переводе необходимо учитывать эти аспекты и добиваться максимальной адекватности перевода, в том числе работая с публицистикой. В связи с этим очевидна и актуальность выбранной темы исследования.

Для начала необходимо рассмотреть две модели перевода, имеющие непосредственное отношение к теме нашего исследования. Первая модель — трансформационная — берет свое начало в трансформационно-порождающей грамматике Ноама Хомского [8]. Аврам Ноам Хомский изложил эту концепцию в своей книге «Синтаксические структуры» (“*Syntactic structures*”). В соответствии с его концепцией, все синтаксические структуры можно свести к набору ядерных структур и по определенным трансформационным правилам вывести из них производные, поверхностные структуры. Следовательно, процесс перевода с применением этой модели осуществляется в три этапа.

1. Анализ текста оригинала: его структуры преобразуются в ядерные структуры этого же языка (трансформация в пределах языка оригинала).
2. Перенос — замена ядерной структуры языка оригинала эквивалентной ей ядерной структурой языка перевода (межъязыковая трансформация).
3. Синтез — ядерная структура языка перевода разворачивается в поверхностную структуру этого же языка, учитывая при этом стилистический аспект (трансформация в конечную структуру текста перевода).

Например, возьмем предложение из анализируемой нами статьи [10] “And why has Sugg been on the receiving end of a spew of hatred?” и свернем ее в ядерную структуру на этом же языке: “Why is Sugg receiving waves of hatred?”. Затем переносим эту структуру на русский язык: «Почему Сагг получает столько ненависти?». И, наконец, мы синтезируем эту фразу в поверхностную структуру: «И почему Сагг оказалась жертвой волны ненависти?» с учетом стилистического момента (волны ненависти) и проблемы сочетаемости слов («оказалась жертвой ненависти» вместо «получает столько ненависти»).

Применительно к данному исследованию отметим, что с помощью трансформационной модели перевода можно выявить переводческие трансформации, речь о которых пойдет ниже. Однако эта модель не может объяснить, как делается выбор между трансформациями. Более того, как утверждает А.Д. Швейцер (в отличие от Ю. Найды, настаивающего на универсальности данной модели), представление процесса перевода как использование только грамматических трансформаций чрезмерно упрощает картину, так как существуют и другие типы трансформаций [9, с. 22].

Вторая модель перевода — трансформационно-семантическая. Процесс перевода, описываемый данной моделью, схож с трансформационной моделью и также состоит из трех этапов: на первом этапе предложение на языке оригинала упрощается, только в этом случае трансформации подвергаются еще и отдельные слова. В них выделяется свой набор сем или единиц значения. На втором этапе эти упрощенные структуры и единицы смысла переносятся на структуры и семы языка перевода. И, наконец, на третьем этапе происходит преобразование в окончательные структуры и единицы языка перевода.

Эта модель перевода подчеркивает общность содержания оригинального текста и его перевода и общность их сем. Однако эта модель также не универсальна, так как между семами и конструкциями обоих текстов нельзя установить такую общность, ограничившись лишь общностью ситуации.

Как было сказано ранее, при переводе с одного языка на другой все элементы смысла воспроизвести невозможно. Соответственно для достижения адекватного перевода важно уметь не только использовать регулярные соответствия, но и преодолевать несоответствия между языком оригинала и языком перевода (в данном случае между английским и русским), которые могут возникнуть вследствие структурных, семантических и стилистических различий между этими языками.

О.А. Фирсов описал общие и контекстуальные несоответствия. К общим несоответствиям он отнес все различия (структурные и семантические) общего характера в данной языковой паре. Эти различия не зависят от контекста, для них допускается перевод традиционными способами. Контекстуальные несоответствия возникают вследствие невозможности в определенных контекстуальных рамках напрямую перейти от единиц оригинала к их эквивалентам. Такие несоответствия представляют уже больше проблем, в этом случае прини-

маются определенные переводческие решения, определенные приемы перевода и делается выбор между несколькими вариантами перевода с учетом контекста и норм переводящего языка. Иначе говоря, проводятся некоторые преобразования, называемые переводческими трансформациями.

Фирсов так определяет переводческие трансформации: «Преобразования, с помощью которых переводчик осуществляет переход от единиц оригинала к коммуникативно-равноценным им единицам перевода при невозможности использования в конкретном контексте регулярных соответствий для данных единиц оригинала» (7, с. 38).

Переводческая трансформация рассматривается как действие переводчика с целью преодолеть контекстуальное несоответствие. Это понятие шире, чем переводческий прием, являющийся составной частью переводческой трансформации (так как трансформация осуществляется за счет использования переводческого приема) и применяющийся после оценки вызывающего проблему в переводящем языке явления текста оригинала (7, с. 3–7).

Любая переводческая трансформация должна быть мотивирована, оправдана, иначе искажений смысла не избежать. Разными лингвистами определяются разные причины применения переводческих трансформаций. Например, Г.М. Стрелковский в качестве причины называет стремление точно передать интенцию (намерение) отправителя и сделать функции текста перевода и текста оригинала тождественными (6, с. 88).

Чаще всего выделяют восемь мотивов применения трансформаций.

1. Стремление не нарушать нормы сочетаемости единиц в языке перевода.
2. Стремление идиоматизировать текст перевода путем использования наиболее употребительных, «живых» выражений и конструкций.
3. Необходимость преодоления межъязыковых различий в форме однородных членов предложения.
4. Стремление избегать чуждых принимающему языку словообразовательных моделей.
5. Стремление избегать неестественности некоторых повторов, громоздкости, неясности и нелогичности выражения.
6. Стремление к компактности перевода.
7. Желание донести до рецептора важную фоновую информацию или убрать избыточную, лишнюю информацию.
8. Установка адекватно перевести трудно передаваемую игру слов или особенность.

Е.В. Бреус мотивирует переводческие трансформации следующим образом: «Смысл оригинала передается при помощи переводческих соответствий, имеющих не только иное языковое выражение, но и отличный от оригинала набор сем, а это и порождает необходимость во всевозможных переводческих трансформациях» (2, с. 164).

Причина применения переводческих трансформаций в основном заключается в существовании особого видения мира, свойственного каждому языку, а также связанной с ним языковой избирательности. При переводе происходит не только контакт двух языков, но и двух культур. Так, описывая предметную ситуацию, английский язык может выбрать другую, отличающуюся от русского языка отправную точку. В частности, для английского языка характерно преимущественное использование глагольных форм, а русскому языку, наоборот, свойственно более широкое употребление существительных (3, с. 14).

Л.К. Латышев объясняет применение переводческих трансформаций различиями коммуникативных компетенций носителей исходного языка и языка перевода. Коммуникативная компетенция — набор предпосылок, которыми обладает читатель для полноценного и правильного восприятия текста (фоновые знания, знание языка, на котором написан текст, привычка к некоторым языковым стандартам, стереотипам). Без таких предпосылок невозможно успешно реализовать языковую коммуникацию. Из этого он делает вывод, что исходный текст и текст перевода не равны друг другу в той степени, в которой не равны их коммуникативные компетенции. Таким образом, переводчик намеренно создает с помощью трансформаций неравные тексты, что и компенсирует различную коммуникативную компетенцию.

В итоге, если причина переводческих трансформаций заключается в расхождении коммуникативных компетенций, то задача переводческих трансформаций — минимизировать эти расхождения. Однако Латышев замечает, что далеко не во всех случаях необходимо применять трансформации, и советует в первую очередь переводить «слово в слово» (4, с. 28–31). Он обращает внимание на вопрос необходимости и допустимости переводческих трансформаций: «Адекватная мера трансформации находится посередине между буквализмом и вольностью. Это та мера, которая отличает адекватный перевод» (4, с. 37–39).

Перейдем к видам переводческих трансформаций и приведем примеры на основе, взятой для анализа аналитической статьи из газеты «Daily Telegraph».

На данный момент существует множество классификаций переводческих трансформаций. Л.С. Бархударов (1, с. 230) для удобства разделяет все трансформации на четыре условные категории.

1. Перестановки — изменение расположения языковых элементов (слов, словосочетаний, предложения, главных и придаточных предложений) в тексте перевода. Чаще всего изменяется порядок слов и словосочетаний в предложении, который в данной языковой паре различается:

Here's how this particular *story*, called, "Why the internet hates Zoella", *unfolded*.

Ниже рассказано, как *развивалась* именно эта *история* под названием «Почему Интернет ненавидит Зоэллу».

В данном примере подлежащее и сказуемое заняли совершенно иное место, чем в оригинале.

2. Замены (грамматические и лексические). Также существуют лексико-грамматические замены, когда заменяется не единица, но целая конструкция.

Причины использования грамматических трансформаций сводятся к двум основным: объективные и субъективные. По объективным причинам трансформации связаны с культурными различиями носителей двух языков, например, с различиями грамматических структур языков:

...who Sugg thanked in the book's acknowledgments for *being* "with me every step of the way".

...которую Сагг отметила в благодарностях от автора за то, что она «*была* со мной на каждом этапе работы».

В русском языке не существует герундиальных форм. При переводе герундиальная форма «*being*» заменена на глагол в прошедшем времени «*была*».

К субъективным причинам можно отнести собственный стиль переводчика (у каждого переводчика так или иначе сформируется свой стиль изложения,

даже несмотря на необходимость передавать в тексте перевода все особенности стиля автора текста), является ли переводчик носителем исходного языка или переводящего (различная языковая картина мира). Основные причины лексических трансформаций заключаются в различиях выделяемого признака предмета, в смысловом объеме слова, в сочетаемости слов в данной языковой паре. Укажем, какие варианты замены существуют.

- а) Замены формы слова.

The *contents* of her handbag [10].

Содержимое ее сумочки.

Множественное число английского существительного «*contents*» заменено на единственное число при переводе — «содержимое».

- б) Замены части речи (транспозиция).

She is the *ambassador* for several charities.

Она жертвует деньги в несколько благотворительных фондов.

Существительное «*ambassador*» (деятель, постоянный представитель) было переведено глаголом «она жертвует деньги», что типично при переводе с английского языка на русский. В русском языке преобладают глагольные сказуемые.

- в) Замены членов предложения — перестройка синтаксической структуры предложения, изменение синтаксической функции слов. Часто такая замена происходит по стилистическим соображениям. Например, пассивный залог в английском языке заменяется действительным залогом в русском языке для того, чтобы придать русскому выражению большую степень категоричности.

Whether this contribution to economic thought even deserves *to be called* a new “theory” is debatable, considering the unoriginality (and banality) of its central concept [11].

Заслуживает ли этот вклад в экономическую мысль права называться новой «теорией», остается спорным, учитывая неоригинальность (даже банальность) ее центральной концепции.

- г) Замены в сложном предложении (простое предложение заменяется сложным и наоборот, замена главного предложения придаточным и наоборот и т.д.). Английское предложение, как правило, требует наличия в своем составе и подлежащего и сказуемого. В русском языке наличие и того и другого необязательно.

Its representatives speak as though they have developed a new economic paradigm comparable to the Copernican Revolution in astronomy [11].

Ее представители так убедительны в своих речах, будто разработали новую экономическую парадигму, сравнимую с революцией Коперника в астрономии.

- д) Замены лексических единиц или лексические замены. Сюда можно отнести конкретизацию, генерализацию и смысловое развитие (замена причины следствием, процесс результатом и наоборот). Иногда такой метод — единственный способ адекватно передать исходный смысл конечному читателю.

And even more *marketable*.

И еще успешнее.

Прилагательное «*marketable*» (имеющий рыночный спрос) было переведено как «успешный» (если имеется спрос, значит успешный — смысл

ловое развитие, причина заменена следствием). Трансформация была использована в силу того, что если передать *more marketable* вариантом *имеющим больший рыночный спрос*, то фраза становится очень тяжеловесной.

- е) Антонимическая замена (лексико-грамматическая трансформация) — замена одного понятия противоположным с соответствующей перестройкой всего предложения. Антонимический перевод нередко бывает наиболее удобным приемом передачи смыслового и стилистического значения.

Yet behind the sleek title and confident policy pronouncements lies a message that is as simple as it is dangerous, particularly now that governments around the world *are spending freely* to keep their economies afloat during the pandemic. [11]

Однако за красивым названием и уверенными политическими заявлениями скрывается содержание, которое стол же просто, сколь и опасно, особенно сейчас, когда правительства во всем мире *не ограничивают себя в расходах*, чтобы удержать экономику на плаву во время пандемии.

- ж) Компенсация — восполнение семантической потери в переводе с помощью других средств.

Seat of learning!_Cheeky Cambridge students bare all as they pose naked on rooftops, in the street and even in the library in battle for “best bum” [12].

Тоже мне храм наук! В битве за «лучшую задницу» дерзкие студенты Кембриджа обнажаются на крышах домов, на улицах и даже в библиотеке.

Как видно из примера, компенсация используется там, где необходимо передать чисто внутрилингвистические значения, когда не всегда можно найти прямое и непосредственное соответствие той или иной единице ИЯ в системе ПЯ.

1. Добавления — требуются при синтаксической перестройке предложения, при учете прагматики текста, для перевода грамматических значений, из стилистических соображений или в соответствии с нормами русского языка.

Become really really successful, really really quickly [10].

Стань очень-очень успешной, *причем* очень-очень быстро.

FRANKFURT — Many people are now proclaiming that the COVID-19 pandemic has provided proof positive that Modern Monetary Theory (MMT) is the only way forward for governments [11].

ФРАНКФУРТ — Многие сегодня заявляют, что пандемия covid-19 убедительно доказала: современная денежная теория (СДТ) — единственный способ *экономического движения* вперед для правительств *различных стран*.

The former Cold War frontier of eastern Europe is becoming a battleground in the \$500 billion business of building nuclear power plants [13].

Восточная Европа, бывшая *передовым* рубежом *во время* холодной войны, становится полем битвы *на рынке* строительства атомных электростанций, *которое оценивается в сумму* 500 миллиардов долларов.

2. Опускание можно применить для того, чтобы устранить избыточные слова при переводе. Например, в английском языке широко употребляются парные синонимы, в русском языке один из них опускается.

Null and void — *недействительно* (оба синонима обозначают одно и то же).

Естественно, в большинстве случаев трансформации применяются не изолированно, но в комплексе, так как при переводе приходится учитывать целый ряд факторов.

О.А. Фирсов различает три вида трансформаций на основе трансформационно-семантической модели перевода: грамматические, лексические и лексико-грамматические. Кроме представленных Л.С. Бархударовым трансформаций, в классификацию добавлены такие приемы перевода, как членение и объединение предложений, транскрибирование, транслитерация, калькирование, логическая синонимия, экспликация или описательный перевод (7, с. 8–11):

Zoella Beauty — Зоэлла Бьюти;

Girl Online — Девушка Онлайн;

The giant bag of drugstore makeup — гигантский набор косметики.

Необходимо сказать, что трансформаций требует и упомянутая выше прагматическая адаптация текста. При прагматической адаптации текста также важно учитывать особенности одного и того же функционального стиля в разных языках. Из-за разного объема информации применяется прием добавления. При переводческой адаптации следует также учитывать стилистические особенности употребления слов. Например, при переводе публицистики на русский язык очень часто происходит снятие образности английских эмоционально окрашенных слов. Это происходит в силу того, что для русскоязычной аналитической статьи, как правило, не характерна эмоциональность.

Проанализировав определения и различные точки зрения по поводу категории адекватности перевода, подлинно адекватным мы можем считать такой перевод, который исчерпывающе передает общую коммуникативную установку автора, все смысловые оттенки текста оригинала, а также обеспечивает полное формальное и стилистическое соответствие ему. Таким образом, происходит не просто подбор соответствий, а подбор наилучших соответствий для полноценного воспроизведения формы и содержания подлинника. Адекватный перевод должен быть точным, сжатым, ясным, а также отвечать нормам языка перевода.

Всестороннее исследование по данной теме позволило сделать вывод, что адекватности можно достигнуть трансформационным методом, применяя трансформационную модель перевода. С помощью различных переводческих трансформаций переводчиком преодолеваются межязыковых несоответствия.

Исходя из всего вышесказанного, мы можем сделать вывод, что информационно-аналитические статьи являются разновидностью публицистики, соответственно, обладают всеми чертами этого стиля - конкретикой, лаконичностью предложений, наличием эмоционально-окрашенных слов (для английского языка), терминов, аллюзий, реалий. Все эти средства используются для реализации ведущих функций публицистического текста - информирования и убеждения. Нужно также отметить, что в статьях используется много клишированных единиц. Однако язык газет вовсе не отличается жесткой стандартизованностью, потому что журналисты постоянно пытаются обновить свой набор выразительных средств.

Анализируя особенности и переводческие проблемы информационно-аналитических статей, мы пришли к выводу, что основную трудность для переводчика представляют «ложные друзья переводчика», передача реалий, неологизмов и аббревиатур. Говоря о достижении наиболее точной передачи плана выражения и плана содержания информационно-аналитической статьи, необходимо отметить, что она возможна на основе применения комплекса переводческих

трансформаций: перестановок, замен различного рода, антонимического перевода, компенсаций. В силу лингвостилистических различий английского и русского языков текст практически невозможно перевести без трансформаций, однако переводческая трансформация должна быть мотивирована.

Список литературы

1. *Бархударов Л.С.* Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. — М.: URSS, 2019. — 240 с.
2. *Бреус Е.В.* Курс перевода с английского языка на русский: учебное пособие. — М.: Р. Валент, 2007. — 320 с.
3. *Бреус Е.В.* Основы теории и практики перевода с русского языка на английский: учебное пособие. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: УРАО, 2000. — 208 с.
4. *Латышев Л.К.* Курс перевода: эквивалентность перевода и способы ее достижения. Для изучающих немецкий язык. — М.: Международные отношения, 1981. — 248 с.
5. *Латышев Л.К.* Технология перевода : учебник и практикум для вузов / Л.К. Латышев, Н.Ю. Северова. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2020. — 263 с.
6. *Стрелковский Г.М.* Теория и практика военного перевода. — М.: Воениздат, 1979. — 288 с.
7. *Фирсов О.А.* Перевод с английского языка на русский и его комментарий. — М.: Компания Спутник+, 2003. — 160 с.
8. *Хомский Н.* Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. — 1962. — Вып. II. — С. 412–527.
9. *Швейцер А.Д.* Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты. — 4-е изд., стереотип. — М.: URSS, 2019. — 216 с.
10. *Sullivan R.* Why Zoella is just another woman the internet loves to take down. — Текст: электронный // News.com.au: [сайт]. — URL: <https://www.news.com.au/lifestyle/beauty/face-body/why-zoella-is-just-another-woman-the-internet-loves-to-take-down/news-story/6043df553d0e22c98238b8f637e9cf26> (дата обращения: 10.11.2020).

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОБРАЩЕНИЙ
В ТУРЕЦКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

COMPARATIVE ANALYSIS OF CASES IN THE TURKISH
AND RUSSIAN LINGUISTIC CULTURES

ГЕНИШ Эйюп — кандидат исторических наук, профессор кафедры восточных языков МГГЭУ (e-mail: genis@mggeu.ru)

БАТАНОВА Ильсияр Аликовна — старший преподаватель кафедры восточных языков МГГЭУ (e-mail: ilsiyarbatanova@yandex.ru)

УТЕЕВА Амуланга Алексеевна — ассистент преподавателя Института калмыцкой филологии и востоковедения Калмыцкого государственного университета (e-mail: aukamula000712@gmail.com)

BATANOVA Ilsiyyar Alikovna — Senior teacher of the Department of Oriental Sciences, MGGEU (e-mail: ilsiyarbatanova@yandex.ru)

GENIS Eyup — Candidate of History, Professor of the Department of Oriental Sciences, MGGEU (e-mail: genis@mggeu.ru)

UTEeva Amulanga Alekseevna — Assistant at the Institute of Kalmyk Philology and Oriental Studies of Kalmyk State University (e-mail: aukamula000712@gmail.com)

Аннотация. Данная работа посвящена лингвостилистическому анализу особенностей употребления обращений в турецком и русском речевом этикете, а также сопоставлению форм обращений в упомянутых культурах. Результаты прагматического и дискурсивного исследования показали, что в турецкой и русской культурах имеются различия в употреблении обращений в зависимости от горизонтальной и вертикальной дистанции, обращения к знакомому или незнакомому лицу и другие отличительные черты, присущие каждой из упомянутых культур. Обращение в турецкой культуре может рассматриваться как стратегия позитивной вежливости.

Ключевые слова: обращение, турецкий язык, лингвокультура, межкультурная коммуникация, речевой акт.

Abstract. This work is devoted to the linguo-stylistic analysis of the peculiarities of the use of references in Turkish and Russian speech etiquette, as well as the comparison of the forms of references in the mentioned cultures. The results of pragmatic and discursive research have shown that in Turkish and Russian cultures there are differences in the use of addresses depending on the horizontal and vertical distance, addressing a familiar or unfamiliar person, and other distinctive features inherent in each of these cultures. Appeal in Turkish culture can be seen as a strategy of positive politeness.

Keywords: address, Turkish language, intercultural communication, speech act.

Особенности национальной культуры непосредственно влияют на процесс общения. Культурные противоречия находят отражение в зеркале национального языка, поэтому изучение коммуникативного поведения народа и даже целой страны неразрывно связано с культурой и историей. Кроме того, по мнению известного современного ученого-культуролога Т.В. Лариной, оно требует комплексного подхода: «через тип культуры и структуру социальных отноше-

ний — к основным культурным ценностям, принятым нормам и правилам коммуникации» [4, с. 166].

Актуальным представляется в рамках анализа речевого этикета рассмотрение обращений в турецкой и русской лингвокультурах, языковые ветви которых не относятся к родственным. Одним из интересных объектов исследования нам представляется речевой акт «обращение», который мы рассматриваем с позиции лингвопрагматики, дискурс-анализа. Обращение является одной из наиболее часто употребляемых коммуникативных единиц, которые связаны с речевым этикетом. Оно входит в коммуникативный акт и представляет собой речевое действие, целью которого является привлечение внимания собеседника для вступления в речевой акт [2, с. 55].

Цель проведенного исследования заключается в том, чтобы в рамках лингвокультурологического подхода описать и сравнить речевые формулы обращений в русском и турецком языках, выявить их общие и национально специфические особенности значения и употребления. Материалом исследования послужили корпус обращений, составленный в ходе этнографического наблюдения, интервью с носителями турецкой и русской культур, а также привлечение данных вторичных источников.

Существует несколько методов описания культур и их типологий, предложенных разными учеными, например, Г. Хофштеде, Т. Дилом и А. Кеннеди, Р. Блейком и Дж. Моутон, С. Ханди, К. Камероном и Р. Куинном [7; 8; 9]. Одним из наиболее распространенных методов описания культур представляются культурные модели нидерландского социолога Г. Хофштеде с позиции различных «культурных измерений» [8]. Исследование Хофштеде охватило 53 страны мира и около 116 тысяч сотрудников разных компаний. Г. Хофштеде выделил несколько параметров характеристик культурного поведения: индивидуализм / коллективизм; дистанция власти или степень социального неравенства; маскулинность / фемининность; приемлемость неопределенности.

Общеизвестно, что русская культура принадлежит к культуре коллективистского типа. Более того, «русский коллективизм — это коллективизм особого рода, не механический, а общинный, соборный» [1, с. 76]. Согласно мнению А.В. Трепаковой коллективизм можно описать словом «Мы» [5, с. 89].

Турецкая культура, с 37-ю баллами по Хофштеде, относится к коллективистскому обществу. Это значит, что понятие «Мы» занимает в нем главенствующую роль, а люди этого общества в большинстве своем являются частью определенной группы, будь то семья, клан или организация. Общение в этой культуре носит косвенный характер. Очень важное значение уделяется внутригрупповой гармонии, избегаются конфликты между членами одной группы. У связей внутри турецкого общества есть моральная основа, и она намного важнее всего остального. Конечно же, на этом сказались религиозные взгляды. Являясь в одно и то же время и светской, и религиозной мусульманской страной, Турция придерживается определенных правил поведения, а каждая группа этого общества равняется на другие, чтобы не выбиваться из общего строя [9].

Следующей определяющей категорией является степень социального неравенства, которая также различается в разных культурах. Индекс власти PD (Power Distance) определяется тем, насколько члены общества, обладающие меньшей властью, принимают это неравенство [9]. В странах с высоким уровнем социального неравенства большое значение придается статусу и социаль-

ному положению. Социальная дистанция (D) или горизонтальная, и статусная дистанция (P) или вертикальная, тесно взаимосвязаны: согласно Хофштеде индивидуалистические культуры характеризуются более низким индексом власти, в коллективистских культурах этот индекс выше. Им так же было замечено, что исторически сложившаяся близость между членами общества свидетельствует о горизонтальной дистанции. Вследствие чего, проявляя национальную особенность, в разных культурах отличается индекс власти [7].

Рассматриваемым нами культурам согласно культурным измерениям Хофштеде присущ высокий индекс власти, то есть первостепенное значение придается социальному положению и статусу индивида, наделенные властью лица стремятся подчеркнуть свой статус и превосходство. Вертикальная статусная дистанция наблюдается во всех типах взаимоотношений, протекающих в условиях статусного неравенства: дети — родители, студенты — преподаватели, начальники — подчиненные.

В турецкой культуре значительная вертикальная дистанция обуславливает существование такого важнейшего концепта, как уважение к собеседнику и строгое деление на категории «знакомый – незнакомый». Представители турецкого общества тщательно оберегают и поддерживают в себе такой клишированный тип речевого поведения, соблюдение которого позволяет считать человека воспитанным. Кроме этого строго учитывается невербальный этикет.

Представителей русской культуры разделяет более короткая горизонтальная дистанция, поэтому в русской коммуникации приоритетными являются открытость, близость и доверительность отношений. Русская культура, являясь контактной (high-contact culture), допускает различные проявления тактильной коммуникации, которые воспринимаются как свидетельство дружбы и любви. Для русских чрезвычайно важным считается общение, в нем есть сильная потребность и это является приоритетным видом времяпровождения. По мнению А. Вежбицкой общение является ключевым культурным русским словом [1, с. 69].

Русское и турецкое коммуникативное поведение является статусно-ориентированным. Свидетельством этому является, в частности, оппозиция местоимений «ты / Вы» в русском языке, и «sen/ Siz» в турецком, обращение по имени-отчеству и другие коммуникативные особенности, отсутствующие в языке и культуре, например, англичан.

Существует несколько классификаций категории обращение, например, классификация, предлагаемая Н.И. Формановской и С.В. Шевцовой. В книге «Речевой этикет. Русско-английские соответствия», они выделяют следующие категории [6, с. 21]:

- 1) привлечение внимания;
- 2) обращение к неизвестному адресату;
- 3) обращение к известному адресату [6, с. 132].

Обращение представляет собой одну из форм речевого этикета, который включает в себя совокупность всех этикетных речевых средств и правила их использования в тех или иных ситуациях. В различных сферах человеческой деятельности этикетные средства используются по-разному. Выбор наиболее оптимальной речевой формулы зависит от многих факторов: возраста, степени знакомства, уровня отношений, места, времени, настроения и т.д. Главной целью нашего исследования было выявление наиболее предпочтительных речевых формул, употребляемых в речевом этикете носителей языка, а также

использующиеся при этом коммуникативные особенности турецкой и русской лингвокультур.

В проведенном эксперименте участвовали 62 туркоязычных респондента и 88 русскоговорящих. Им было предложено ответить на 14 коммуникативных ситуаций предполагающих использование обращений в разговорной речи. Был проведен анализ 2100 реплик, из них 1232 на русском и 868 на турецком языках. Важно отметить, что возраст информантов колебался от 12 до 68 лет. Им предлагалось ответить на вопросы репликами, являющимися, по их мнению, наиболее естественными в ситуациях обращения:

- к незнакомому адресату;
- к знакомому адресату;
- в ситуациях обращения для привлечения внимания.

У каждой ситуации своя особенность, связанная со статусной дистанцией, обусловленной возрастом адресата, его положением, уровнем авторитета. В культурах, где старшие члены общества обладают большим авторитетом и властью, фактор подчинения является достаточно значимым. Общение, происходящее между мало или совершенно незнакомыми людьми, характеризуется увеличенной социальной дистанцией.

При анализе коммуникативной ситуации в транспорте мы обнаружили, что коммуникативное поведение турецкоговорящих и русскоговорящих очень схоже. Чаще всего предпочитают использовать обращение по статусу — *«hanimefendi»*, *«beyefendi»*, *«efendim»*, *«уважаемый(ая)»*, и достаточно редко употребляют обращения по родству — *«amca»*, *«teyze»* «бабушка», «дедушка». Применение местоимения *«Вы»* и *«Siz»* указывает на постоянное соблюдение дистантности в речевом этикете. В данной ситуации всего 6 русскоговорящих респондентов (7%) использовали такие обращения, как: *«девушка»*, *«молодой человек»* или *«уважаемый»*. Преобладающее большинство предпочло безличные формы обращения по статусному положению с местоимением *«Вы»*. Среди безличных форм привлечения внимания самыми распространенными оказались: *«Внимание!»*, *«Прошу минуточку внимания!»*.

Обращение к знакомому адресату, напротив, не имеет определенной специфики. Первая коммуникативная ситуация этого вида представляет общение в учебном заведении, чаще всего его участниками являются обучающиеся и преподаватель.

Среди русскоговорящих респондентов самым распространенным ответом 59% (52 ч.) стало обращение по имени-отчеству; 30 человек (35%) предпочитают безличные формы, например: *«Разрешите спросить?»*, *«Извините, Вы не подскажете...»* или *«Добрый день! Скажите, пожалуйста...»*. Турецкоговорящие информанты, напротив, чаще используют обращение по профессиональному статусу: *«hocam»* (наставник, учитель) — 40 ч. (65%), *«öğretmen»* (учитель) — 17 ч. (27%). Всего 5 человек (8%) посчитали уместным начать свой диалог с безличных вопросов: *«Bir şey sorabilir miyim?»* (Могу я кое-что спросить?), *«Pardon, bir şey, sorabilir miyim?»* (Извините, можно ли поинтересоваться?).

В следующей коммуникативной ситуации нашим интервьюерам пришлось перенестись в рабочую атмосферу. Русскоговорящие информанты в одинаково равной степени использовали обращение по имени-отчеству (41 ч. — 47%) и безличные формы (41 ч. — 47%), например: *«Я бы хотел поговорить с Вами насчет моей зарплаты, если это возможно»* и *«Доброе утро»*. Также носители

русского языка показали одинаковые результаты в употреблении местоимения «*ты*» (3 ч. — 3%) и лексем «*шеф*», «*босс*» и «*начальник*» (3 ч. — 3%).

Поскольку у турок нет понятия «имя-отчество», чаще всего (32 ч. — 52%) его аналогом становятся обращения «*bey*» (господин) или «*hanım*» (госпожа) в зависимости от гендерного признака, а так же лексемы статуса «*müdür*» (начальник) и «*patron*» (начальник). Почти такой же популярностью (30 ч. — 48%) пользуются безличные формы вопросов, которые также выполняют роль обращений: «*Özür dilerim, önemli bir husus var*» (Извините, у меня один важный вопрос), «*Sizinle bir mesele konuşabilir miyiz?*» (Мы можем обсудить с вами один вопрос?), «*Bir konu hakkında sizinle konuşmak istiyorum*» (Я бы хотел(а) обсудить с Вами одну тему).

Общение в семейном кругу — одно из основных условий развития ребенка, один из факторов, который влияет на становление его личности. В семьях русскоговорящих респондентов дети чаще всего (77 ч. — 87%) обращаются к своим родителям на «*ты*», например: «*Мам, как ты себя чувствуешь?*» или «*Папа, у тебя все в порядке?*». Среди представителей русской культуры такое обращение расценивается как близкое и доверительное. Всего 11 человек (13%) использовали обращение на «*Вы*»: «*Мама, вы завтракали?*». Многие из респондентов упоминали, что обращение на «*Вы*» иногда приводило в недоумение их родителей и даже становилось причиной отдаленности.

Среди турок мнение разделилось. Вне зависимости от возраста турки могли обращаться к родителям как на «*Вы*», так и на «*ты*». Как показало наше анкетирование, 36 человек (58%) проявляют свое уважение к родителям с помощью местоимения «*Siz*», например: «*Sağlık sığmayınız nasıl anne/baba?*» (Мама/папа, как ваше здоровье?). Во всех обращениях как правило используются обращения по родственным связям «*anne/annecim*» (мама/мамочка), «*baba/babacım*» (папа/папочка). Остальные 26 человек (42%) обращаются к своим родителям «*sen*» (ты): «*Nasılsın anne /baba, sağlığın nasıl?*» (Мама/папа, ты как?) или «*Sağlığın nasıl, iyi misin?*» (Как твоё здоровье, все в порядке?). В числе тех, кто называет родителей на «*Sen*» (ты) был самый возрастной турецкоговорящий участник, возраст которого достиг 54 лет.

Русскоговорящие респонденты при общении с младшими братьями или сестрами одинаково часто употребляют имя (38 ч. — 43%) и безличные формы (38 ч. — 43%) в качестве обращения: «*Имя, принеси, пожалуйста, мне книгу*» или «*Дай мне книжку, пожалуйста*». И только 12 человек (14%) проявили нежность в обращении при помощи слов: «*родной*», «*зайчик*», «*солнце*», «*сладкий*», «*котик*», «*малыш*», а также использовав уменьшительно-ласкательную форму от слова «*брат*», например: «*Братишка, принеси книгу, пожалуйста*».

В отличие от русских турки менее сдержанны и с легкостью проявляют нежные чувства. 26 человек (46%) обращаются к своим братьям и сестрам так: «*canım*» (душа моя), «*kardeşim*» (братишка), «*bitanet*» (единственный). Еще 32 респондента (48%) используют безличную форму обращения «*Kitabi getirebilir misin?*» (Можешь ли принести книгу?). Всего 4 носителя турецкого языка (6%) обратились по имени к членам своей семьи.

Следующая коммуникативная ситуация предлагала интервьюерам вспомнить, как они обращаются к старшим родственникам. Среди русскоговорящих информантов было выявлено 86% (76 ч.) обращений к старшим на «*Вы*» с помощью терминов родства («*дядя*», «*тетя*»), а также 8 человек (9%), которые обращаются к старшим родственникам по имени-отчеству. Всего 4 человека

из числа опрошенных (5%) допускают обращение к старшим родственникам формой «ты».

В турецкой культуре исключается обращение к старшим на «ты», поэтому имело место несколько вариантов: «*Siz*», 21 человек — 34%, а также обращения по степени родства «*amca/dayı*» (дядя), «*teyze/hala*» (тетя) и уважительные форма «*efendim*» (господин/госпожа): 41 ч. — 66%.

В следующей ситуации мы попросили респондентов поделиться тем, как они обращаются к своим любимым людям. Туркоговорящие интервьюеры при обращении к партнерам предпочитают использовать ласкательные формы слов. Самыми популярными формами среди 51 респондента (82%) стали следующие обращения: «*canım*» (душа моя), «*aşkım*» (моя любовь), «*tatlım*» (сладкий(-ая), «*bitanem*» (единственный(-ая). Для того чтобы попросить о чем-то, турки часто обращаются к своим супругам/партнерам, используя безличную форму (8 ч. — 13%). И только 3 респондента (5%) посчитали уместным назвать своего любимого человека по имени в данной ситуации.

В русской лингвокультуре, в отличие от турецкой, респонденты чаще всего обращались к своим близким с помощью безличных конструкций (48 ч. — 55%): «*Купи, пожалуйста, продукты*», «*Зайди в магазин, купи, пожалуйста...*». Популярностью также пользуются личные обращения (25 ч. — 28%), например, «*солнце*», «*родной*», «*зайчик*», «*любимый*», «*дорогой*». Кроме того, 15 человек (17%) чаще всего употребляют в своих обращениях имя.

В следующей коммуникативной ситуации нашим респондентам было предложено рассказать нам о том, как они поприветствуют своего лучшего друга после долгой разлуки. Перед нами следующие результаты:

русскоговорящие респонденты при общении с близким другом чаще всего употребляет безличную форму обращения (41 ч. — 47%): «*Как же я скучала! Привет! Что нового у тебя в жизни? Так рада, что мы, наконец, встретились*» или «*Как давно тебя не видел!*». Также часто информанты обращаются к друзьям с помощью прозвищ, терминов родства и ласковых слов (31 ч. — 34%), которые принимают достаточно личный характер: «*бро/ братан*», «*родной*», «*дорогая*». Среди терминов родства, употребленных в отношении лучших друзей, как правило, используются лексема «*брат*», которая может выражаться в виде таких форм, как «*братишка*», «*братан*» и краткое заимствование с английского «бро» от brother (брат). Всего 16 человек (19%) обратились к своему другу по имени. Турки в ответ на эту коммуникативную ситуацию показали следующие результаты: 12 человек (14%) обратились безличной формой, 10 (8%) респондентов назвали друга по имени, а большая часть (40 ч. — 76%) употребили личную форму обращения, например «*kardeşim*» (брат/сестра) или «*canım*» (душа моя).

В следующей коммуникативной ситуации мы попросили респондентов представить, что они, потерявшись в незнакомом городе, обращаются за помощью к проходящему мимо ровеснику и человеку старшего поколения. Ответы были следующими:

69 русскоговорящих информантов (78%) использовали безличную форму обращения вне зависимости от возраста прохожего. Чаще всего это были следующие фразы: «*Извините, вы не подскажете, как мне пройти...?*», «*Прошу прощения, вы не могли бы помочь?*». Всего 8 человек (9%) разграничили ситуацию и обратились к незнакомцам своего возраста на «ты», а к старшему поколению на «Вы»: «*Извини, ты не подскажешь...?*» или «*Привет! Не под-*

скажешь дорогу к ...?». Оставшиеся 11 человек (13%) обратились так: «молодой человек», «мужчина», «девушка», «бабушка», «дедушка», «уважаемый» и «земляк».

Всего 6 турок (10%) в ответ на этот вопрос обратились к прохожим с помощью личного обращения: «*hanımefendi*», «*beyefendi*», «*efendim*», «*amca*», «*teyze*». Остальные 90% или 56 человек предпочли безличную форму обращения: «*Merhaba, burası neresi acaba!*» (Здравствуйте, а где это я?), «*Affedersiniz, bana yardımcı olabilir misiniz?*» (Извините, Вы не могли бы мне помочь?) или «*Pardon, bir şey sorabilir miyim?*» (Простите, могу я кое-что спросить?).

В ходе данной коммуникативной ситуации нашего анкетирования участники представляли случаи, когда они сами обращаются к официантам и к ним обращаются продавцы на рынке. Ответы получились неожиданно разнообразными. Мы предложили интервьюерам перечислить слова-обращения, с помощью которых они привлекают внимание официантов. Всего 5 турецких информантов (8%) обратились к официанту, назвав его должность: «*Garson!*». В остальных 57 (92%) случаях была употреблена стандартная форма обращения «*Siz*». Интересен тот факт, что 6 опрошенных (10%) выделили необходимость в зрительном контакте, при этом употребив следующую фразу: «*Pardon, bakar mısınız? Hesabı alabilir miyim?*». 59 русскоговорящих человек, которые составляют 67% от общего числа опрошенных, обратились к официанту следующим образом: «Извините, можно счет?» или «Будьте добры, счет, пожалуйста», используя безличную, но уважительную форму обращения. Оставшиеся 33% подозвали официанта с помощью таких обращений: «официант», «молодой человек», «девушка», а также по имени (5%).

В следующем вопросе мы попросили информантов вспомнить, как к ним обращаются продавцы на рынке. Результаты были следующими: из 88 русскоговорящих информантов 48 (55%), сообщили, что продавцы на рынке обращаются к ним так: «девушка», «парень», «молодой человек», «красавица», «уважаемая». 13 человек (15%) затруднились ответить, поскольку не имели такого опыта. Остальные отметили, что 30% обращаются к своим покупателям на «Вы» или безличной формой «Что хотели бы?», «Здравствуйте, что вам нужно?». В турецком же языке преобладающее большинство 95% отметило, что относительно них используются следующие обращения: «*abla*» (сестра), «*abi*» (брат), «*yenge*» (невестка), «*hocam*» (учитель), «*hanımefendim*» (госпожа), «*kardeşim*» (друг мой) и даже «*vatandaş*» (гражданин). И только 3 человека (5%) назвали безличные формы «*Buyurun*» (пожалуйста!, пожалуйста!, милости просим) и «*Affedersiniz*» (простите!, извините!).

В репликах обращений для привлечения внимания подавляющее большинство представителей турецкой культуры (59 ч. — 95%) в ответ на эту коммуникативную ситуацию предпочитают личную форму обращения: «*değerli yurt sakinleri*» (дорогие жители общежития), «*sevgili arkadaşlar*» (дорогие друзья), «*gençler*» (молодежь), «*hacılar*» (девушки), «*sevgili öğrenciler*» (дорогие ученики), «*sevgili çocuklar*» (дорогие ребята). При этом всего 5% от общего числа предложили следующие варианты: «*Dikkat dikkat, önemli duyuru*» (Внимание! Внимание! Важное объявление!), «*Lütfen burayı dinleyin*» (внимание). 75% русскоговорящих респондентов использовали личные обращения и 25% употребили безличную форму обращения. Вот некоторые варианты ответов личных форм: «уважаемые/дорогие студенты», «дорогие друзья», «товарищи», «дорогие жильцы общежития», «дорогие ребята».

Анализ выбранных коммуникативных формул доказывает, что турецкая и русская культуры относятся к коллективистскому типу. В России и Турции высоко ценятся коллективность, ориентированность на других, общительность, взаимозависимость, а также и искренность. Данные ценности выступают как коммуникативные, поскольку существенным образом определяют особенности турецкого и русского коммуникативного поведения. Об этом свидетельствует частое употребление личных форм обращения, в частности, уменьшительно-ласкательных форм и прозвищ, которыми изобилует речь турок.

Для турецкой и русской культур характерен высокий индекс власти и значительная статусная дистанция, что доказывается частым употреблением формы «Вы» к вышестоящим должностям и лицам, занимающим высокий пост. Интересно, что турки не допускают обращение на «ты» к старшим по званию, в то время как русскоговорящие респонденты могут обратиться, например, к начальнику на «ты» или просто по имени. Это, одной стороны, может свидетельствовать о близких и открытых отношениях между начальником и подчиненным, а с другой — указывать на то, что некоторые компании и их представители ориентируются на западную модель рабочих отношений, где коллектив воспринимается как одно целое и не поддерживает статусное деление.

Отметим также, что представители турецкого общества отдают предпочтение обращениям по профессиональному статусу. В отличие от них носители русского языка чаще используют обращение по имени-отчеству. Если имя-отчество неизвестно, турки остаются верны своим предпочтениям и называют незнакомца по профессии, в то время как в русской культуре это считается дурным тоном и даже отсутствием культуры.

Меньшая горизонтальная дистанция власти в русской культуре предопределяет большую близость, контактность и взаимозависимость в отношениях между людьми, что делает допустимым оказание прямого коммуникативного давления на собеседника, в связи с чем доминантными чертами русского коммуникативного поведения являются прямолинейность и импозитивность (коммуникативное давление). В какой-то степени это подтверждается тем, что представители русской культуры намного чаще используют в своей речи безличные формы обращений, выраженные чаще всего вопросом или вежливой просьбой.

Анализ лингвокультурологических особенностей форм обращений в турецком и русском языках может служить определенным вкладом в лексикологию и культурологию, а полученные результаты могут быть использованы при сопоставительном изучении лексики данных языков с другими языками. Выводы и материалы проведенного исследования, могут использоваться в преподавании следующих дисциплин: лексикологии, лингвокультурологии, теории межкультурной коммуникации, а также практического курса турецкого и русского языков.

Список литературы

1. *Вежбицкая А.* Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. — Выпуск 16. — М., 1985. — С. 251–276.
2. *Гольдин В.Е.* Обращение: теоретические проблемы. — Саратов, 1987. — 231 с.
3. *Ларина Т.В.* Вежливость в сознании и коммуникации: межкультурный аспект // Актуальные проблемы коммуникации и культуры-2: сборник научных трудов российских и зарубежных ученых. — Пятигорск, 2005.

4. *Ларина Т.В.* Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. — М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. — 512 с.
5. *Трепакова А.В.* Ценности американского кино. Жанры. Образы. Идеи. — М.: Книжный дом Университет, 2007. — 112 с.
6. *Формановская Н.И., Шевцова С.В.* Речевой этикет. Русско-английские соответствия. Справочник. — М.: Высшая школа, 1992.
7. *Хофстеде Г.* Модель Хофстеде в контексте: Параметры количественной характеристики культур // Язык, коммуникация и социальная среда. — 2014. — № 12. — С. 9–49.
8. *Хофстеде Г., Маккрэй Р.Р.* Возвращаясь к обсуждению личности и культуры: связь личностных черт и культурных осей // Социологический журнал. — 2010. — № 4. — С. 9–41.
9. *Burumoglu E.* Describing Turkey using Hofstede's cultural dimensions. — Текст: электронный // Academia [сайт]. — URL: https://www.academia.edu/10131794/Describing_Turkey_Using_Hofstede_s_Cultural_Dimensions (дата обращения 29.08.2020).

АДЕКВАТНОСТЬ И ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ КАК ОСНОВНОЙ КРИТЕРИЙ
КАЧЕСТВА ПЕРЕВОДА ЛЕКСИКИ ИНКЛЮЗИВНОГО ПРОФИЛЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОГО ДИСКУРСА)

ADEQUACY AND EQUIVALENCE AS THE MAIN CRITERIA
OF INCLUSIVE LEXIS TRANSLATION QUALITY (EVIDENCE
OF OFFICIAL DOCUMENTS DISCOURSE)

ДЖАБРАИЛОВА Валида Саидовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германских языков МГТЭУ (e-mail: dzhabrailovavs@mail.ru)

ЧУРКИНА Марина Алексеевна — магистрант 2-го года обучения, факультет иностранных языков МГТЭУ (e-mail: churkina9898@bk.ru)

DZHABRAILOVA Valida Saidovna — PhD, Associate Professor, Department of Romano-Germanic Languages, Moscow State University of Humanities and Economics, Moscow, Russia (e-mail: dzhabrailovavs@mail.ru)

CHURKINA Marina Alekseevna — 2 year Master's Degree Student, Faculty of Foreign Languages, Moscow State University of Humanities and Economics, Moscow, Russia (e-mail: churkina9898@bk.ru)

Аннотация. В настоящей статье раскрывается проблема качества перевода англоязычной лексики инклюзивного профиля в текстах официально-деловых документов. Актуальность данной работы заключается в малой изученности характера терминологической лексики данного дискурса. Анализ нормативных документов показывает, что эквивалентный перевод — наиболее частотно используемый инструмент перевода изучаемой лексики.

Ключевые слова. Инклюзия, инклюзивная лексика, перевод, адекватность, эквивалентность, официально-деловой дискурс, термины, терминологическая лексика.

Abstract. The article under investigation covers the problem of the English inclusive vocabulary translating quality in the official documents discourse. Relevance of the present work is keyed in the lack of thorough linguistic investigation of the terminological lexis in this discourse. Official documents' analysis shows that the equivalence is the basic criterion while translating inclusive vocabulary in this discourse.

Keywords. Inclusion, inclusive vocabulary, translation, adequacy, equivalency, official documents discourse, terms, terminological vocabulary.

Сегодня в мире очень остро стоит проблема инклюзии. Примерно 15% мирового населения, (свыше одного миллиарда человек) имеют инвалидность в той или иной форме [1, с. 8]. За последние сто лет данный феномен получил максимальное освещение в связи с тем, что общество с каждым десятилетием становится все более толерантным и вопросы, касающиеся социальных меньшинств, поднимаются все чаще.

Создание условий активной жизни людей с ограниченными возможностями, помощь в адаптации их в различных сферах общества, учет индивидуальных особенностей в труде, учебе, медицинском обслуживании — приоритетные задачи общества, государства. Организацией объединенных наций был принят ряд резолюций и деклараций, в которых подробно описываются правила ор-

ганизации различных сфер жизни для максимального удовлетворения особых потребностей людей с ограниченными возможностями.

Подходя к данной теме с позиций лингвистики, имея в виду феномен инклюзии, следует констатировать, что данная область остается малоизученной и вызывает различные затруднения при переводе языков.

Поскольку термин «инклюзия» обозначает включение (от англ. *to include*), идеология этой концепции подразумевает полноценное включение в жизнь общества всего многообразия людей, основная идея — принятие всех независимо от их индивидуальных особенностей, а также понимание ценности каждого человека.

При работе с материалом официально-делового дискурса было выявлено, что лексика инклюзивного профиля представляет собой огромный, еще достаточно малоизученный пласт языкового состава, являясь причиной возникновения различных вопросов о том, как осуществить корректный перевод, передается ли данная лексика в соответствии с общими законами перевода или по отдельным, справедливым только для нее, правилам.

Качество перевода обусловлено адекватностью и эквивалентностью. Ранее эти понятия трактовались как вольный и буквальный перевод. Адекватность перевода — отхождение, при необходимости, от оригинала с целью достижения максимальной адаптации перевода к контексту. Так, Я.И. Рецкер пишет: «Поскольку критерием адекватности может быть лишь соответствие частице действительности, описанной в оригинале, равноценность средств определяется если не тождеством, то максимальным приближением полученного результата к воздействию оригинала. Анализ любого перевода, выполненного на высоком уровне мастерства, показывает, что основа установления равноценности языковых средств может быть только функциональная, а не формальная» [7, с. 8]. Адекватность, таким образом, подразумевает необходимость учета цели перевода. В широком смысле «адекватный перевод» считается синонимом хорошего перевода. «Адекватный перевод <...> некий весьма расплывчатый термин, обозначающий высокую степень передачи всех элементов и форм оригинала на переводящем языке» [4, с. 78]. Концепция адекватности подразумевает, что переводчику при передаче функциональных доминант исходного текста часто приходится принимать компромиссные решения.

Относительно понятия «эквивалентность» в теории перевода существуют различные концепции. Иногда в это понятие вкладывается то же содержание, что и в термин «адекватность». Некоторые авторы противопоставляют (на разных основаниях) эти понятия друг другу. Как правило, под переводческой эквивалентностью понимают подбор аналога того или иного элемента языка оригинала (грамматического, лексического или прагматического элемента) в языке перевода. Следовательно, здесь идет речь об отношении между двумя текстами, — исходным и конечным, выполняющими сходные коммуникативные функции. Немецкие лингвисты Катарина Райс и Ганс Вермеер в своей работе представляют эквивалентность как частный пример адекватности. По их мнению, она, в отличие от адекватности, которая ориентирована на перевод как процесс, больше нацелена на результат. Они считают, что отношения эквивалентности могут быть установлены как между отдельными знаками, так и между текстами в целом. При этом эквивалентность первых не обязательно подразумевает эквивалентность вторых [13, с. 36]. Справедливо и обратное утверждение. Однако принято считать, что эквивалентность текста первична по отношению к эквивалентности его сегментов.

В переводоведении существует явление, обозначаемое как «частичная эквивалентность». Оно подразумевает, что эквивалентность распространяется только на некоторые уровни, при этом адекватность будет достигнута. Это объясняется тем, что нередко различные коммуникативные ситуации требуют разных, наиболее соответствующих им модификаций исходного текста.

В работах В.Н. Комиссарова представлена теория эквивалентности, содержащая развернутую модель уровней эквивалентности. Под уровнем или типом эквивалентности он понимает различные степени смысловой близости исходного иностранного текста и текста перевода. Проведя исследование, он пришел к выводу, что эквивалентность между оригинальным текстом и переводом может устанавливаться на определенных уровнях, обязательно обеспечивая при этом межъязыковую коммуникацию. Комиссаров выделяет пять содержательных уровней:

- уровень цели коммуникации (сохраняется коммуникативная функция текста);
- уровень описания ситуации (сохраняется описание внеязыковой ситуации);
- уровень высказывания (сохраняются синтаксические структуры оригинального текста);
- уровень сообщения (сохраняется способ описания ситуации);
- уровень словесных знаков (достигается максимальная степень близости содержания оригинала и перевода) [6, с. 46].

Понятие эквивалент обычно трактуется как «единица речи, совпадающая по функции с другой единицей и способная выполнять ту же функцию, что другая единица речи» [7]. Продолжительные дискуссии среди специалистов, ведущиеся в отечественной переводческой школе по поводу того, как следует структурно определять такую единицу, пока не привели к какому-либо результату [7, с. 183].

Понятия эквивалентности и адекватности относятся к числу ключевых в переводоведении. Как выясняется, вокруг них существует очень много споров, нет однозначных, признаваемых всеми определений. Так, в общем смысле, эквивалентность — соответствие чему-либо, подобие. Наиболее продуктивно для лингвистики рассматривать эквивалентность в рамках единиц перевода (также существует эквивалентность на уровне языка и на уровне речи).

Выделим следующие уровни эквивалентности:

1. Прагматический уровень эквивалентности.

Между фрагментом оригинала и перевода существует подобие в цели коммуникации и коммуникативном эффекте, воздействующем на читателя потенциале.

2. Референциальный уровень эквивалентности.

На данном уровне помимо коммуникативного эффекта совпадает и описываемая ситуация.

3. Компонентный уровень эквивалентности.

Также как и в референциальном совпадает описание ситуации, а различие наблюдается в формулировке компонентов перевода и оригинала.

4. Синтаксический уровень эквивалентности.

Данному уровню характерно полное совпадение (в том числе и синтаксической структуры).

В реальном тексте очень часто наблюдается совмещение всех уровней, между ними нет четких границ. Выбор уровня эквивалентности не является произвольным. В идеале, на практике должен происходить процесс наслаивания этих

уровней друг на друга. Прагматический уровень — базовый; референциальный накладывается на прагматический, не может существовать вне его, (в противном случае перевод будет некорректным), и т.д. Стало быть, каждый последующий уровень включает в себя предыдущие, а минимальным компонентом принято считать прагматический.

Переход от высшего уровня эквивалентности (синтаксического) к более низким в переводе должен быть обусловлен не индивидуальным желанием переводчика, а невозможностью нахождения иного решения переводческой проблемы.

Адекватность — суждение о том, верно ли был подобран в том или ином случае уровень эквивалентности. Если текст учитывает все функциональные доминанты исходного текста, а все отступления от самых высоких уровней — вынужденные, то такой перевод является адекватным.

В фокусе настоящего исследования находится перевод узкой, специальной, а конкретно — нормативной правовой лексики. Поэтому логично считать перевод эквивалентным, если он максимально приближен к денотативному или, иначе говоря, предметному значению слова (тогда как перевод, который принято считать адекватным, направлен, прежде всего, на передачу интенции оригинального текста, обусловленную конкретной коммуникативной ситуацией).

В рамках настоящего исследования работа проводится исключительно с лексемами терминологического характера. Это объясняется определенной специализацией вокабуляра официально-делового дискурса, лишенного стилистической окраски, основной функцией которого является максимально точное донесение информации до реципиента без риска неверной интерпретации сообщения адресатом.

Терминология представляет собой особый пласт словарного состава языка, содержащий понятия, являющиеся структурными элементами научной / профессиональной картины мира. А.В. Суперанская говорит о термине «терминология» следующее: «не только совокупность терминов какой-либо определенной отрасли знания, но и совокупность или неопределенное множество терминов-слов вообще» [10, с. 9].

Таким образом, характерной особенностью официально-делового дискурса является обилие терминов. Д.С. Золотухин в своей статье подчеркивает, что результаты современных терминоведческих и лексико-семантических исследований позволяют определить лингвистический термин как лексическую единицу метаязыка лингвистики, обозначающую научное понятие одной или нескольких теорий [5, с. 34].

По мнению А.Д. Урматовой в целях унификации терминологии из нормативной правовой сферы необходимо осуществить ее классификацию. Схему классификации она приводит в своей работе [11, с. 127]:

«1. По степени распространенности понятий:

- 1) общеупотребительные;
- 2) общеупотребительные, имеющие в нормативном акте более узкое специальное значение;
- 3) сугубо юридические или специальные юридические термины;
- 4) технические.

2. По степени назначения в текстах нормативных правовых документов:

- 1) термины точного значения;
- 2) термины, обозначающие оценочные понятия» [11, с. 127].

В данной статье анализируются способы перевода на русский язык инклюзивной англоязычной лексики. Материалы, выбранные из официально-деловых англоязычных текстов были сопоставлены с их официальными русскоязычными переводами. В частности, анализу подверглись лексические единицы, представленные в следующих документах: «Declaration on the Rights of Mentally Retarded Persons» (Декларация о правах умственно отсталых), «Declaration on the Rights of Disabled Persons» (Декларация о правах инвалидов), «Convention on the Rights of Persons with Disabilities and Optional Protocol» (Конвенция о правах инвалидов), «Convention on the Rights of the Child» (Конвенция о правах ребёнка), «The Standard Rules on the Equalization of Opportunities for Persons with Disabilities» (Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов), «Principles for the protection of persons with mental illness and the improvement of mental health care» (Принципы защиты психически больных лиц и улучшения психиатрической помощи), «World Programme of Action Concerning Disabled Persons» (Всемирная программа действий в отношении инвалидов), «The Salamanca statement and framework for action on special needs education» (Саламанкская декларация о принципах, политике и практических действиях в сфере образования лиц с особыми потребностями).

Проанализировав перевод с английского языка на русский лексики инклюзивного профиля в художественном дискурсе, мы пришли к выводу, что в его основе лежат требования адекватности, а не эквивалентности. Это объясняется высокой контекстуальной зависимостью слов и фраз, вариативностью художественного текста и особой коннотативной окраской одних и тех же денотатов, проявляющейся по-разному в различных речевых ситуациях. Однако нельзя не отметить, что в русле этого дискурса при переводе терминологии, в частности, медицинской или технической, эквивалентность представляется весьма эффективным инструментом [3]. Как отмечают некоторые исследователи, термин нельзя «перевести», можно лишь подобрать к нему «перечень лексических элементов».

Говоря об официально-деловом дискурсе, на анализ которого нацелена данная статья, следует заранее отметить, что на базе проработанных документов удалось выявить следующую особенность: абсолютное большинство лексических единиц английского языка официально-делового дискурса переводятся на русский на уровне эквивалентности.

Ниже приведены примеры некоторых подгрупп вышеуказанной классификации, в которых отражен факт достижения переводческой эквивалентности на разных уровнях путем подбора аналога переводимой лексической единицы в русском языке.

1. Общеупотребимые.

- 1) *Disabled persons shall be protected against all exploitation, all regulations and all treatment of a discriminatory, abusive or degrading nature* [14]. — *Инвалиды* должны быть защищены от какой бы то ни было эксплуатации, от любых видов регламентации и обращения, носящих дискриминационный, оскорбительный или унижающий характер [9].
- 2) *Disabled persons have the inherent right to respect for their human dignity. Disabled persons, whatever the origin, nature and seriousness of their handicaps and disabilities, have the same fundamental rights as their fellow-citizens of the same age, which implies first and foremost the right to enjoy a decent life, as normal and full as possible* [14]. — *Инвалиды* имеют неотъемлемое

право на уважение их человеческого достоинства. *Инвалиды*, каковы бы ни были происхождение, характер и серьезность их *увечий или недостатков*, имеют те же основные права, что и их сограждане того же возраста, что в первую очередь означает право на удовлетворительную жизнь, которая была бы как можно более нормальной и полноправной [9].

- 3) The *mentally retarded person* has a right to protection from exploitation, abuse and degrading treatment [12]. — *Умственно отсталое лицо* имеет право на защиту от эксплуатации, злоупотреблений и унижительного обращения [2].
- 4) The terms «*disability*» and «*handicap*» were often used in an unclear and confusing way, which gave poor guidance for policy-making and for political action [14]. — Существовала нечеткость и путаница в использовании терминов «*инвалидность*» и «*нетрудоспособность*», что мешало разрабатывать соответствующую политику или осуществлять меры политического характера [9].
- 5) *Organizations of disabled persons* may be usefully consulted in all matters regarding the rights of disabled persons [14]. — *С организациями инвалидов* могут проводиться полезные консультации по всем вопросам, касающимся прав инвалидов [9].

Превалирующее большинство терминов данной подгруппы переводятся на уровне эквивалентности, что обоснованно низкой стилизованностью текстов данного дискурса и отсутствием необходимости адаптации к контексту.

2. Общеупотребимые, имеющие в нормативном акте более узкое специальное значение.

- 1) The term «*prevention*» means action aimed at preventing the occurrence of physical, intellectual, psychiatric or sensory impairments (primary prevention) or at preventing impairments from causing a permanent *functional limitation or disability* (secondary prevention) [14]. — Термин «*предупреждение инвалидности*» означает осуществление комплекса мер, направленных на предупреждение возникновения физических, умственных, психических и сенсорных дефектов (профилактика первого уровня) или на предупреждение перехода дефекта в постоянное *функциональное ограничение или инвалидность* (профилактика второго уровня) [9].
- 2) Such programmes should include a wide range of activities, such as basic skills training to *improve or compensate for an affected function, counselling of persons with disabilities* and their families, developing self-reliance, and occasional services such as assessment and guidance [14]. — В подобные программы следует включать широкий диапазон мер, в частности базовую подготовку для *восстановления или компенсации утраченной функции, консультирование инвалидов* и членов их семей, развитие самообеспечения и предоставление, по мере необходимости, таких услуг, как осуществление оценки и предоставление рекомендаций [9].
- 3) Proclaims this *Declaration on the Rights of Mentally Retarded Persons* and calls for national and international action to ensure that it will be used as a common basis and frame of reference for the protection of these rights [14]. — Провозглашает настоящую *Декларацию о правах умственно отсталых лиц* и просит принять меры в национальном и международном плане, с тем чтобы Декларация служила общей основой и руководством для защиты этих прав [9].

В подгруппе общеупотребляемой лексики, имеющей более узкое специальное значение, периодически возникают ситуации, когда переводчик должен обратить внимание на коллокации, в составе которых употребляется та или иная лексема. Например, в первом примере английское слово «prevention» при переводе потребовало применение добавления слова «предупреждение *инвалидности*», а во втором примере глагол «to improve», подвергаясь лексической трансформации смыслового развития, переводится «для восстановления». Таким образом, мы видим, что узкоспециализированная лексика при переводе требует осмысления с точки зрения адекватности, в отличие от общеупотребляемой.

3. Термины точного значения. Подгруппа терминов точного назначения имеет единичные эквивалентные соответствия в словарях языка перевода и оригинала. Следовательно, перевод таким лексем осуществляется повсеместно на уровне полной эквивалентности:

- 1) Disabled persons have the right to medical, psychological and functional treatment, including prosthetic *and* orthetic appliances, social rehabilitation, education, vocational training and rehabilitation, aid, counselling, placement services and other services which will enable them to develop their capabilities and skills to the maximum and will hasten the processes of their social integration or reintegration [14]. — Инвалиды имеют право на медицинское, психическое или функциональное лечение, включая *протезные и ортопедические аппараты*, на восстановление здоровья и положения в обществе, на образование, ремесленную профессиональную подготовку и восстановление трудоспособности, на помощь, консультации, на услуги по трудоустройству и другие виды обслуживания, которые позволят им максимально проявить свои возможности и способности и ускорят процесс их социальной интеграции или реинтеграции [9].
- 2) However, in some instances, in order to attain a certain training objective, *special time-limited rehabilitation courses* may be organized, where appropriate, in residential form [14]. — Однако в определенных случаях и в конкретных учебных целях могут, если это целесообразно, организовываться *специальные временные курсы по реабилитации*, при обучении на которых инвалиды будут проживать в соответствующих учреждениях [9].

По результатам проведенного исследования можно сделать вывод, что при переводе текстов официально-делового дискурса лексика инклюзивного профиля переводчиками передается с английского языка на русский в большинстве своем с учетом требований эквивалентности. Данный феномен можно объяснить тем, что функция данного дискурса — информационная, эстетический потенциал в нем не актуализирован, следовательно, необходимость субъективной интерпретации описываемых лексем переводчиком минимизируется. Анализ материала, тем не менее, выявил случаи, когда с целью более точной передачи фактической информации оригинала прибегают к адекватному переводу, однако такие случаи крайне редки, и о них нельзя говорить как о правиле.

Таким образом, подводя итог исследованию, можно констатировать, что при переводе терминологической лексики инклюзивного профиля официально-делового дискурса с английского языка на русский, особенно при работе со словами медицинского или нормативного характера, переводчик опирается на требования эквивалентности.

Список литературы

1. Всемирный доклад об инвалидности. — Текст: электронный. — URL: https://www.who.int/disabilities/world_report/2011/summary_ru.pdf (дата обращения: 15.10.2020).
2. Декларация о правах инвалидов. Текст: электронный. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/disabled.shtml (дата обращения: 14.10.2020).
3. Джабраилова В.С., Чуркина М.А. Адекватность и эквивалентность как основной критерий качества перевода лексики инклюзивного профиля (на материале художественного дискурса) // Вопросы современной филологии и проблемы методики обучения языкам. — М., 2019. — С. 42–50.
4. Егорова Т.А. Филологические науки проблема определения адекватности и эквивалентности перевода. — Уфа, 2018. — 189 с.
5. Золотухин Д.С. Термин, объект и точка зрения в лингвистике: специфика взаимодействия (на примере французского термина *phrase*) // Актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики: традиции и инновации. — М., 2018. — С. 33–40.
6. Комиссаров В.Н. Теоретические основы методики обучения переводу. — М., 1997. — 297 с.
7. Почтарь С.В., Лончаков М.К. Лингвистический подход к решению проблемы эквивалентности и адекватности перевода текстов военно-политического характера // Актуальные вопросы изучения иностранного языка в вузе. — Рязань, 2018. — С. 182–184.
8. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. — М., 2007. — 140 с.
9. Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов. — Текст: электронный. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disabled_ch1.shtml (дата обращения: 28.09.2020).
10. Суперанская А.В. Общая терминология. Вопросы теории / А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н. В. Васильева. — М.: Наука, 2003. — 246с.
11. Урматова А.Д. Нормативные правовые термины и их классификация для целей унификации терминологии нормативных правовых актов 2017 // Научно-информационный издательский центр «Институт стратегических исследований». — М., 2017. — С. 126–133.
12. Declaration on the Rights of Disabled Persons. — Текст: электронный. — URL: <https://www.ohchr.org/EN/ProfessionalInterest/Pages/RightsOfDisabledPersons.aspx> (дата обращения: 14.10.2020).
13. Reiß K., Vermeer H. Towards a general theory of translational action. — Germany, 1984. — 213 с.
14. Standard Rules on the Equalization of Opportunities for Persons with Disabilities. — Текст: электронный. — URL: <https://www.ohchr.org/EN/ProfessionalInterest/Pages/PersonsWithDisabilities.aspx> (дата обращения: 28.09.20).

Д.А. Абдурасулов, А.Н. Нестерова

ТЕХНОЛОГИЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ АГРЕССИИ ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ПОДРОСТКОВ

TECHNOLOGY FOR OVERCOMING AGGRESSION IN TEENAGERS' RELATIONSHIPS

АБДУРАСУЛОВ Давран Абдурасулович — кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии МГГЭУ (e-mail: davran43@mail.ru)

НЕСТЕРОВА Анна Николаевна — магистрант 2 курса факультета «Психология и педагогика», МГГЭУ (e-mail: nesterova.an1997@yandex.ru)

ABDURASULOV Davran Abdurasulovich — Candidate of Psychology, Associate Professor of Pedagogy and Psychology, MGGEU (e-mail: davran43@mail.ru)

NESTEROVA Anna Nikolaevna — 2nd year Master's Student of the Faculty Psychology and Pedagogy, MGGEU (E-mail: nesterova. an1997@yandex.ru).

Аннотация. В статье представлен анализ проявления агрессивности у современных подростков и виды ее проявления в отношениях с окружающими. Выявлена и отражена степень выраженности враждебности и агрессивности. Показана роль арт-терапии в коррекции преодоления подростковой агрессивности.

Ключевые слова: современные подростки, агрессивность, отношения, коррекция, тренинг, арт-терапия.

Abstract. The article presents an analysis of the manifestation of aggressiveness in modern adolescents and the types of their manifestation in relations with others. The degree of manifestation of hostility and aggressiveness has been identified and reflected. The role of art therapy in the correction of overcoming adolescent aggression is shown.

Keywords: modern adolescents, aggressiveness, relationships, correction, training, art therapy.

Актуальность и постановка проблемы. С изменением отношения к системе образования — как к сфере услуг — изменилась и система ценностей. Решающую роль в школьном обучении стали играть потребители услуг — родители, законные представители и обучающиеся. В современных условиях увеличилось количество агрессивных проявлений в межличностном взаимодействии всех участников образовательных отношений, при этом нередко все проблемы приходится решать школе [2].

Проблема агрессивности постоянно привлекает к себе внимание ученых и практиков: юристов, врачей, педагогов, психологов [1; 3; 7]. Напряженная, стрессовая обстановка в обществе, распространение моделей жестокого поведения в СМИ, телевидении, киноиндустрии обуславливает рост различных отклонений в личностном взаимодействии подрастающего поколения. Особую

тревогу вызывает не только прогрессирующая отчужденность, повышенная тревожность, духовная опустошенность части школьников, но и формирующиеся цинизм, жестокость и агрессивность.

Анализ проблемы агрессивного поведения является предметом изучения множества психологических работ в мире. Как отмечают исследователи Н.А. Дубинко, А.А. Реан, Т.Г. Румянцева, И.А. Фурманов, Р. Бэрн, Д. Ричардсон и др., агрессия всегда оценивается как выражение антигуманизма, наличия культа грубой силы [4; 5; 6].

Разумеется, бывают случаи, когда об агрессивных действиях можно говорить как об энергично наступательных, давая им относительно положительную оценку. Однако «положительная» агрессия является скорее исключением среди подростков.

Высокая потребность быть признанным в группе сверстников и неумение вести себя в социуме зачастую толкает подростков на необдуманные поступки. Принадлежность к группе сверстников у подростков весьма значима. Те, кто не смог добиться признания в окружении, например, классе, стремятся к общению и самоутверждению в альтернативных компаниях, иногда имеющих асоциальную направленность.

Особенности личности, склонной к проявлению агрессивности изучались на примере обучающихся лица. В эмпирическом исследовании приняли участие 40 подростков 13-14 лет. Респондентов из полных семей — 70%. Уровень жизни, социально-культурный статус у 70% школьников — удовлетворительный, у 20% — выше среднего, у 10% — ниже среднего. Уровень успеваемости: хорошо и удовлетворительно учатся 55%, удовлетворительно — 30%, отлично и хорошо — 15%.

Для преодоления агрессии во взаимоотношениях подростков использовались стандартизированные и надежные методы исследования — методики «Личностная агрессивность и конфликтность» Е.П. Ильина, П.А. Ковалёва, «Оценка агрессивности в отношениях» А. Ассингера, опросник уровня агрессивности А. Басса — А. Дарки, контент-анализ. Для проверки достоверности данных применялись методы математической статистики.

По методике «Личностная агрессивность и конфликтность» были выявлены такие склонности, как позитивная агрессивность ($M = 9,0$; $\sigma = 4,1$), негативная агрессивность ($M = 9,7$; $\sigma = 4,7$) и конфликтность ($M = 19,6$; $\sigma = 8,5$) — данные представлены на рис. 1.

Как видно, позитивная и негативная агрессивность и конфликтность выражены на среднем статистическом уровне. Подростки напористы, неуступчивы,

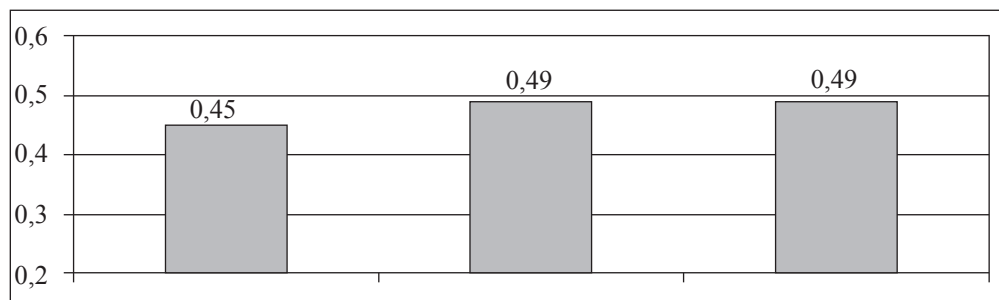

Рис. 1. Результаты относительных значений выраженности позитивной и негативной агрессивности и конфликтности у подростков

нетерпимы и мстительны. Иногда бескомпромиссны, вспыльчивы, обидчивы, подозрительны. Разброс значений по всем шкалам высокий. Наблюдается как высокая агрессивность и конфликтность, так и низкий уровень данных показателей. Умеренно агрессивные честолюбивы и самоуверенны.

Количественная оценка агрессивности во взаимоотношениях подростков по методике А. Ассингера представлена на рис. 2 «Степень корректности в отношениях с одноклассниками и легкости общения с ними».

Из рисунка видно, что большинство (45%) в отношениях агрессивны с достаточной степенью честолюбия и самоуверенности ($M = 41,4$; $\sigma = \pm 7,6$). Немного меньше (35%) тех, кто относится к одноклассникам с высокой агрессивностью, неуравновешенностью и жестокостью, легко жертвует интересами окружающих в достижении своих целей. Миротлюбивые, неуверенные в собственных силах и возможностях оказались в меньшинстве (20%).

Результаты изучения уровня агрессии и враждебности у подростков по методике Басса — Дарки представлены на рис. 3.

Наиболее выражена физическая агрессия с использованием силы. Сильно выражена косвенная агрессия, проявляющаяся вербально через содержание словесных ответов, негативизм, протестное поведение. Несколько меньше наблюдается раздражение и обида — зависть и ненависть к окружающим за действительные и вымышленные действия. Менее всего — подозрительность и чувство вины, угрызения совести и аутоагрессия.

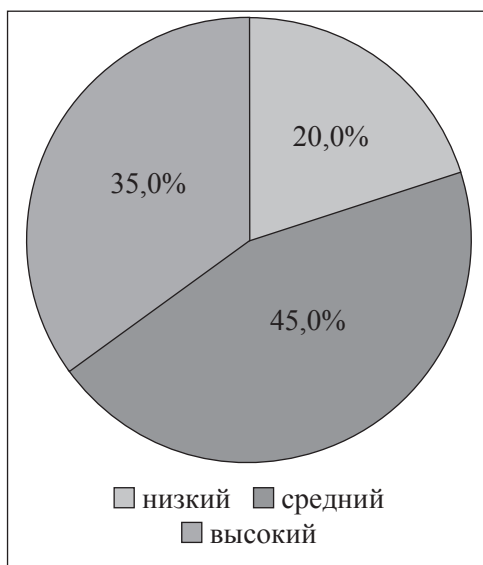

Рис. 2. Степень корректности в отношениях с одноклассниками и легкости общения с ними

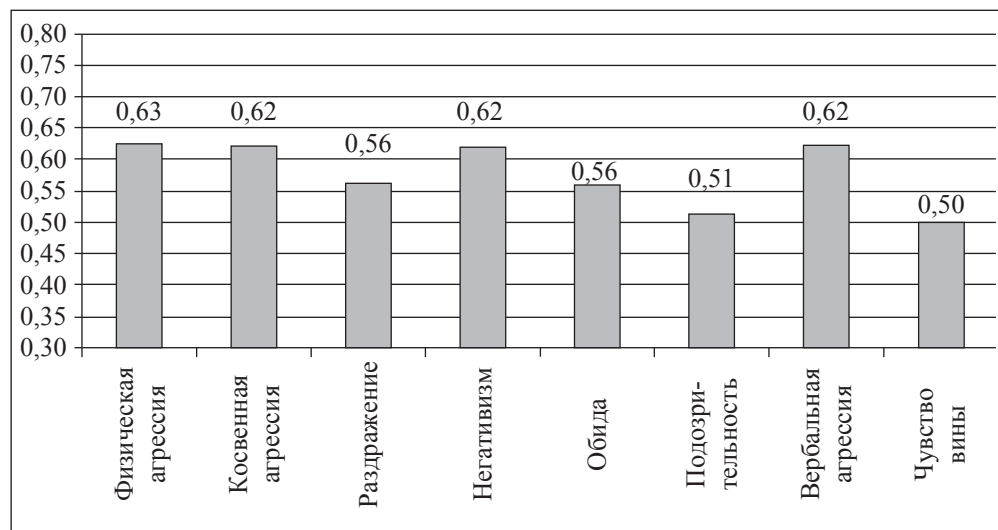

Рис. 3. Относительная выраженность видов и форм агрессии у подростков

На рис. 4 представлено количественное соотношение подростков с разным уровнем выраженности агрессивности и враждебности.

Результаты соотношения индекса агрессивности и враждебности показали, что большинство подростков (50%) имеют средний уровень агрессивности, у 30% он низок. Эти данные нельзя оценивать как благополучные, так как низкий уровень агрессивности может препятствовать достижению своих целей,

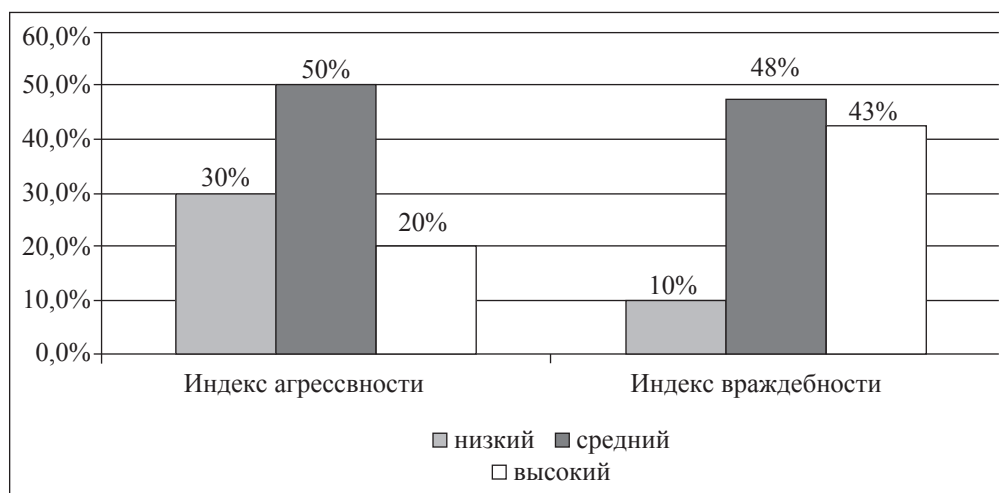

Рис. 4. Соотношение подростков с разным уровнем агрессивности и враждебности

развитию упорства, веры в себя, способствовать развитию тревожности, робости. У 20% обнаружился высокий уровень агрессивности. Такие школьники агрессивно реагируют на большинство ситуаций, в том числе в межличностных отношениях.

Анализ соотношения индекса враждебности показал высокий уровень у 43%. Не свойственны обиды, гнев и неприязненность в эмоциональном состоянии 10%. У большинства (48%) средняя статистическая норма наличия гнева, не всегда приводящая к соответствующему поведению.

Заметим, что состояние враждебности более узкое по направленности, чем агрессия, оно всегда имеет определенный объект. Часто враждебность и агрессивность сочетаются, субъекты могут находиться во враждебных отношениях, но при этом агрессивности не проявлять. Также возможна и агрессивность без враждебности (когда причиняют вред, но враждебных чувств не испытывают).

Совокупность количественно-качественных данных выявила группу подростков с достаточно высоким уровнем агрессивности и враждебности поведения в отношениях и конфликтности (30%). Это подростки «группы риска» которым требуется повышенное внимание и целенаправленная профилактическая работа.

В современной реальности (и не только), встречаются подростки с деструктивным поведением. Средств и методов коррекции предлагается немало. Наиболее эффективными признаются последовательно организованные программы различной терапевтической направленности. На нашем примере опишем влияние арт-терапии [8, с. 160–164] на снижение уровня агрессивного поведения в подростковом возрасте.

Целью программы являлось создание положительного эмоционального фона, реконструкция полноценных контактов со сверстниками, развитие способностей к контролю собственных агрессивных проявлений.

Были поставлены задачи:

- формирование социального доверия в группе;
- развитие коммуникативных навыков и социальных эмоций;
- формирование адекватной самооценки и уверенности в себе;
- обучение навыкам самоконтроля агрессивного поведения;
- обучение социально одобряемым способам выражения агрессии;
- обучение приемам конструктивного поведения в разрешении критических ситуаций.

Коррекционно-развивающая программа строилась на следующих принципах.

Актуализация и расширение субъективного опыта. В тренинге апробируются новые навыки поведения, приобретаются новые знания о себе, о своих потенциальных возможностях и внутренних ресурсах, формируется новый опыт самореализации. Опыт самореализации включает в себя ситуативные и образные обобщения, сформировавшиеся в результате социальной деятельности подростка, а также механизмы включения в эту деятельность.

Мотивационная готовность. Психолог ориентирует группу на значимые для подростков интересы. Такая установка требует постоянной готовности к обсуждению любой интересующей темы, умения выделять смысловые единицы информации, акцентировать внимание на главном в содержании, поддерживать мотивацию участников.

Опора на возрастные потребности и учет возрастных особенностей. Прорабатывается в группе материал, актуальный для данного возраста и интересующий подростков именно на данном этапе развития. Психолог опирается на ведущие возрастные особенности, такие как переживание несуществующей взрослости, формирование активной позиции в группе, развитие самосознания, рефлексии и т.д.

Целостность и системность материала. Предполагается единство когнитивных, эмоциональных и поведенческих аспектов организации психологического пространства в работе группы. Это отражает взаимосвязь информации передаваемой участнику группы с эмоциями и чувствами, вызываемыми ею, а также обусловленным ею поведением. Системность предполагает единую цель и единый мотив рабочего материала программы.

В содержание коррекционной программы были включены вербальные и невербальные занятия (всего 10). Каждое занятие включало 5–6 упражнений: «Хип-хоп», «Рукопожатие», «Ловлю звуки», «Я и мое настроение», «Упрямое зеркало» и др. Упражнения выполнялись всей группой, подгруппами, парно и индивидуально. Каждое упражнение подразумевало получение определенного опыта общения, социальной гибкости, самоопределения. Отдельное внимание уделялось упражнениям на снятие эмоционального напряжения. Результат выполнения упражнений обсуждался группой.

По результатам арт-терапии мы вновь измерили уровень агрессивности (рис. 5).

По сравнительным данным в группе агрессивных подростков после проведения тренинга наблюдается, снижение показателей: уровня негативной агрессивности и конфликтности, нетерпимости и мстительности во взаимоотношениях, бескомпромиссности, вспыльчивости, обидчивости, подозрительности поведения.

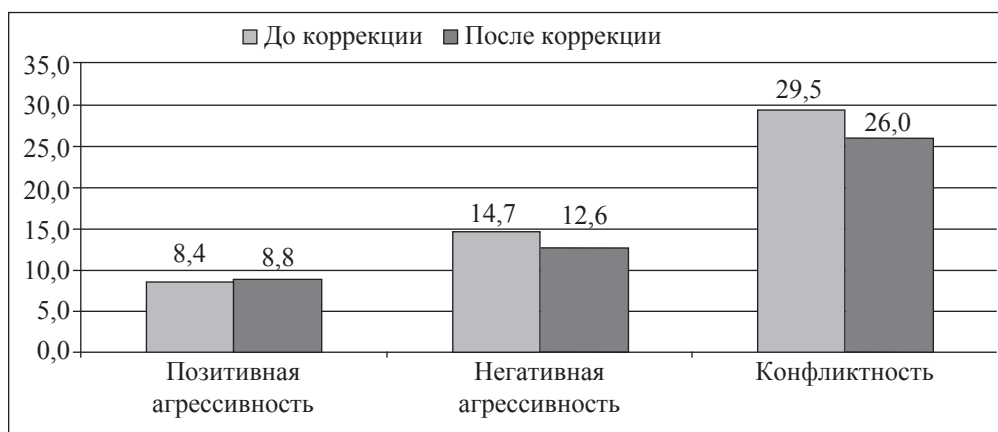

Рис. 5. Преодоление агрессивности и конфликтности

Сравнительные данные по методике «Оценка агрессивности в отношениях» А. Ассингера на разных этапах исследования отражены на рис. 6.

Сравнительные данные по методике «Оценки уровня агрессивности» А. Басса и А. Дарки на разных этапах исследования представлены в рис. 7.

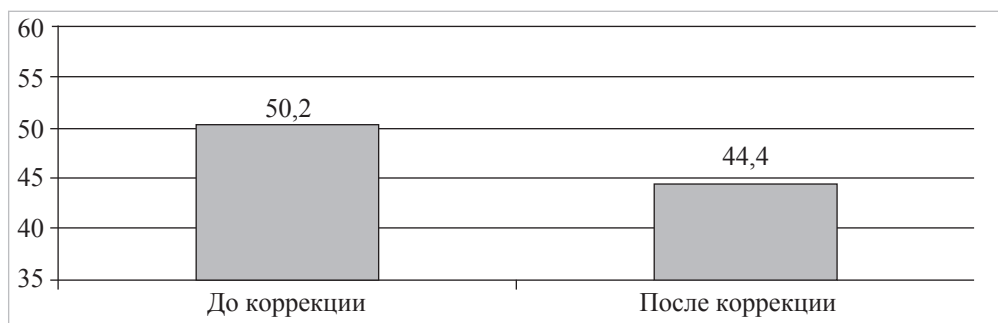

Рис. 6. Сравнительные данные по методике «Оценка агрессивности в отношениях» А. Ассингера на разных этапах исследования

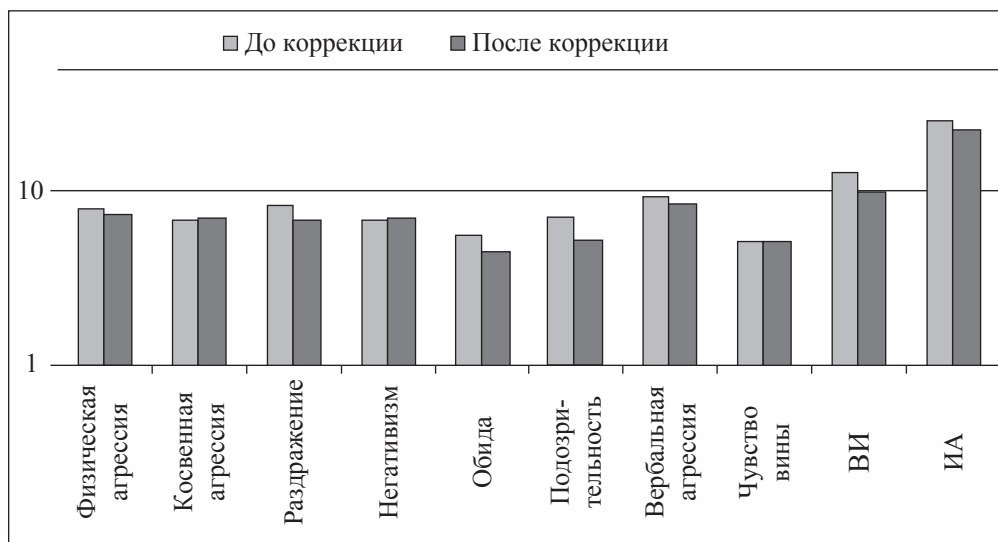

Рис. 7. «Преодоление агрессии во взаимоотношениях подростков»

В группе агрессивных подростков после проведения данного тренинга уровень агрессивности в отношениях снизился до пределов нормы, уменьшилась агрессивность, неуравновешенность и жестокость во взаимоотношениях.

Уровень агрессивности и враждебности у 92% подростков после прохождения тренинга на основе арт-терапии распределился в пределах нормы. У одного — остался высокий уровень агрессивности. 67% показали уровень враждебности в пределах нормы, 33% — высокий уровень.

По результатам эмпирического исследования мы получили данные, показывающие, что косвенная агрессия или агрессия, направленная на других выражена в большей степени. Сильно выражена физическая агрессия с использованием физической силы против другого лица.

Меньше была выражена вербальная агрессия, проявляющаяся через содержание словесных ответов, раздражение, негативизм, протестное поведение, чувство вины, угрызания совести, аутоагрессия и обида, зависть и ненависть к окружающим за действительные и вымышленные действия. Также имела место подозрительность.

В табл. 1 представлены совокупные данные статистического анализа динамики уровня агрессивности подростков от констатирующего этапа исследования к контрольному по Т-критерию Вилкоксона на уровне значимости $p \leq 0,05$.

Таблица 1

Динамика эмоционально-личностного развития у подростков

Методики	Показатели	Т-критерий Вилкоксона	р-уровень
«Личностная агрессивность и конфликтность» Е.П. Ильина, П.А. Ковалёва	Позитивная агрессивность	15,5	0,73
	Негативная агрессивность	2,0	0,01
	Конфликтность	0,0	0,00
«Оценка агрессивности в отношениях» А. Ассингера	Агрессивность в отношениях	0,0	0,00
Уровня агрессивности А. Басса и А. Дарки	Физическая агрессия	3,0	0,04
	Косвенная агрессия	18,5	0,64
	Раздражение	0,0	0,00
	Негативизм	4,0	0,05
	Обида	4,5	0,05
	Подозрительность	0,0	0,00
	Вербальная агрессия	0,0	0,00
	Чувство вины	18,0	0,59
	Индекс враждебности	0,0	0,00
	Индекс агрессивности	0,0	0,00

По результатам статистического анализа видно, что у группы агрессивных подростков выражена динамика уровня агрессивности в отрицательном направлении по всем методикам. После арт-терапевтических тренингов заметно снизился уровень негативной агрессивности, конфликтности, агрессивности и враждебности в отношениях с другими, физической, вербальной агрессии, раздражения, негативизма, обидчивости, подозрительности.

Подводя итоги, можно отметить, что используемые нами технологии позволили снизить количество агрессивных проявлений в межличностном взаимо-

действии подростков. Решающую роль играла психолого-педагогическая работа с подростками, так недостающая в условиях современных образовательных отношений.

Список литературы

1. *Берковиц Л.* Агрессия: причины, последствия и контроль. — СПб.: Прайм-Еврознак, 2007. — 510 с.
2. Домашнее наизидание // Российская газета. — 2020. — № 39 (8093).
3. Рабочая книга школьного психолога / под ред. И.В. Дубровиной. — М.: Просвещение, 1991, — 303 с.
4. *Райс Ф., Долджин К.* Психология подросткового и юношеского возраста. — СПб.: Питер, 2012. — 816 с.
5. *Ремишмидт Х.* Подростковый и юношеский возраст: проблема становления личности. — М.: Профиздат, 2004. — 164 с.
6. *Снайдер Д.* Курс выживания для подростков. — М., 1995. — 51 с.
7. *Кон И.С.* Психология ранней юности. — М.: Просвещение, 1989. — 256 с.
8. *Осипова А.А.* Общая психокоррекция. — М.: Сфера, 2002. — 510 с.

О.В. Головина

ИСТОРИЯ МАТЕМАТИКИ КАК СРЕДСТВО ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ МАТЕМАТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

HISTORY OF MATHEMATICS AS A MEANS TO ACHIEVE THE GOALS OF MATHEMATICAL EDUCATION

ГОЛОВИНА Ольга Владимировна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Высшая математика и естественные науки» Российской открытой академии транспорта ФГАОУ ВО «РУТ» (МИИТ) (e-mail: vkadymov@yandex.ru)

GOLOVINA Olga Vladimirovna — Candidate of Pedagogical Sciences, Docent of the Department of Higher Mathematics and Natural Sciences of the Russian Open Academy of Transport FGAOU VO RUT (MIIT) (e-mail: vkadymov@yandex.ru)

Аннотация. Вопрос о преподавании истории математики в высшей школе обсуждается уже давно. В зависимости от стран и времени он решался и решается по-разному. В статье представлен обзор мнений по вопросам преподавания курса истории математики, высказанных на различных конгрессах, конференциях и других научных мероприятиях. Раскрыто содержание наиболее интересных высказываний и точек зрения, на взгляд автора. Выявлены и проанализированы тенденции в преподавании курса истории математики. Проведены обобщение, систематизация и анализ существующих подходов к преподаванию истории математики и ее влияния на профессиональное обучение и воспитание будущего специалиста.

Ключевые слова: история математики, преподавание и содержание курса истории математики, конгресс, конференция.

Abstract. The question of teaching the history of mathematics in higher education has been discussed for a long time. This question was solved and is being solved now in different ways depending on the countries and time. The article provides an overview of opinions on the teaching of the history of mathematics course expressed at various congresses, conferences and other scientific events. The author reveals the content of the most interesting statements and points of view. Trends in teaching the history of mathematics course are identified and analyzed. Generalization, systematization and analysis of existing approaches to teaching the history of mathematics and its impact on professional training and education of future specialists are carried out.

Keywords: history of mathematics, teaching and content of the history of mathematics course, congress, conference.

Вопросы преподавания истории математики обсуждались на международных конгрессах по истории наук (Португалия (1934 г.), Прага (1937 г.), Амстердам (1950 г.), Иерусалим (1953 г.)) [4].

На I Всероссийском съезде преподавателей математики в 1911 году Б.К. Чижиани и В.Ф. Каган предлагали включить историю математики в программу учительских институтов. Система подготовки учителя математики, по мнению В.Ф. Кагана, должна включать четыре цикла наук. В цикле специально-теоретических предметов он среди других предметов называет историю математики, предполагая на её изучение 2 часа в неделю.

На VIII Конгрессе (Италия, 1956 г.) Г. Дингль (Великобритания) [10] выступил с докладом «Место истории науки в рамках естественно-научной системы образования». На IX Конгрессе (Испания, 1959 г.) о месте истории естествознания в общей истории культуры говорили польские ученые Е. Ольшевский и Б. Суходольский [9].

Во время работы XI Международного конгресса по истории науки (Варшава, 1965 г.) состоялось заседание постоянно действующей комиссии по преподаванию истории науки и истории техники в вузах. Комиссия подвела итоги работы по сбору данных о преподавании этих курсов в различных странах. На основании этих данных видно, что после 1945 года во многих странах, главным образом в США, Англии, Франции, было возобновлено чтение курсов по истории науки и техники. Д. Сартон (США) и П. Ланжевен (Франция) придавали большое значение чтению курсов по истории науки, «видя в этом одну из возможностей развить у студентов критическое мышление и способность оценивать развитие науки исторически» [2, с.44].

В последующие годы роль истории науки в учебном процессе возрастает, и на XIII Международном конгрессе по истории науки (Москва, 1971 г.) отдельное заседание было посвящено вопросам преподавания истории науки, на котором с докладом выступил Н. А. Фигуровский. В докладе был дан обзор курсов, читаемых на естественных факультетах Московского университета, и предложен ряд принципов построения курсов такого рода [5]. Прения по докладу показали, что в разных странах и в разных университетах преподавание организовано различно и существенно отличается от метода преподавания в советских вузах [7]. Прежде всего, это относится к содержанию науки и методам обучения предмету. В зарубежных университетах обучение направлено на будущую профессию. Студенты имеют большую самостоятельность как в выборе комплекса предметов, так и в его изучении, тогда как в советских университетах обучение предмету носит достаточно фундаментальный характер, и, порой, оторвано от будущей профессии, хотя имеет более практическую направленность.

На XIV Конгрессе по истории наук (Япония, 1974 г.) с докладом «Роль истории науки в процессе обучения» выступил С.П. Капица. Он отметил, что изучение истории науки позволит полнее осветить проблему влияния социально-экономических факторов на развитие науки и обратное влияние науки на общественные условия [8].

На XV международном конгрессе по истории науки (Эдинбург, 1977 г.) в ходе работы секций стало ясно, что «...без новых методов историко-научного исследования нельзя ни обобщить результаты научного развития, ни теоретически осмыслить его пути и законы. Но для подлинного объяснения хода истории науки необходимо подробно проследить, как зарождались научные концепции, каким образом гипотезы изменялись и преобразовывались в научные теории, как влияли на эти процессы социально-экономические условия, каков был в каждом отдельном случае характер и механизм такого воздействия» [3, с.90]. Кроме того, впервые на этом конгрессе, по предложению советских ученых,

был утвержден девиз конгресса, отразивший его основную тему: «Значение научного прогресса для человека. Исторические перспективы» [3, с. 91].

Одной из центральных научных встреч, посвященных вопросам методологии, был симпозиум «Внутренняя и внешняя обусловленность научных идей», на нем выступил с докладом руководитель советской делегации директор ИИЕТ АН СССР, член-корреспондент АН СССР С.Р. Микулинский. В своем докладе он детально проанализировал два подхода к изучению истории науки.

Первый подход основан на том, что развитие науки можно объяснить лишь законами, действующими внутри самой науки; она развивается только в силу потребностей самого знания, исходя лишь из собственных закономерностей и достигнутого на данный момент времени. Второй подход реализуется через объяснение развития науки в связи с социально-экономическими условиями. По его мнению, за последние годы история науки из чисто описательной дисциплины все больше превращается в объясняющую науку. И это требует нового подхода к ее теоретическим основам [6].

С точки зрения С.Р. Микулинского, ни одна из рассмотренных концепций не может служить теоретической основой для освещения истории науки: необходима разработка новой, альтернативной теории.

По итогам работы конгресса выяснилось, что без исторического подхода к самому процессу научного развития, толкованию результатов современной науки, анализу ее теорий и понятий, невозможно правильно строить теоретический, понятийный остов современной науки. Даже те ученые, которые еще не так давно отвергали практическую значимость истории науки под прямым воздействием собственных исследований, меняют отношение к ней и сами все чаще обращаются к ее изучению.

Преимущество исторической точки зрения на математику было представлено Мигелем де Гуzmanом, президентом Международной комиссии по обучению математике. В своей речи на VII Международном конгрессе по математическому образованию (1998 г.) он отмечал, «что знание истории математики и самого предмета может нам предложить:

- человеческое видение науки и математики: не просто истины, методы, приемы, возникающие из ниоткуда, не просто факты и умения, а результаты усилий людей, мотивированных глубоким интересом и страстью...;
- структура, в которой все элементы находятся на своих местах: не факты, происхождение которых отделяют столетия, собранные вместе в одном мешке без единого замечания, а исследование их собственного контекста и их собственной мотивации...;
- динамическое видение эволюции математики: мотивация и движущие силы в корнях идей и методов предмета; изначальное творчество вокруг конкретного предмета, его возникновение и его прогресс со всем светом, который он отбрасывает на его истинную природу; творческое погружение в трудности прошлого, чтобы лучше понять свои собственные проблемы; руководство для ощущения динамики в наших образовательных задачах;
- переплетение математического мышления и культуры в человеческом обществе (математика как важная часть человеческой культуры); влияние истории человечества на математику; воздействие математики на человечество, его культуру, философию, технику, искусство.
- более глубокое техническое осмысление: изначальная простота теории в значительной степени способствует ее пониманию; технические слож-

ности, возникающие позже, делают теорию трудной для понимания, пока не станет известно, что их вызывает; направления развития до настоящего времени дают хороший намек на будущее и ведут нас в нашем исследовании;

- особая история каждой математической теории: рождение в какое-нибудь особое время вследствие самых различных мотивов...» [12].

На проходившей в Страсбурге в 1998 г. конференции «История науки и техники и образование в Европе» присутствовало несколько групп с различными интересами. Одна из них хотела развивать историю науки для того, чтобы помочь преподавателям естественных дисциплин (недостаток мотивации у школьников — это постоянная тревога учителей). Другая группа предлагала преподавать историю науки студентам, изучающим гуманитарные и социальные предметы, чтобы дать техническому веку грамотное в истории науки и техники поколение. Третьи стремились обучать истории науки студентов-естественников для того, чтобы привить им чувствительность к культурным и этническим аспектам. Четвертая группа придерживалась такой позиции, что историю науки изучать не следует.

В рамках II Международной конференции по преподаванию математики в высших учебных заведениях (1-6 июля, 2002 г., Херсонес, Греция) были затронуты такие темы, как применение истории математики в математическом образовании, роль истории математики в обучении учащихся и подготовка учителей для осуществления учебного процесса с использованием истории математики, изучение истории математики на основе проектной технологии.

Так Jose Luis Galan Garcia, Yolanda Padilla, Pedro Rodriguez, Angeles Galan в своем докладе «История математики как мотивация: инновационный метод в преподавании информационных технологий» отмечают, что: «...можно подчеркнуть величие математики, оглядываясь назад к истории того, как математики развивали все результаты, которые мы знаем в настоящее время. Это — главная причина, которая принуждает нас включать историю математики как введение к понятиям, которые будут рассмотрены в той или иной теме, в виде биографических примечаний влиятельных математиков в областях, с которыми мы имеем дело...» [11, с. 132]. В качестве примера можно привести историю развития понятия числа, которое прошло длинный путь развития: сначала целые числа, затем дробные, рациональные (положительные и отрицательные) и действительные (выражающиеся в виде конечной или бесконечной десятичной дроби). В связи с решением уравнений были открыты мнимые числа, которые долгое время не признавали за числа. После того как норвежский математик Гаспар Вессель (1745–1818) нашел возможность представить мнимое число геометрически, то так называемые «мнимые числа» получили свое место во множестве комплексных чисел. Однако и раньше интерпретация этих чисел имела у Даламбера и Эйлера, которые ставили в соответствие комплексным числам точки плоскости и некоторые функции комплексного переменного истолковывали геометрически. Эйлер стал записывать это число в виде $a+bi$. Говоря об эволюции понятия числа, отметим, что не всегда первым толчком к расширению понятия числа были непосредственные практические потребности людей в узком смысле слова. Комплексные числа, как и отрицательные, возникли из внутреннего развития математической науки, из практики решения алгебраических уравнений. Однако и на этом развитие понятия числа не завершилось.

Masami Isoda в своем выступлении предлагает изучать историю математики на основе метода проектов. Курс истории математики, созданный им, призван развивать знание предмета и первоначальных методов решения задач древности через создание студентами учебных проектов, которые по окончании курса должны быть представлены всей аудитории [14].

На XI международном конгрессе по математическому образованию в Монтере (Мексика, 6–13 июля 2008 г.) также обсуждались вопросы, связанные с влиянием истории математики на математическое образование. В ходе работы секции «Роль истории математики в математическом образовании» отмечались следующие аспекты истории математики в математическом образовании: диалог между историей и математическим образованием во всех уровнях, труднодоступность исторических источников, и создание новой и более продуктивной для обучения истории математического образования истории математики, пути решения возникающих трудностей.

Многие научные встречи, конференции, семинары, посвященные математическому образованию, дают возможность обсудить вопросы, связанные с историей математического образования, историей математики. Вот некоторые цели, которые могут быть реализованы с помощью истории математического образования, истории математики:

- «• гуманизация и гуманитаризация математического образования, реализуется, как историческое, социальное и культурное явление, так же, как и ряд специфических социальных норм, которые связаны с другими общественными нормами;
- понимание студентами, в том числе лицами с ОВЗ и инвалидами, значения целей, ценностей, понятий, методов и доказательств в различных социальных предметах, использующих математику;
- развитие чувства гражданственности обучающихся, проблемные, математические и социальные методы с историко-критической точки зрения и поддержание открытого отношения к исследованию математических методов в различных политических, культурологических и хронологических контекстах. Чтобы достигнуть этих целей, исследователи и учителя выбирают различные пути и пытаются дать теоретическую и практическую базу по использованию истории математики и математического образования в их обучении. Это в том числе относится и к обучению лиц с ОВЗ и инвалидов. Несмотря на эти усилия, многие проблемы математического образования и истории математики все еще открыты и имеют право быть обсужденными...» [13].

Таким образом, решения Конгрессов, конференций, симпозиумов сыграли и играют немаловажную роль в использовании истории математики как средства достижения целей математического образования, в постановке курса истории математики в вузах, в проявлении и росте интереса к истории науки. Еще в пятидесятые годы XX века была выдвинута идея, актуальная и в настоящее время, что курс истории математики связывает естественнонаучное и гуманитарное знание не только как учебная дисциплина, но и как гуманитарная составляющая.

В ходе обсуждения проблем, связанных с преподаванием и содержанием курса истории математики, были приняты решения, которые кардинальным образом повлияли на содержание и методы преподавания предмета.

Приведенные выше точки зрения указывают на то, что подготовка будущего специалиста требует все большего объединения с научно-историческим иссле-

дованием, история математики позволяет ориентировать обучение студентов на будущую профессию [1].

Проведенный анализ вопросов использования истории математики в высшей школе обсуждаемых и обсуждавшихся на различных международных конгрессах, съездах и конференциях, позволяет сделать следующие выводы:

Ученые, затрагивающие вопросы истории математики в своих выступлениях, отражают различные аспекты ее использования и преподавания и чаще всего видят положительные стороны истории науки как для развития профессионального потенциала учителя, так и для обучающихся. С течением времени история математики получает все большее распространение и приобретает различную направленность, становясь дополнительным инструментом в профессии. Первым и систематическим курсом по истории математики в Западной Европе были курсы профессоров Кантора, Манзiona и Фаваро. В России первый курс по истории физико-математических наук прочитал П.Л. Лавров, а по истории математики — В.В. Бобынин. Что касается преподавания истории математики в вузах, то этот процесс носил неравномерный характер и определялся различными причинами.

Так курсы истории математики, преподаваемые в зарубежных университетах, посвящены работам великих математиков (Dr. Hélène Barcelo, Department of Mathematics, Arizona State University, 2000 г.); истории античной и классической математики (Duncan J. Melville, St. Lawrence University, 2005 г.); обучению дискретной математики через историю науки с использованием информационных технологий; истории индийской математики (David Pingree, Brown University, 1999/2000 гг.); теории чисел (Janet Beery, University of Redlands [158]).

Список литературы

1. Головина О.В. О структуре историко-математической компетентности / О.В. Головина // Современные наукоемкие технологии. — 2008. — № 2. — С. 142–145.
2. Гордеев Д.И., Гуло Д.Д., Заржицкая Л.В. Итоги XI Международного конгресса по истории науки / Д.И. Гордеев, Д.Д. Гуло, Л.В. Заржицкая // ИМЕН. — 1968. — вып. 7. — С. 292–304.
3. Григорьян А.Т. История науки и современность. К итогам 15 международного конгресса по истории науки / А.Т. Григорьян // Вестник РАН / Международные связи, 1978 г. — № 3. — С. 90–93.
4. Зубов В.П. Проблемы истории и естествознания на VII Международном конгрессе по истории науки / В.П. Зубов // ВИЕТ. — 1956. — вып. 2. — С. 294–297.
5. Кудрявцев П.С., Фигуровский, Н.А. О преподавании истории науки и техники / П.С. Кудрявцев, Н.А. Фигуровский // ВИЕТ. — 1974. — вып. 47–48. — С. 116–118.
6. Микулинский С.Р. «Мнимые контroversы и реальные проблемы теории развития науки / С.Р. Микулинский // Вопросы философии. — 1977. — № 11. — С. 88–104.
7. Плоткин С.Я., Юшкевич А.П. XIII Международный конгресс по истории науки / С.Я. Плоткин, А.П. Юшкевич // ВИЕТ. — 1972. — вып. 38. — С. 90–100.
8. Розов Н.Х. Ценности гуманитарного образования / Н.Х. Розов // Высшее образование в России / Изучаем проблему. — 1996. — вып. 1. — С. 85–89.

9. Старостин Б.А. Общие проблемы истории науки на международных конгрессах / Б.А. Старостин // ВИЕТ. — 1977. — вып. 58. — С. 57–75.

10. Фигуровский Н.А. VIII конгресс по истории науки / Н.А. Фигуровский // ВИЕТ. — 1957. — вып. 3. — С. 256–259.

11. Galan G.J.L., Yolanda Padilla, Pedro Rodriguez, Angeles Galan. History of mathematics as motivation: an innovative method for teaching in engineering [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.math.uoc.gr/~ictm2/>. (дата обращения: 23.11.12).

12. Guzmán M. Origin and Evolution of Mathematical Theories: Implications for Mathematical Education, Newsletter of the International Study Group on the History and Pedagogy of Mathematics, 8 March. — 1993. — P. 2–3. — Текст: электронный. — URL: <http://www.math.nmsu.edu/~history/guzman.html#tthFtNtAAB>. (дата обращения: 13.09.13).

13. Idrissi A.E., Miguel A., Furinghetti F., Garciadiego A., Barbin E. The role of history of mathematics in mathematics education. — Текст: электронный. — URL: <http://www.icme11.org/node/1627>. (дата обращения: 30.11.11).

14. Isoda M. The Project «Mathematics History for All» on Teacher Education Program. — Текст: электронный. — URL: server.math.uoc.gr/~ictm2/Proceedings/ICTM2Abstracts.pdf. (дата обращения: 26.08.10).

Ю.С. Артемова

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РАБОТНИКОВ ОРГАНИЗАЦИЙ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

PROFESSIONAL INTERACTION OF EMPLOYEES OF SOCIAL SERVICE ORGANIZATIONS IN A CRISIS

АРТЕМОВА Юлия Сергеевна — аспирант кафедры социальной работы
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский
университет» (e-mail: julia19art@gmail.com)

ARTYOMOVA Yuliya Sergeevna — Postgraduate Student of the Social Work De-
partment, Belgorod National Research University (e-mail: julia19art@gmail.com)

Аннотация. В современном обществе актуальной является проблема профессиональных взаимодействий работников организаций социального обслуживания в условиях кризиса. Цель работы – выявить специфику коммуникаций персонала, в сфере социального обслуживания населения в кризисных условиях. Использован метод полуструктурированного интервью. Исследование дало следующие результаты: специалист, с одной стороны, логически акцентирует внимание на объективной ситуации клиента, а с другой — рефлексивирует ее; на межличностное взаимодействие влияют как индивидуально-личностные характеристики клиента, так и его эмоциональное состояние; работники максимально соблюдают этику профессионального общения на всех видах коммуникационных платформ (объективно реальных и виртуальных); работники социальных организаций имеют дело с представителями разных культур, проявляя корректность в общении, тщательно подбирая слова и выражения, с учетом культуры, возраста, пола, образования, эмоционального состояния клиента.

Ключевые слова: профессиональные взаимодействия, работники организаций социального обслуживания, кризис.

Abstract. In modern society, the problem of professional interaction of employees of social service organizations in a crisis is relevant. The purpose of the work is to identify the specifics of staff communications in the field of social services in crisis conditions. The method of semi-structured interview was used. The study yielded the following results: the specialist, on the one hand, logically focuses on the objective situation of the client, and on the other – reflects it; interpersonal interaction is influenced by both individual and personal characteristics of the client and his emotional state; employees maximally observe the ethics of professional communication on all types of communication platforms (real and virtual); employees of social organizations deal with representatives of different cultures, showing correctness in communication, carefully choosing words and expressions, taking into account the culture, age, gender, education, and emotions of the client.

Keywords: *professional interactions, employees of social service organizations, social crisis.*

В современных условиях социального кризиса, отразившегося, в первую очередь, на представителях социально уязвимых категорий населения, становятся актуальными процессы всестороннего профессионального взаимодействия работников организаций социального обслуживания.

Кризис рассматривается как «резкий, крутой перелом в чем-либо, тяжелое переходное состояние», а также как «острое затруднение с чем-либо [6]». При этом речь идет непосредственно о социальном кризисе, представляемом следующим образом: «поворотный пункт, перелом в развитии общества или какой-то отдельной его сферы» [1, с. 203], что подразумевает изменение социальной ситуации.

И.Э. Вильданов и В.К. Падерин отмечают, что у социального кризиса, помимо негативных, имеются и «позитивные функции, конструктивный потенциал» [1, с. 203]. Так, социальный кризис во многом способствует «интеграции людей вокруг новых перспектив развития» [1, с. 203], что влечет за собой активизацию коммуникационного процесса. Кроме того, он «усиливает состояние неопределенности в процессе конструирования людьми собственной реальности» [5, с. 45], а вновь возникающие «социальные связи, отношения, взаимодействия» [5, с. 45] выступают источником появления и развития новых возможностей. Это «сопровождается новообразованиями как в индивидуальной, так и групповой идентичности с профессией» [2, с. 48], в особенности, в сфере социальной работы.

В настоящее время проявляются кризисные «изменения реальности в межличностных взаимодействиях» [5, с. 45]. И люди, оценивая друг друга, «не всегда принимают во внимание индивидуально-личностные проявления, а руководствуются обобщенными (образными) социально-личностными характеристиками» [5, с. 45]. Это также ведет к возникновению непонимания и нарушениям в профессиональных интеракциях на микроуровне.

Социологи отмечают, что развитие системы социального обслуживания населения в нашей стране характеризуется переходом «от модели, где ведущую роль играет государственный сектор, к модели, при которой основные функции по обеспечению достойного уровня социальной защищенности различных категорий населения берут на себя общественные институты, полагаясь на финансовую поддержку со стороны коммерческого сектора, а государство при этом выступает в качестве гаранта подобного рода взаимодействия на основе социального партнерства» [4, с. 136]. В современных кризисных условиях речь идет о создании «интегрированной модели социальной защиты населения в регионе (государство – НКО – бизнес) и включает в себя комплексные меры по социальной защите населения. Такая форма взаимодействия призвана не только повысить количество и качество оказываемых услуг населению, но и сделать партнерские отношения нормой общественной жизни» [3, с. 17]. Таким образом разрешаются кризисные проявления в системе социального обслуживания населения, расширяя, в том числе, спектр взаимодействий ее работников.

Согласно И.Э. Вильданову и В.К. Падерину, социальные кризисы классифицируются по следующим критериям [1, с. 205]:

- 1) степени эксплицированности (явные и латентные);
- 2) причинам, вызвавшим кризис (объективные и субъективные);

- 3) наличию инициирующих субъектов кризиса (естественные и искусственные);
- 4) степени предсказуемости (предвидимые и неожиданные);
- 5) остроте и глубине протекания (глубокие и поверхностные);
- 6) последствиям для общества и его подсистем (разрушающие и трансформирующие);
- 7) инициированности внутренними или внешними процессами и обстоятельствами (эндогенные и экзогенные);
- 8) масштабам распространения в социальном организме (общие и локальные);
- 9) длительности протекания (краткосрочные, среднесрочные, долгосрочные и перманентные);
- 10) по сферам проявления (политические, экономические, социальные, культурные).

В соответствии с этой классификацией мы проводили исследование особенностей профессионального взаимодействия работников организаций социального обслуживания в кризисных условиях.

Исследование проведенное в 2020 г. на примере организаций социального обслуживания Белгородской области, носило пилотный характер. В нем приняли участие 124 специалиста, имеющих опыт работы в данной сфере не менее 5-ти лет. Использована целевая выборка, применен метод полуструктурированного интервью. Для обработки и анализа первичных данных использованы метод составления сравнительных таблиц и метод «комментированные первичные тексты».

Обратимся к результатам исследования, приведенным в соответствии с классификацией, предложенной И.Э. Вильдановым и В.К. Падериным [1, с. 205] и представленным в таблицах.

От того, протекает кризис явно или латентно (табл. 1), зависит подход, который специалист выбирает для общения. Для того, чтобы наметить пути разрешения имеющейся трудной жизненной ситуации, требуется наладить взаимодействие с клиентом. П. Тревитик пишет, что эффективная коммуникация требует от работника определенного опыта, т.к. он должен одновременно понимать ситуацию клиента и рефлексировать его состояние [10, с. 1212].

Таблица 1

Влияние степени эксплицированности кризиса на особенности профессиональных взаимодействий работников организаций социального обслуживания

Критерий классификации кризисов	Виды кризисов	Цитаты из интервью респондентов
По степени эксплицированности	Явные	«Ну, конечно, клиенты бывают очень сложные, они просто провоцируют на открытый конфликт, и тогда общение точно не будет эффективным»
	Латентные	«Приходят, улыбаются вроде. Но я-то понимаю, что человек собирается писать жалобу. Я по какой-то невербальной реакции это вижу»

Из табл. 2 видно, что на профессиональное межличностное взаимодействие влияют индивидуально-личностные характеристики и состояния клиента (либо позитивно, либо негативно).

Здесь учитываются как формальные, так и неформальные каналы, по которым к клиентам поступает информация разного рода (табл. 3). Оба варианта одинаково важны для населения. А работнику социальной организации следует опровергнуть ложные сведения.

Сами специалисты в ситуации неопределенности также могут поддаваться излишним эмоциям (табл. 4). Чтобы этого избежать необходимо быть в курсе последних изменений в законодательстве и социальной ситуации..

Социальные кризисы могут сказываться на представителях наименее социально защищенных слоев населения разным образом (табл. 5). Но в любом случае это влечет за собой не только изменение самой ситуации, но внутреннего состояния клиента. что выражается в специфике коммуникаций.

Эффективная коммуникация помогает лучше понимать других людей и их ситуации, а также создает доверительную атмосферу, которая позволяет генерировать идеи, проявлять заботу и решать проблемы [1, с. 382], независимо от того, насколько разрушительно социальный кризис подействовал на общее состояние клиента.

Таблица 2

Причины, вызвавшие кризис, и их влияние на особенности профессиональных взаимодействий работников организаций социального обслуживания

Критерий классификации кризисов	Виды кризисов	Цитаты из интервью респондентов
По причинам, вызвавшим кризис	Объективные	«Бывает общее понимание проблемы человека, тогда осуществляется содействие гораздо быстрее и проще»
	Субъективные	«Идут, справки о крайней бедности приносят, в старые сапожки маскируются... А выходят из нашего здания и садятся за руль дорогой машины...»

Таблица 3

Специфика субъектов, инициирующих кризис, воздействующая на особенности профессиональных взаимодействий работников организаций социального обслуживания

Критерий классификации кризисов	Виды кризисов	Цитаты из интервью респондентов
По специфике субъектов, инициирующих кризис	Естественные	«Человек, например, потерял работу, да еще и во время наступившего у него же кризиса среднего возраста»
	Искусственные	«Наши клиенты, бывает, сплетни сами же распускают. И потом сами же в них верят. Ну, парадокс!»

Таблица 4

Степень предсказуемости кризиса и ее отражение на особенностях профессиональных взаимодействий работников организаций социального обслуживания

Критерий классификации кризисов	Виды кризисов	Цитаты из интервью респондентов
По степени предсказуемости	Предвидимые	«Если задачи поставлены заранее, проблема человека ясна, работать можно эффективнее с разными группами»
	Неожиданные	«Не ждали, не гадали — вдруг пандемия. Мы опасаемся, клиенты бывают в истериках»

Таблица 5

Влияние остроты и глубины протекания кризиса на особенности профессиональных взаимодействий работников организаций социального обслуживания

Критерий классификации кризисов	Виды кризисов	Цитаты из интервью респондентов
По остроте и глубине протекания	Глубокие	«Люди только стали оправляться от недавнего кризиса экономического. А тут — этот коронавирус! И со всеми своими внутренними страхами люди идут к нам...»
	Поверхностные	«У кого-то реально денег на продукты еле хватает, а другие, хоть при нормальном уровне жизни, но приходят и прямо плачут, что не могут сами оформить компенсацию на сайте госуслуг»

Таблица 6

Последствия кризиса, оказывающие воздействие на особенности профессиональных взаимодействий работников организаций социального обслуживания

Критерий классификации кризисов	Виды кризисов	Цитаты из интервью респондентов
По последствиям для общества и его подсистем	Разрушающие	«Эти рожденные в СССР и пережившие эту самую перестройку, они мало во что верят. И уже с порога, без «здрасьте», начинают высказывать свое недовольство сотрудникам»
	Трансформирующие	«У части наших клиентов сознание меняется прямо на глазах... Эта пандемия многое поменяла во взглядах на жизнь и ее трудности. Общаемся в ситуации вот такой неопределенности»

Независимо от того, как начал развиваться кризис (табл. 7), важны специфика его протекания и возможные последствия. А. Шоу справедливо замечает, что в социальной работе очень важна коммуникация, которая позволяет вовлекать в межличностное общение клиентов (отдельных людей, микрогруппы), а также активизировать самого себя, коллег и партнеров в контексте оказания помощи [9].

Таблица 7

Влияние инициированности внутренних или внешних процессов или обстоятельств на особенности профессиональных взаимодействий работников организаций социального обслуживания

Критерий классификации кризисов	Виды кризисов	Цитаты из интервью респондентов
По инициированности внутренними или внешними процессами и обстоятельствами	Эндогенные	«Потерял человек работу в предпенсионном возрасте. Дальше по профессии работать не видит смысла. Уходит в депрессию и в иждивенчество. А мы, сотрудники, все-превсе им должны»
	Экзогенные	«Ниоткуда взялась эта новая инфекция. А ударила по каждому. У многих прямо психика покачнулась, трудно профессионально и спокойно общаться»

Социальные кризисы могут кардинальным образом отразиться на всем населении, на отдельных социальных группах или на отдельных людях (табл. 8). С. Оби-Кегуна, У. Агбаводикейзу и И. Уче пишут, что работник социальной организации должен гарантировать, что в процессе коммуникации с клиентами, будь то отдельный человек, группа или целое сообщество, должны соблюдаться профессиональная этика общения на всех видах коммуникационных платформ [8, с. 67].

Таблица 8

Масштабы распространения кризиса и их воздействие на особенности профессиональных взаимодействий работников организаций социального обслуживания

Критерий классификации кризисов	Виды кризисов	Цитаты из интервью респондентов
По масштабам распространения в социуме	Общие	«Начитаются всяких ужасов в интернете, наобщаются в социальных сетях. И социальные работники обязаны их всех успокаивать и разъяснять ситуацию»
	Локальные	«Или же, так сказать, на лавочке, или на рынке обсуждают новости... Общение в таких группах, оно создает у наших бабушек и дедушек мнение, что они во всем правы. Они трудно идут на равноправный контакт с сотрудниками»

Длительность протекания конкретного кризиса (табл. 9) отражается не только на трудной жизненной ситуации клиента, но и на разнообразии каналов и платформ, где происходят коммуникации. В наиболее сложных случаях реальность обсуждается как с профессионалами, так и обывателями на протяжении продолжительного времени. Так, П.Э. Агву и У.О. Окое пишут, что это поюудило клиентов обратиться к «виртуальному пространству, включающему социальные сети, электронную почту, аватары, а также другим интернет-ресурсам, индиви-

Таблица 9

Длительность протекания кризиса и ее влияние на особенности профессиональных взаимодействий работников организаций социального обслуживания

Критерий классификации кризисов	Виды кризисов	Цитаты из интервью респондентов
По длительности протекания	Краткосрочные	«Вот, например, в стационаре бабушка встала не с той ноги — и все! Утро испортит всем на этаже»
	Среднесрочные	«Физические недуги, они влияют на психологическое состояние. Время от времени у проживающих в стационаре бывают разные бзики, психозы и изменения в поведении»
	Долгосрочные	«Не могу дать точного понимания того, что можно реально сказать или сделать, чтобы успокоить клиентов, которые впадают в долгую депрессию. Поэтому умение слушать занимает едва ли не главное место. И они от этого успокаиваются»
	Перманентные	«Профессиональная коммуникация является важной. Есть такие клиенты, которые постоянно проявляют негативные реакции. И мы уже психологически заранее готовимся к встрече и общению с ними»

дуально-ориентированным платформам обмена сообщениями» [7, с. 368]. Эти платформы все чаще получают признание в профессиональных коммуникациях специалистов с клиентами [7, с. 368], коллегами и партнерами.

Персоналу приходится функционировать в многонациональном обществе, где установились достаточно толерантные взаимоотношения между представителями разных культур. Для одних более тх — экономические или культурные (табл. 10). П. Тревитик, С. Ричардс, Г. Рух и Б. Мосс отмечают, что работник «должен быть осторожен в своих собственных словах, обращая внимание среди прочих особенностей на культуру, возраст, уровень образования, пол, сиюминутное эмоциональное состояние клиента» [11], чтобы не навредить ему.

В результате рассмотрения особенностей профессионального взаимодействия работников организаций социального обслуживания в условиях кризиса сделаны следующие выводы:

Влияние сфер проявления кризиса на особенности профессиональных взаимодействий работников организаций социального обслуживания

Критерий классификации кризисов	Виды кризисов	Цитаты из интервью респондентов
По сферам проявления кризиса	Политические	«Заходят и сразу начинают ругать правительство, губернатора, директора и других представителей власти. А еще и письменно жалобу напишут. Нам потом отписываться, объясняться в том, о чем понятия не имеем»
	Экономические	«Если у человека нет денег на необходимое, ему добрым словом не поможешь. Тогда нужно налаживать коммуникации с коллегами, чтобы оказать помощь»
	Социальные	«Ну, потерял работу, развелся. Бывает такое, все сразу. И человек теряет свой статус. С ним трудно, потому что он оказался в неизвестной, пугающей ситуации»
	Культурные	«Например, мигранты, которые приезжают. У них свои эмоциональные, культурные особенности. Мы не всегда сразу понимаем, зачем человек пришел в центр»

- в эффективной коммуникации специалист с одной стороны логически акцентирует внимание на объективной ситуации клиента, а с другой — рефлексировать ее;
- на межличностное взаимодействие влияют как индивидуально-личностные характеристики клиента, так и его ситуативное состояние;
- для работы в ситуации неопределенности работники время от времени поддаются эмоциям, поэтому им следует быть в курсе последних изменений в законодательстве и социуме, чтобы по возможности избежать непредсказуемости;
- социальные кризисы сказываются на представителях социально незащищенных слоев населения не только в самой жизненной ситуации, но и на их внутреннем состоянии, что влияет на специфику коммуникаций и на ее эффективность;
- специалист социальной организации вовлекает в межличностное общение клиентов (отдельных людей, микрогруппы), а также активизирует себя, коллег и партнеров с целью оказания помощи нуждающимся;
- работник старается максимально соблюдать этику профессионального общения, осуществляющегося на всех видах коммуникационных платформ (объективно реальных и виртуальных);
- особенности протекания кризиса отражаются не только на трудной жизненной ситуации клиента, но и в сообщениях, размещенных на разнообразных каналах и платформах, где происходят личные и профессиональные коммуникации;
- работники социальных организаций должны проявлять корректность в общении, тщательный подбор слов и выражений, с учетом культуры, возрас-

та, пола, образования, эмоционального состояния клиента, чтобы не навредить ему.

Список литературы

1. Вильданов И.Э., Падерин В.К. Кризис как показатель назревших социальных изменений // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. — 2008. — Т. 150. — Кн. 4. — С. 201–207.
2. Волкова О.А. Проблемы профессиональной идентичности и маргинальности индивидов и социальных групп // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2007. — № 3 (21). — С. 45–48.
3. Волкова О.А., Гребеникова Ю.А. Система социальной защиты населения региона на основе межсекторного социального партнерства: модели взаимодействия // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2015. — № 2–2 (62). — С. 12–17.
4. Волкова О.А., Гребеникова Ю.А. Социологические модели системы социальной защиты населения // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. — 2016. — № 2 (26). — С. 129–136.
5. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Изменяющаяся социальная реальность в кризисном российском обществе // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2017. — Т. 10. — № 1. — С. 41–57.
6. Кризис // Большой Энциклопедический словарь. 2000: [сайт] / Словари и энциклопедии на Академике. — URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/168202>.
7. Agwu P.C. & Okoye U.O. Social media and insecurity of cultural values: Implications for social work practice in Nigeria. Presented at 2017 Interdisciplinary Research Conference, Ebonyi State University, Abakiliki on Poverty, Health and National Security. — Ebonyi: Ebonyi State University, 2017. — Pp. 368–382.
8. Obi-keguna C., Agbawodikeizu U. & Uche I. Communication in Social Work // In book: Okoye U., Chukwu N. & Agwu P. (Eds.). Social work in Nigeria: Book of readings. — Nsukka: University of Nigeria Press Ltd., 2017. — Pp. 60–69.
9. Shaw A. Why communication skills? Retrieved from. 2005. URL: <http://learn-tech.uwe.ac.uk/communicationskills/default.aspx?pageid=1376>.
10. Trevithick P. Revising the knowledge base of social work: A framework for practice // British Journal of Social Work. — 2008. — Iss. 38. — Pp. 1212–1237.
11. Trevithick P., Richards S., Ruch G. & Moss B. Teaching and learning communication skills in social work education. — Knowledge Review 6. — London: SCIE / SWAPItsn / The Policy Press, 2005. — 254 p.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Научный журнал «Человек.Общество.Инклюзия» является научным изданием, в котором публикуются статьи и другие материалы, *отражающие научно-исследовательскую работу в области социально-гуманитарных и экономических дисциплин*. Приоритет отдается статьям, обладающим научной новизной, обобщающим результаты актуальных по проблематике исследований авторов, представляющим интерес для научной общественности и специалистов-практиков. Экспертиза рукописей осуществляется на заседаниях редколлегии. Журнал оставляет за собой право на сокращение объема материала и его литературную правку. Все материалы проходят обязательную проверку степени оригинальности текста. Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по группам научных специальностей: 22.00.00 — социологические науки; 09.00.00 — философские науки.

Правила оформления направляемых в журнал рукописей

Принимаются статьи объемом от 8 до 24 страниц А4; для публикаций в рубрику «Исследования молодых ученых» — до 12 страниц. Страницы должны быть пронумерованы.

Материалы представляются в виде файла в формате MS Word (.doc или .docx) со следующими параметрами: шрифт Times New Roman, кегль 14, полуторный межстрочный интервал, отступ первой строки абзаца — 1,25 см, верхнее поле — 3, нижнее — 2, левое — 3, правое — 2 см.

Рисунки и схемы в случае, если они подготовлены не в программе Word, следует высылать в виде отдельных файлов. Весь иллюстративный материал, включая таблицы, должен быть пронумерован и озаглавлен.

Статья должна содержать обязательные элементы: 1) *название* на русском и английском языках; 2) *сведения* об авторе на русском и английском языках (Ф.И.О. полностью, ученая степень, звание, официальное наименование места работы, должность, электронный адрес); 3) *аннотацию* (не более 15 строк) и список ключевых слов (не более 7) на русском и английском языках; 4) *список литературы* (в алфавитном порядке, сначала работы на русском, после них — на иностранных языках, затем — интернет-источники).

Список литературы не должен содержать указаний на работы, которые не упоминаются в тексте.

Более подробно с требованиями к рукописи можно ознакомиться на странице журнала в Интернете: <http://vestnik.mggeu.ru>.

Ссылки на источники даются в тексте в квадратных скобках: указывается порядковый номер источника и страница [12, с. 75]. Автор несет ответственность за достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и иных данных, имен собственных, географических названий и других сведений. Текст рукописи подписывается автором с указанием координат для связи (почтовый и электронный адреса, телефоны).

Материалы посылаются в редакцию в виде простых почтовых отправлений по адресу: 107150 г. Москва, ул. Лосиноостровская, д. 49, каб. 108а. или на электронную почту редакции: bobko@mggeu.ru.

Решение о публикации или отклонении рукописи принимается по результатам экспертной оценки. Решение об отказе от публикации может быть принято редколлегией без специального рецензирования и обоснования причин. При положительном решении *автор берет обязательство* не публиковать ее ни полностью, ни частично в другом издании без согласия редакции в течение полугода.

Рукописи авторам не возвращаются. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Человек. Общество. Инклюзия

2(42) 2020

Ответственный за выпуск:	С.А. Бобко
Технический редактор:	К.А. Антонов
Компьютерная верстка:	К.А. Антонов

Подписано в печать 17.09.2020. Формат 70×108 ¹/₁₆.
Бумага офисная. Гарнитура *Times New Roman*.
Печ. лист 7. Тираж 500 экз. Заказ № 19/1.

Московский государственный гуманитарно-экономический университет (МГГЭУ)
107150, Москва, ул. Лосиноостровская, д. 49.
Отпечатано в типографии МГГЭУ по технологии CtP.